

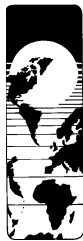
2

2017

РОССИЯ XXI

2.2017 март-апрель

Геоглобалистика

Иван Алешковский, Зоя Бочарова

Беженцы. Становление и эволюция статуса
и развитие системы защиты _____ **6**

Пути духовных исканий

Андрей Юрганов

Первая мировая война и кризис русского
модернизма (окончание) _____ **30**

Страницы истории

Виктор Кириллов

Елизаветградское дело 1869 года. К вопросу
о терроризме и радикализме в русском
революционном движении конца
1860-х годов _____ **56**

Елена Жбанкова

«Художественная пропаганда коммунистических
идей...»
Государственная политика России в сфере
искусства первых постреволюционных лет _____ **76**

Ярлыки и мифы

Андрей Ранчин

«Повесть о Дракуле»
и представления о добродетельном
и «злом» государе
в древнерусской книжности _____ **94**

Актуальный архив

Любовь Лазарева

Московская повседневность весны
1952 года.
Впечатления зарубежных
гостей _____ **124**

Альберт Ненароков

«Сибирские марксисты»
об экзамене революцией
1905 года _____ **154**

РОССИЯ ХХІ

Contents in English look at the page 188

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук,
директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского
Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол
в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН,
преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой новейшей истории России Московского государственного
областного университета, главный специалист «Центра документальных
публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры
литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований,
Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей
истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского
государственного лингвистического университета, директор Института
международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики
Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

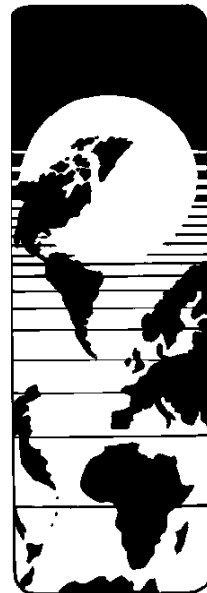
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

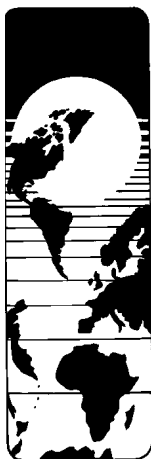
Когда негде остановиться,
когда нельзя иметь крова над головой,
когда все время мчишься дальше.
Существование эмигранта.
Бытие индийского дервиша.
Бытие современного человека.
И знаешь, эмигрантов гораздо больше,
чем думают. К их числу принадлежат
иногда даже те, кто никогда
не покидал своего угла.

Эрих Мария Ремарк

**Вы же сами прекрасно знаете,
как на нас, беженцев, смотрят везде
и всюду. От своих отстали, к чужим
не пристали. На родине нас считают
предателями, а на чужбине –
иностранными подданными.**

Эрих Мария Ремарк

Иван Алешковский, Зоя Бочарова

БЕЖЕНЦЫ

**СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ СТАТУСА
И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ**

УДК
325.254.4
94

В статье на основе широкого исторического фактического и теоретического материала исследуется эволюция понятия «беженцы» и международной системы защиты прав вынужденных мигрантов. Становление режима по делам беженцев и соответствующей отрасли международного права связано с феноменом русского Зарубежья 1920-х – 1930-х годов. Показаны причины трансформации институтов от верховного комиссара по делам русских беженцев Лиги Наций до Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев и расширения их полномочий, а также критериев получения статуса беженца. Приведены данные о современном состоянии беженского вопроса.

The authors consider evolution of the “refugees” concept and of the international system of displaced persons’ rights protection on the basis of broad massive of historical facts and theoretical material. Making of regime for refugees and of respective branch of international law is connected with the Russian émigré community of the 1920s and 1930s. Causes of institutions’ transformation from the League of Nations High Commissioner for refugees to the UN Office of the High Commissioner for refugees and expansion of their authorities as well as of criteria for refugee status receiving are shown. Data on the present day status of refugee issue are adduced.

Ключевые слова: Лига Наций; Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев; верховный комиссар по делам русских беженцев; Ф.Нансен; Г.Эмерсон; Советский Союз; Устав УВКБ ООН; Конвенция 1951 г. и Протокол 1967 г., касающиеся беженцев; Евросоюз; миграционный кризис.

Key words: the League of Nations; UN Office of High Commissioner for refugees; the High Commissioner for Russian displaced persons; F.Nansen; H.Emerson; the USSR; the UN Charter; Convention of 1951 and the Protocol of 1967 relating to displaced persons; the European Union; migration crisis.

E-mail: aleshkovski@fgp.msu.ru , zbotcharova@mail.ru

Проблема беженцев на международном уровне впервые была поставлена в рамках решения «русского вопроса». Инициатором привлечения Лиги Наций к делу организации помощи и защиты более миллиона бывших граждан России (Российской империи), оставшихся без поддержки страны своего происхождения, стал Международный комитет Красного Креста (МККК). 20 февраля 1921 года председатель МККК обратился с письмом в Совет Лиги Наций. В письме он указывал на бедственное положение выходцев из России за границей и на необходимость назначения комиссара по делам русских беженцев. Предложение получило воплощение летом 1921 года. Тем самым мировое сообщество сделало первый шаг к формированию системы защиты тех, кто вынужден бежать с родины и не может или не хочет в нее вернуться.

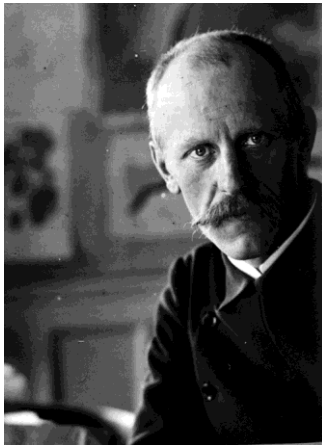
Сегодня эту деятельность ведет Управление верховного комиссара Организации объединенных наций по делам беженцев, или УВКБ ООН (Агентство), созданное 14 декабря 1950 года по решению Генеральной ассамблеи (ГА) ООН. А статус беженца регулируется соответствующей Конвенцией, принятой 28 июля 1951 года. Агентству поручено координировать международные усилия по защите беженцев и других лиц и по сокращению безгражданства. Всего в организации работает 9 700 человек в 126 странах по состоянию на декабрь 2015 года. Самый первый мандат Агентства был рассчитан на трехлетний период и ограничивался лишь европейскими странами. Но вследствие увеличения потоков вынужденных мигрантов мандат неоднократно продлевался (теперь уже каждые пять лет) и расширялся. С середины 1950-х годов под покровительством организации оказались также лица, помощь которых Уставом УВКБ ООН не предусматривалась.

От нансеновского паспорта до Конвенции о юридическом статусе русских и армянских беженцев

Несмотря на более чем полувековой опыт урегулирования положения беженцев, проблема далека от своего решения и обрастает все новыми и новыми задачами. Начало формированию международного режима по делам беженцев и соответствующей отрасли международного права положило русское Зарубежье 1920-х – 1930-х годов, сформировавшееся в результате геополитического сдвига, стимулированного Первой мировой войной, революциями 1917 года. Последовавший массовый исход российских граждан и их рассеяние по десяткам стран впервые в истории привели к необходимости сделать

беженцев предметом заботы не только благотворительных организаций, но и всего мирового сообщества.

Уникальность положения русской эмиграции этого периода заключалась в том, что за изгнанниками не стояло государство, которое бы защищало их интересы, и они оказались в юридическом вакууме. Российская империя, бывшими подданными которой они являлись, перестала существовать, а от созданной на ее развалинах Советской России (позже – Советский Союз) принимать помощь и защиту эти люди не желали. Началась борьба русского мира за признание мировым сообществом особого статуса лиц, оказавшихся без защиты своего отечества. Благодаря усилиям российской эмиграции, верховного комиссара по делам беженцев Лиги Наций и доброй воле правительств уже к началу 1930-х годов сформировались принципиальные положения международных правовых норм, регулировавших жизнедеятельность российских изгнанников.

Фритьоф Нансен

Деятельность Лиги Наций и ее верховного комиссариата по делам русских беженцев, созданного на достаточно короткий период, до мая 1924 года, стала ответом на вызов времени. Первым верховным комиссаром по делам беженцев был назначен известный норвежский исследователь, путешественник, общественный и политический деятель Фритьоф Нансен. Современный мировой опыт и юридическая база решения беженского вопроса основываются на достижениях юристов того периода, в том числе и представителей послереволюционной эмигрантской волны из России.

Первоначальные меры верховного комиссара предполагали учет и расселение либо возвращение на родину изгнанников. Задача выделения их в особую категорию и детальной регламентации правового положения не ставилась. Последующие женевские межправительственные соглашения стали реакцией на острые жизненные запросы, реальную историческую ситуацию. Логичным завершением процесса признания бывших граждан Российской империи, не принявших советскую власть, лицами, оставшимися без попечения государства своего происхождения, стало

БЕЖЕНЦЫ

принятие Конвенции о правовом статусе русских беженцев 30 июня 1933 года. Данный результат стал возможен благодаря упорному сопротивлению ассимиляции, стремлению сохранить элементы и признаки российской государственности, заявить мировому сообществу и убедить его в особом положении русских изгнанников.

Беженцы как особая категория иностранцев выделялись по национальному происхождению или территории, которую они покинули, а также в связи с отсутствием дипломатической защиты со стороны государства своего происхождения. Женевские определения 1922 года понятия «русский беженец» («русского происхождения, не принявший никакого другого подданства»¹) и 1926 года («всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства») требовали дополнений и разъяснений, и потому ряд вопросов оставался на усмотрение местных правительств. Документы, выдававшиеся русским эмигрантам, подпадавшим под это определение, – нансеновские паспорта – явились предвестниками современных паспортов беженцев. И сегодня нансеновские паспорта сохраняют юридическую силу. В начале 1920-х годов эмиграция отнеслась к ним негативно, стремясь сохранить прежние имевшиеся на руках документы – «осколки оплота государственности», «остатки, пусть даже фикцию, русского государства» [5, с.117–177].

Рубежным этапом в становлении системы защиты беженцев стало принятие Конвенции 28 октября 1933 года о юридическом статусе русских и армянских беженцев. По сути она стала компромиссом, учтившим нормы, выработанные практикой, обычаями, законодательствами, интересами правительств отдельных государств, и требованиями беженцев, гуманитарными принципами складывавшегося международного права под эгидой Лиги Наций.

СССР против русских беженцев

СССР после вступления в Лигу Наций (1934) активизировал деятельность по исключению русских беженцев как особой категории мигрантов из-под опеки Международного офиса по делам беженцев имени Ф.Нансена и настаивал на сохранении в силе принятого в собрании Лиги Наций 1929 года решения о ликвидации Офиса в 1939 году.

¹ В научной литературе это **первое** в истории определение «беженец» почему-то игнорируется.

POLIZEIDIREKTION WIEN

Behörde, welche das Dokument ausstellt: **PASSANT** den 17. Juli 1928.
 Autorité, qui délivre le certificat le

Identitätschein
 Certificat d'identité

gültig bis 10. Juli 1929
 valable jusqu'au

Der vorliegende Ausweis ist für die Rückkehr in das Land, in welchem er ausgestellt wurde, nicht gültig, wenn dies nicht auf dem vorliegenden Dokumente ausdrücklich vermerkt ist, und verliert seine Gültigkeit, sobald der Inhaber, wann immer, nach Rußland einreist.
 Le présent certificat n'est pas valable pour le retour dans le pays qui l'a délivré sans une mention spéciale inscrite sur le présent document. Il cessera d'être valable, si le porteur pénètre, à un moment quelconque, en Russie.

Familienname: Borodine
 Nom de famille
 Vornamen: Alexandra
 Prénoms
 Geburtsdatum: 12. 10. 1904
 Date de naissance
 Geburtsort: Arhangelsk
 Lieu de naissance
 Familienname des Vaters: Plomin
 Nom de famille du père
 Familienname der Mutter: Steposhkin
 Nom de famille de la mère
 Russischer Abstammung, ohne irgendeine andere Staatsbürgerschaft erlangt zu haben.
 D'origine russe, n'ayant acquis aucune autre nationalité.

Beruf: Private
 Profession
 Früherer Wohnort in Rußland: Arhangelsk
 Ancien domicile en Russie
 Gegenwärtiger Wohnort: Wien
 Résidence actuelle

Personalsbeschreibung:
 Signalement
 Alter: 23 Jahre
 Age
 Haare: braun
 Cheveux
 Augen: braun
 Yeux
 Gesicht: oval
 Visage
 Nase: normal
 Nez
 Besondere Kennzeichen: keine
 Signes particuliers

Bemerkungen:
 Observations

Unterschrift des Inhabers:
 Signature du Titulaire
Alexandra Borodine

Die Befertigte bestätigt, daß die beigelegte Photographie sowie die Unterschrift jene des Inhabers des vorliegenden Dokumentes sind.
 Le soussigné certifie que la photographie et la signature apposées ci-contre sont bien celles du porteur du présent document.

Unterschrift der Behörde:
 Signature de l'autorité
M. Plomin

Dieses Dokument ist ausgestellt im Sinne des Beschlusses der polizeihäufigen Konferenz in Wien, welche dem Vorkommnisse der russische Flüchtlinge Dr. Nansen für den 3. Juli 1922 einberufen wurde.
 Ce certificat est délivré conformément aux résolutions de la Conférence gouvernementale convoquée par le Dr. Nansen, Nant Commissaire pour les Réfugiés Russes, à Genève, le 3-5 Juillet 1922.

R. D. 220. — Wien, 1. September 1922. — Druck des Österreichischen Staatsdruckers in Wien. (N. 1) 12332 22

Удостоверение личности (сертификат), выдано органами полиции в Вене лицу «русского происхождения, не принявшему никакого другого подданства».

План реорганизации Офиса был предложен норвежским правительством и предусматривал расширение его деятельности. Согласно этому плану Лига Наций должна была взять на себя заботу обо *всех* беженцах, «без различия их происхождения, расы, политических убеждений». XVI сессия Лиги Наций (сентябрь 1935 г.) приняла решение о создании комитета экспертов. Проект вызвал серьезную оппозицию в Лиге Наций, особенно в VI комиссии, высказавшейся против предоставления каких бы то ни было новых кредитов на эти цели [17; 1]. Советские представители В.П.Потемкин и Б.Е.Штейн приняли участие в прениях. К 7 декабря 1935 года комитет экспертов подготовил доклад для представления совету Лиги Наций.

Между тем, Русский комитет объединенных организаций в Париже поручил особой комиссии заняться вопросом реорганизации русской фракции в совещательном комитете. Соответствующий доклад был подготовлен юристом-эмигрантом В.Б.Ельяшевичем и представлен экспертам. Комиссия предложила включить в совещательный комитет центральные гуманитарные организации, беженские офисы (во Франции, Германии, Югославии, Румынии) и представителей, избранных от каждой страны специальными объединениями действующих в них гуманитарных организаций [18].

Но СССР выступал против участия русских эмигрантов в учреждениях, причастных к работе Лиги Наций, и против помощи беженцам из России вообще. В ноябре 1935 г. были сделаны попытки воздействовать на работу комитета экспертов и направить ее «в желательном направлении» [4, с.36]. М.М.Литвинов информировал по этому поводу полномочного представителя во Франции В.П.Потемкина: «В состав указанного комитета входят Осусский и от Франции Ролан Марсель. Нужно установить с кем-либо из них неофициальный контакт, чтобы держать НКИД в курсе работ комитета...» И далее следовала целая программа преобразования Офиса: «1. Никаких дополнительных ассигнований Лиги Наций на Бюро Нансена, кроме предусмотренных планом его ликвидации и кроме расходов, которые могут быть вызваны помощью саарским беженцам, не должно производиться. 2. Бюро Нансена должно быть ликвидировано в положенный срок (1939 год). 3. Никакого органа Лиги Наций не должно создаваться, будь то в форме реорганизации Бюро Нансена или в виде специального нового учреждения. Самый вопрос о русских беженцах должен быть исключен из программы работ Лиги Наций после ликвидации Бюро Нансена. Таким образом, доклад, который будет составлен комитетом, собирающимся 28 ноября, не должен стро-

иться в расчете на какую-либо дальнейшую поддержку русских беженцев Лигой Наций. 4. Количество саарских беженцев так невелико, что нужно постараться, чтобы они были устроены ко времени ликвидации Бюро Нансена. Во всяком случае, если бы Лиге Наций пришлось заниматься ими после 1939 года, желательно, чтобы для них действовал особый порядок. 5. Поскольку германские беженцы, о которых в настоящее время заботится Лондонское Бюро, получают средства не от Лиги Наций, вопрос о денежной помощи им не возникает. Против придания Лондонскому Бюро характера органа Лиги Наций или организации под ее покровительством, мы, конечно, возражений не имеем. Слияние же Лондонского Бюро и Бюро Нансена нам крайне нежелательно и по существу дела недопустимо, т.к. первое занимается жертвами фашистского режима, а второе – главным образом, русскими белогвардейцами» [4, с.36–37]. Советская сторона указывала на «недопустимость существования при Бюро Нансена таких представителей беженских организаций, как представители Совета бывших русских послов Гулькевич и Нольде», настоятельно требовали вывести из состава Межправительственной комиссии по делам беженцев Б.Э.Нольде и В.А.Маклакова и «воспрепятствовать тому, чтобы при комиссии, которая считается органом Лиги Наций, имелись представители организаций, носящих вызывающие названия, или лица, занимавшие в прошлом антисоветские политические посты» [4, с.36].

С 1936 года Международный офис по делам беженцев имени Ф.Нансена возглавил норвежский юрист М.Ханссон. Ему в соответствии с решением XVII Ассамблеи Лиги Наций было поручено подготовить план ликвидации Офиса и разослать его правительствам с целью обсуждения на очередной сессии в сентябре 1937 года [2].

Прения по беженскому вопросу на XVIII сессии Лиги Наций (сентябрь–октябрь 1937 г.) заняли гораздо более значительное место, чем в предыдущие годы. М.Ханссон отмечал, что проблема не может быть разрешена, как намечалось, к концу 1938 года. Когда устанавливались эти сроки, предполагалось, что эмигранты к этому времени либо вернутся на родину, либо ассимилируются. Но на попечении Офиса оставались еще около 600 тыс. беженцев, число которых сократилось за 1936 год лишь на 100 тысяч преимущественно за счет натурализации армян. Уменьшение числа других категорий беженцев путем натурализации (всего за 1936 год новое гражданство приняли 1812 чел.) компенсировалось естественным приростом. Не убывала и работа Офиса по выдаче нансеновских сертификатов, виз, свидетельствованию разного

БЕЖЕНЦЫ

рода актов, ходатайствам об отмене высылки, о праве на труд, о материальной помощи, о принятии в госпитали, санатории, приюты и т.д.² Фонд помощи пополнялся за счет нансеновского марочного сбора всего чуть более чем наполовину. Во многих выступлениях звучала мысль, что ликвидация организации не будет равносильна ликвидации самой беженской проблемы. Поэтому были приняты решения по налаживанию координации в Лиге Наций всей деятельности по покровительству беженцам, намечены принципы реорганизации такого центра. Было высказано предложение об объединении Офиса и верховного комиссариата по защите беженцев из Германии. Намечались следующие направления работы:

- и далее отказываться от непосредственных субсидий беженцам;
- содействовать распространению почтовой марки имени Ф.Нансена;
- возратить авансы, добиваться ратификации конвенции от 28 октября 1933 года³;
- стремиться к дальнейшему улучшению статуса, однако приравнивая беженца не к гражданину страны убежища, а лишь к наиболее благоприятствуемому иностранцу и др. [10, ст. 3899–3902].

Представитель СССР Б.Е.Штейн настаивал на выполнении резолюции 1931 года об уменьшении расходов на нансеновское бюро. Он заметил, что средства должны идти не на устройство беженцев, а лишь на административные нужды. Все попытки заставить СССР отказаться от идеи исключения категории русских беженцев из числа опекаемых Лигой Наций заканчивались неудачей. Делегаты готовы были объединить всех беженцев в одном центре, не принимать в будущую организацию ни беженцев, ни бывших беженцев. Но для Б.Штейна было «неприемлемо какое бы то ни было предложение, имеющее целью продолжение деятельности в защиту русских беженцев» [10, ст.3936]. Только относительно немецких беженцев голосование прошло единогласно.

Еще в январе 1937 года совет Лиги Наций назначил комитет из представителей Великобритании (Крэнборн), Франции (Грумбах), Боливии (Коста-дю-Рельс), который, наряду с решением других вопросов, нашел компромисс с советским представительством. Были получены обещания

² С июня 1935 г. по июнь 1936 г. отмечено было 113 839 случаев вмешательства нансеновского бюро по защите интересов беженцев [9, ст. 3549].

³ До 1937 г. конвенцию ратифицировали только 8 государств.

перестать чинить препятствия созданию при Лиге Наций органа, в задачи которого входило бы оказание помощи не только немецким, но и русским беженцам. Тем не менее помощь русским можно было сохранить, связав ее с помощью другим беженцам. По сведениям начальника управления по делам российских эмигрантов в Югославии В.Н.Шtrandтмана, из названия реорганизованного учреждения должны были исчезнуть не только «упоминание имени Нансена, одиозного для большевиков, но и упоминание о защите русских беженцев, против чего большевики в Женеве постоянно» протестовали. Становилось очевидным, что влияние российских эмигрантов на решение беженских вопросов значительно уменьшится [25, с.50–51, 79].

Таким образом, компромисс не обошелся без «жертв». В новом органе не могли больше принимать участие ни на самостоятельных должностях, ни в качестве служащих беженцы или бывшие беженцы. Новый орган не мог больше пользоваться услугами «таких полезных и преданных делу выдающихся работников как Б.С.Серафимов – представитель нансеновского офиса в Болгарии, Котельников – представитель в Греции и др.» [19]. Международный офис по делам беженцев имени Ф.Нансена сворачивал свою работу. Функции представителя русской эмиграции в Женеве Я.Л.Рубинштейна закончились одновременно с ликвидацией нансеновского офиса [6].

Критерии определения понятия «беженец»: от национального принципа к универсальному

Между тем критерии определения понятия «беженец» претерпевали изменения. Принципы «происхождения» и «отсутствия защиты» для признания лица беженцем были до-

полнены политической составляющей в 1936 году. Институт международного права на апрельской сессии, состоявшейся в Брюсселе, принял резолюцию под названием «Правовой статус апатридов и беженцев». В ст.2 «беженец» определялся как «индивид, который по причине внезапно возникших политических событий на территории государства его гражданской принадлежности покинул добровольно или недобровольно эту территорию... и не приобрел нового гражданства, и не пользуется дипломатической защитой какого-либо другого государства» [20, с.14].

В международном праве эта тенденция нашла выражение в Конвенции о статусе беженцев из Германии, подписанной в Эвиане (Франция) 10 февраля 1938 года. Ее появление было обусловлено приходом Гитлера к власти в 1933 году, ростом потока беженцев из Германии,

БЕЖЕНЦЫ

Нансеновский паспорт беженки из Германии

принятием нюрнбергских расистских законов и расширением германского рейха за счет присоединения и захвата чужих территорий. Появилась серия новых документов: соглашения в июле 1935 года – о выдаче удостоверений личности беженцам из Саарской области, в июле 1936 года – о статусе беженцев из Германии. Для определения «беженец» использовался подход, сходный с Конвенцией 1933 года о русских беженцах. Это – «а) лица, обладающие германским гражданством и не имеющие другого, которые не пользуются защитой германского правительства; б) другие лица, которые не имеют гражданства, которые не охвачены предшествующими соглашениями, которые покинули германскую территорию и могут доказать на законных основаниях, что не пользуются защитой германского правительства». Кроме того, в документе содержалось положение о том, что беженцами не считаются лица, уехавшие из Германии по каким-то иным (личным) причинам, не связанным с возможностью преследования [15]. Позже действие Конвенции было распространено на австрийских беженцев (после «аншлюса») и принят дополнительный Протокол от 14 сентября 1939 года.

Результатом упорядочения усилий по урегулированию статуса беженцев стало формирование Межправительственного комитета по делам беженцев в составе стран-участниц конференции (всего 31 страна), в ведении которого находилась защита интересов беженцев от нацизма из Германии и Австрии. Новый орган был лишен, в отличие от прежней организации, функции непосредственного оказания гуманитарной помощи.

С 1 января 1939 года вместо нансеновского офиса при Лиге Наций центром международной помощи беженцам стал верховный комиссариат в Лондоне, который возглавил Г.Эмерсон, бывший губернатор Пенджаба, а его помощником стал Г.Г.Кульман. Накануне своего закрытия Международный офис по делам беженцев имени Ф.Нансена получил Нобелевскую премию мира. На заседании административного совета офиса было решено, что средства фонда должны пойти исключительно на нужды тех беженцев, которыми он занимался. Этому было посвящено специальное заседание Административного совета в Женеве 14 декабря 1938 года. Было решено часть фонда (164 тыс. швейцарских франков) распределить между группами и организациями беженцев, остальную часть передать в ведение нового верховного комиссара Г.Эмерсона. К концу 1938 года, около 100 000 французских франков было передано в распоряжение Русского распределительного комитета в Париже. Как писала эмигрантская газета *Возрождение*, «так называемая "беженская проблема" вступила в новую стадию» [6]. Верховному комиссару было поручено лишь установить контакт с беженскими организациями «в формах, которые он найдет целесообразными» [19]. Для этого Г.Эмерсон вместе с Г.Г.Кульманом предприняли поездку на Балканы (в Югославию и Болгарию), затем во Францию. Однако реальных рычагов для решения проблемы новая организация не получила. Долго выстраиваемая система защиты беженцев в результате осталась только в руках государств, их приютивших.

Международные действия в защиту беженцев, начавшись с решения русского вопроса, к концу 1930-х годов были распространены на изгнанников из других стран. Однако принципы универсальности и единообразия в применении принятых актов не утвердились. Чем более обязательными и всеобъемлющими они были, тем меньшее количество государств выражало желание их ратифицировать. Так, Конвенцию о статусе беженцев из Германии ратифицировали лишь два государства [20, с.54].

БЕЖЕНЦЫ

В апреле 1943 года на Бермудской конференции межправительственный комитет по делам беженцев принял решение работать со всеми беженцами, а не только из Германии и Австрии. Вторая мировая война стимулировала решение беженского вопроса и расширение набора признаков для включения в категорию беженцев. 9 ноября 1943 года в Вашингтоне была учреждена Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНППА – United Nation Relief and Rehabilitation Administration) с полномочиями оказания помощи союзным армиям в решении проблемы беженцев и перемещенных лиц (DP⁴). К 1945 году ЮНППА стала основной организацией, осуществлявшей помощь перемещенным лицам.

СССР принял участие в деятельности ЮНППА, поскольку эта организация оказывала помощь в восстановлении Украины и Белоруссии и сотрудничала с советскими властями. Москва выступила за репатриацию перемещенных лиц и против их расселения из Европы по разным странам, заявляя, что 1) таким образом могли уйти от правосудия военные преступники и предатели; 2) этих людей обрекали в будущем на нищету и всякого рода дискриминации.

После 1 июня 1947 года мандат ЮНППА истек. Ее функции приняла на себя Международная организация по делам беженцев (МОБ, англ. International Refugee Organization, IRO), действовавшая до 28 февраля 1952 года⁵.

**Конвенция 1951 года
и Протокол 1967 года
– международно-правовые
документы универсального
уровня, гарантирующие
защиту беженцев**

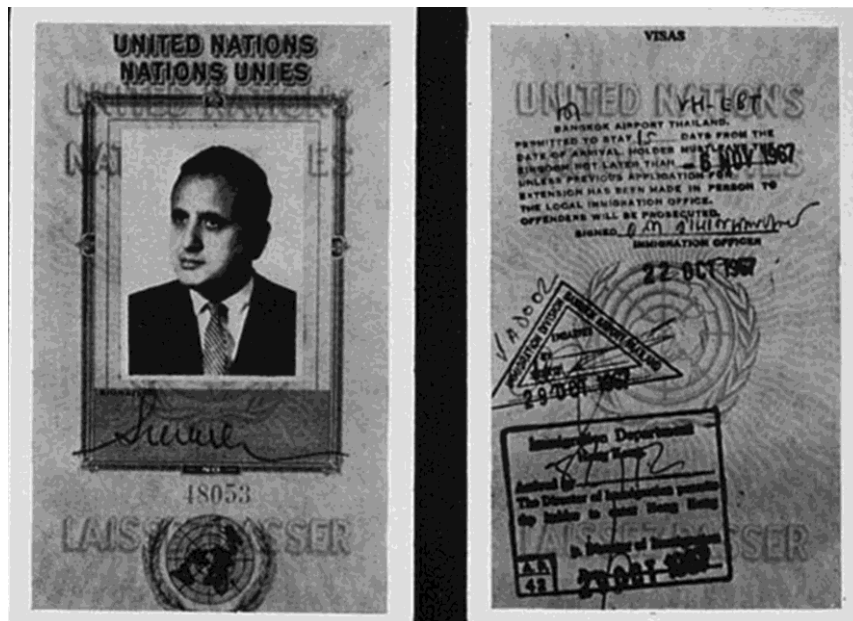
Еще до истечения срока мандата МОБ Генассамблея ООН признала необходимым создать организацию-преемницу. Таковой стало УВКБ ООН. ГА ООН избрала первого верховного комиссара ООН по делам беженцев. Им стал представитель

Нидерландов Геррит И. ван Хевен-Гудхарт (1951–1956), журналист и юрист. 28 июля 1951 года взамен прежних специальных документов была подписана Конвенция о статусе беженцев, вступившая в силу 21 апреля 1954 года. Специальная резолюция ГА ООН от 4 декабря

⁴ *Displaced persons.*

⁵ *СССР не вошел в состав ИРО и не признал ее юридически, называя «инструментом англо-американской политики», «поставщиком дешевой и бесправной рабочей силы в капиталистические страны».*

2000 года постановляла отметить в 2001 году пятидесятилетие Конвенции о статусе беженцев. Но не только. Согласно ей беженцы и вынужденные переселенцы стали отмечать свой День. После специального обращения Организация африканского единства согласилась с тем, чтобы Всемирный день беженцев отмечался одновременно с Днем африканских беженцев – 20 июня.

ООНовский паспорт laissez-passer образца 1967 года

Понятие «беженец», включенное в Устав Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев и в Конвенцию о статусе беженцев от 28 июля 1951 года, свело воедино основные элементы определений, содержащиеся в ранее принятых документах, и обрело юридически более взвешенный характер. Беженцем признавалось «лицо, которое 1) рассматривалось как беженец в силу соглашений от 12 мая 1926 года и 30 июня 1928 года или же в силу Конвенций от 28 октября 1933 года и 10 февраля 1938 года, Протокола от 14 сентября 1939 года или же в

БЕЖЕНЦЫ

силу Устава Международной организации по делам беженцев; ...2) в результате событий, происшедших до 1 января 1951 года, и в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе⁶ или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений...» [14]. Термин «преследование» как часть определения понятия «беженец» впервые прозвучал в уставе Международной организации по делам беженцев, а затем включен во Всеобщую декларацию прав человека (ст.14).

Поскольку Конвенция 1951 года распространялась только на тех лиц, которые стали беженцами в результате событий, происшедших до 1 января 1951 года, а затем возникали новые ситуации, новые беженцы не попадали под ее действие. В связи с этим ГА ООН обратилась (1959) к верховному комиссару с просьбой уделять внимание новым категориям беженцев. Это привело к принятию Протокола, касающегося статуса беженцев, в 1967 году. Документ подтвердил определение «беженца», данное в Конвенции 1951 года, за вычетом слов: «в результате событий, происшедших до 1 января 1951 года» и «в результате подобных событий» [14].

Если лицо, нуждающееся в защите, находится в стране, не ратифицировавшей Конвенцию 1951 года и Протокол 1967 года, то оно может быть признано беженцем согласно мандату УВКБ ООН.

Расширение мандата УВКБ ООН

В конце XX века действие мандата УВКБ ООН расширилось. Нововведения касались, прежде всего, мигрантов, вынужденных покидать территорию своей страны из-за войн

и вооруженных конфликтов и сопутствующих им обстоятельств. При этом главным критерием оставалось отсутствие возможности или нежелание страны происхождения беженцев предоставить защиту. Последнее как раз отвечает духу Устава УВКБ ООН, принятого 14 декабря 1950 года⁷. Резолюции 167 ГА ООН от 26 ноября 1957 года и

⁶ Термин «определенная социальная группа» как признак преследования был включен в текст Конвенции 1951 года по предложению делегации Швеции.

⁷ В Уставе 1950 года, в частности, говорится: «Компетенция Верховного комиссара распространяется: ...на всех тех лиц, которые, в результате событий, происшедших до

1784 (XVII) от 7 декабря 1962 года уполномочивали верховного комиссара оказывать помощь беженцам, которые не попадали в полной степени под определение Устава 1950 года и Конвенции 1951 года. В 1980 году Исполнительный комитет признал необходимость предоставления помощи лицам, бегущим от стихийных бедствий, была санкционирована помощь «лицам, перемещенным внутри страны». В результате в правовой литературе стали различать два статуса: «мандатные беженцы» и «конвенционные беженцы» (т.е. в соответствии с Конвенцией 1951 года) [12, с.179].

**Региональный уровень
обеспечения защиты
беженцев**

Конвенция 1951 года и Протокол 1967 года, касающиеся статуса беженцев, определяют самые общие критерии определения понятия и статуса беженцев. На региональном

и национальном уровне могут содержаться существенные дополнения. В качестве примера можно привести Конвенцию по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке, принятую в Аддис-Абебе 10 сентября 1969 года Организацией Африканского Единства (ОАЕ) и вступившую в силу 20 июня 1974 года. Документ дополняет «классическое» определение, фиксируя в статье I, пункте 2, что термин «беженец» применяется также к любому лицу, «которое вследствие внешней агрессии, оккупации, иностранного господства или событий, серьезно нарушающих общественный порядок в какой-то части страны или во всей стране его происхождения или гражданской принадлежности, вынуждено покинуть место своего обычного проживания и искать убежище в другом месте за пределами страны своего происхождения или гражданской принадлежности» [3].

Следует назвать также Картахенскую декларацию о беженцах⁸, опирающуюся на опыт, накопленный «в связи с массовыми потоками беженцев в Центральноамериканском регионе». В ней говорится о необхо-

1 января 1951 года и в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства или политических убеждений, находятся вне страны своей гражданской принадлежности и не могут пользоваться защитой правительства этой страны или не желают пользоваться такой защитой» [24].

⁸ *Принята на коллоквиуме «Международная защита беженцев в Центральной Америке, Мексике и Панаме: юридические и гуманитарные проблемы» в Картахене (Колумбия) 19–22 ноября 1984 года.*

БЕЖЕНЦЫ

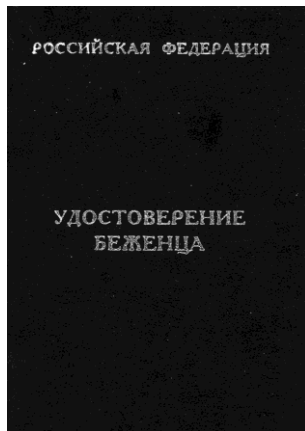
димости «рассмотреть вопрос о расширении понятия беженца, а также учитывая сложившееся в регионе положение, а также по возможности прецедент Конвенции ОАЕ (статья I, пункт 2) и доктрину, применяемую в докладах Межамериканской комиссии по правам человека». Помимо «классических» беженцев, к этой категории мигрантов были отнесены (раздел III, вывод 3) лица, «которые бежали из страны, поскольку их жизни, безопасности или свободе угрожали всеобщее насилие, иностранная агрессия, внутренние конфликты, массовые нарушения прав человека или другие обстоятельства, приведшие к серьезному нарушению общественного порядка» [13].

В XXI веке в Европе законодательство в сфере миграции постепенно дрейфовало от компетенций национальных правительств к единой политике Европейского Союза (ЕС). Дублинская конвенция 1990 года определяла, какая страна – член Европейского Союза – ответственна за рассмотрение заявлений о предоставлении статуса беженца, поданных в одном из договаривающихся государств. Конвенция также гарантировала, что заявитель не будет направляться (отсылаться) из государства в государство только потому, что никто не возьмет обязательство по рассмотрению его дела. С 2000 года отпечатки пальцев лиц, добывающихся убежища, попадают в единую базу данных. Это позволяет предотвратить подачу заявлений в двух или нескольких странах сразу и не допустить повторного въезда в страны ЕС лиц, чьи заявления уже были отклонены [7].

Стратегические направления в области миграционной политики государств были определены на саммите ЕС в Тампере (Финляндия) в октябре 1999 года. Прежде объем прав и обязанностей граждан конкретной третьей страны регулировался на основе международных соглашений между ЕС и этой страной. Это была начальная фаза создания пространства свободы, безопасности и правосудия. На следующую пятилетку была рассчитана Гагская программа (2005–2010), принятая Европейским Советом на саммите в Брюсселе 5 ноября 2004 года. Программа ЕС по развитию пространства свободы, безопасности и правосудия, предусматривала, в том числе, задачу создания общеевропейской системы по предоставлению убежища к 2010 году. К этому времени должно было начать функционировать специальное ведомство ЕС по вопросам иммиграционной политики и убежища. Следующий шаг был связан с реализацией Стокгольмской программы (2009–2014). Подтверждалась приверженность цели создания к 2012 году Общей европейской системы в сфере убежища (CEAS), чтобы сформировать пространство

защиты и солидарности на всей территории ЕС. Вкладом в создание CEAS стало учреждение Европейского бюро по вопросам предоставления убежища (EASO). На очередной пятилетний период (2014–2020) в целях развития пространства свободы, безопасности и правосудия был создан новый финансовый инструмент – Фонд «Убежище, миграция и интеграция».

В июле 2013 года вступила в силу директива по миграционной политике (Dublin III, или Дублинское предписание), цель которой – унифицировать процедуру приема беженцев во всех 27 странах-членах ЕС. Предоставление статуса беженца находится на усмотрении государства, где было подано соответствующее ходатайство. При этом статус действует только на территории того государства, где был предоставлен. Согласно новым правилам, во всех странах ЕС получить убежище впредь смогут и подвергающиеся преследованиям на родине геи, лесбиянки, транссексуалы, а также женщины, которым грозит обрезание. Но главное новшество, одобренное депутатами Европарламента – ускорение процедуры получения убежища. Раньше она могла длиться более года. По новым правилам на нее отводится 6 месяцев [22].

«Паспорт беженца» выдается в РФ

После распада СССР по инициативе Содружества Независимых государств 24 сентября 1993 года в Москве было подписано Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам, вступившее в силу 1 сентября 1994 года. Согласно этому документу «лицо, которое, не являясь гражданином Стороны, предоставившей убежище, было вынуждено покинуть место своего постоянного жительства на территории другой Стороны вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, политических убеждений, а также принадлежности к определенной социальной группе в связи с вооруженными и межнациональными конфликтами» [23].

БЕЖЕНЦЫ

Таким образом, доминирующим остается национальный уровень решения беженского вопроса. Подавляющее большинство государств приняли собственные законы, которые либо повторяют «классическое» определение беженца, либо содержат критерии, расширенно трактующие это понятие.

Современное состояние беженского вопроса

В 2016 году УВКБ ООН запустило инициативу *#WithRefugees* по подписанию петиции, ставшей посланием правительствам стран о необходимости коллективных усилий и разделе-

ния ответственности за жизнь беженцев. 19 сентября петиция была доставлена в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке на заседание высокого уровня по вопросам беженцев и мигрантов, которое состоялось в ГА ООН, и вручена Генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну Верховным комиссаром ООН по делам беженцев Ф.Гранди, которого сопровождали беженцы и знаменитости – сторонники УВКБ ООН. Документ подписали более чем 1,2 млн человек. Пан Ги Мун отметил глобальные масштабы поддержки беженцев. «Мы не можем допустить, чтобы невинные люди гибли от нашего безразличия», – сказал Генеральный Секретарь, который также был вынужден бежать, когда ему едва исполнилось шесть лет [16]. Документ призывал правительства обеспечить 1) всем детям беженцев доступ к образованию; 2) семьям беженцев безопасное место для проживания; 3) каждому беженцу доступ к рабочим местам или освоению новых навыков, что позволит им внести позитивный вклад в развитие общества.

Такое внимание беженской проблеме уделяется не случайно. Масштабы глобальных перемещений населения в мире сегодня велики как никогда. 2015-й год, побил все рекорды по числу лиц, ищущих убежища, – 65,3 млн человек, или каждый 113-й человек на Земле. Сюда включены перемещенные внутри стран лица (40,8 млн), беженцы (21,3 млн), а также те, кто ожидает решения по своим ходатайствам об убежище в промышленно развитых странах (3,2 млн) [8]. При этом возвращение на родину или интеграция в стране убежища остаются на очень низком уровне. В 2015 г. лишь 201 400 беженцев возвратились в страны своего происхождения (в основном в Афганистан, Судан, Сомали)⁹.

⁹ Этот показатель выше, чем в 2014 году, но значительно ниже пиковых значений начала

Источниками беженцев стали преимущественно три страны – Сирия (4,9 млн), Афганистан (2,7 млн) и Сомали (1,1 млн), которые в совокупности дают более половины изгнанников. На глобальном уровне абсолютное их большинство находится в Турции, которая возглавляет список стран-реципиентов (2,5 млн). В Ливане на 1 000 жителей приходится 183 беженца – это наивысший показатель в относительном исчислении. Демократическая Республика Конго лидирует относительно масштабов экономики – 471 человек на каждый доллар подушевого внутреннего национального продукта.

Промышленно развитые страны удовлетворили в 2015 году 2 млн ходатайств об убежище и 3,2 млн еще находились на рассмотрении. Предпочтение беженцы отдают Германии (441 900). США заняли второе место (172 700). Затем идут Швеция (156 000) и Россия (152 500).

Выводы

Таким образом, с начала XX в. международное сообщество столкнулось с проблемой беженцев в значительных масштабах, которые потребовали объединенных усилий. Гуманитарные соображения стали мотивом активизации защиты и оказания им помощи. Модель международных действий была установлена Лигой Наций, и она привела к развитию целого ряда межправительственных соглашений. Трактовка понятия «беженец» с момента его введения в международное право претерпело серьезные изменения, вызванные, прежде всего, межгосударственными конфликтами.

После Второй мировой войны наработанные положения были обобщены, расширены, уточнены. И сегодня «беженец» – это иностранец или лицо без гражданства, опасющееся стать жертвой преследования по ряду признаков. От обычных иностранцев эту категорию лиц отличает отсутствие защиты со стороны собственного государства. Статус беженца определяется на индивидуальной основе, согласно официальным процедурам каждой страной самостоятельно. В октябре 1977 года

1990-х годов. В 2015 году около 107 100 беженцев были приняты на переселение в 30 странах, что составило 0,66% беженцев в ведении Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Для сравнения: в 2014 году 26 стран приняли 105 200, или 0,73% беженцев в ведении УВКБ ООН, а 32 000 человек смогли натурализоваться (в основном в Канаде, в меньшей степени – во Франции, Бельгии, Австрии и других странах).

БЕЖЕНЦЫ

Исполнительный комитет Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев внес предложение о том, чтобы эти процедуры соответствовали определенным основным требованиям.

Учреждения, касающиеся беженцев, поначалу создаваемые как временные, стали носить постоянный характер, ибо решить беженский вопрос в короткие сроки не удавалось ни после Первой, ни после Второй, мировых войн. Более того, в относительно мирное время росло число лиц, нуждавшихся в помощи мирового сообщества. Помимо универсального, на уровне ООН, решения беженского вопроса, сформировался региональный уровень. Что касается международных документов, то они не предусматривают обязательств стран принимать вынужденных мигрантов, предоставлять всем нуждающимся убежище. В них лишь говорится, что беженцы вправе получать защиту и поддержку. Правительства руководствуются национальными интересами при разработке миграционной политики. Если развитые страны рассматривают беженцев как источник трудовых ресурсов, а помощь им как инвестиции в человеческий капитал, то для развивающихся стран это, как правило, дополнительное бремя для бюджета, ставшее тяжелой ношей для социальной сферы, что усиливает конкуренцию на рынке труда и отягощает криминальную ситуацию. Между тем современные беженцы мечтают попасть не в приграничные страны, а в Северную Европу, где могут получить лучшие социальные гарантии. Главная преграда – миграционное законодательство ЕС, заставляющее иммигрантов получать статус беженца в стране прибытия.

Хотя европейским странам и удастся решать вопросы в гуманитарной сфере более эффективно, чем в охранительной [26, с.100], в глобальном масштабе актуальной остается задача справедливого предоставления убежища мигрантам без угрозы национальной безопасности принимающей страны, что требует совершенствования законодательства о беженцах на универсальном и национальном уровнях.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.05. Оп.16. П.116. Д.13. Л.314–315.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф.7067. Оп.1. Д.77. Л.1.

3. Африканский Союз, Конвенция 1969 года по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке, 10 сентября 1969. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/528634864.html> (дата обращения: 27.12.2016).
4. Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. 336 с.
5. Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. 408 с.
6. Возрождение. Париж, 1939. 28 июля.
7. Дублинская конвенция 1990 года, определяющая государство, ответственное за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища, поданных в одном из государств-членов Европейского сообщества. URL: <http://www.unhcr.ru/doc/1990-dublin.doc> (дата обращения: 27.12.2016).
8. Ежегодный доклад Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев «Глобальные тенденции». 16 июня 2016 года, Женева. URL: <http://www.unhcr.org/576408cd7> (дата обращения: 02.07.2016).
9. Закон и суд. Рига, 1937. №3.
10. Закон и суд. Рига, 1938. №2.
11. Закон и суд. Рига, 1938. №3.
12. Зинченко Н.Н. Международное миграционное право: основы теории и практики. М.: Научная книга, 2011. 344 с.
13. Картахенская Декларация о беженцах. Принята на коллоквиуме по теме «Международная защита беженцев в Центральной Америке, Мексике и Панаме: Юридические и гуманитарные проблемы», проходившем в Картахене (Колумбия) с 19 по 22 ноября 1984 года. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/asylum/Rkartahendecl.html> (дата обращения: 27.12.2016).
14. Конвенция о статусе беженцев. Принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года.... URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 27.12.2016).
15. Конвенция о статусе беженцев, прибывающих из Германии. Подписана в Женеве 10 февраля 1938 года. URL: <http://www.unhcr.ru/doc/liga-6.doc> (дата обращения: 26.12.2016).
16. Петиция солидарности с беженцами вручена Генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну. URL:

БЕЖЕНЦЫ

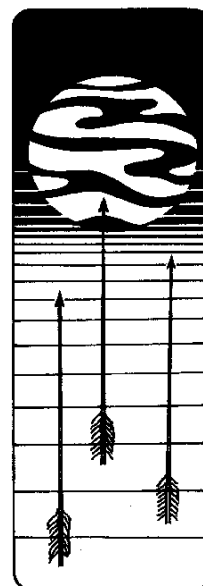
- http://unhcr.ru/index.php?id=10&tx_ttnews%5Btt_news%5D=600&cHash=a012431bc677f011d8f9e68307e7f227 (дата обращения: 27.12.2016).
17. Последние новости. Париж, 1935. 1 ноября.
 18. Последние новости. Париж, 1935. 17 ноября.
 19. Последние новости. Париж, 1938. 27 декабря.
 20. Потапов В.И. Беженцы и международное право. М.: Международные отношения, 1986. 104 с.
 21. Протокол, касающийся статуса беженцев. Принят 31 января 1967 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees_prot.shtml (дата обращения: 02.07.2016).
 22. Ригерт Б., Варкентин А. В ЕС появились новые правила для приема беженцев. URL: <http://www.dw.com/ru/в-ес-появились-новые-правила-для-приема-беженцев/a-16876859> (дата обращения: 02.07.2016).
 23. Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам. 24 сентября 1993 года. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/asylum/Rcis3.6.1.html> (дата обращения: 27.12.2016).
 24. Устав Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Принят ООН 14 декабря 1950 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/unhcr_statute.shtml (дата обращения 01.08.2016).
 25. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов: 1934–1940. Сб. док. в 2 кн. М.: Гея, 1998. Кн.1. 562 с.
 26. Юмашев Ю.М. Миграционная политика Европейского союза и граждане третьих стран // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. №1. С. 100–111.

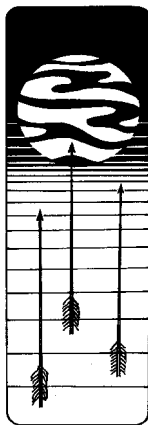
Что-то неопишное делается везде,
что-то неопишное чувствуется
в себе и вокруг... Какой-то прилив
молодости. На улицах народ моложе
стал, в поездах – моложе...
Все забыто, все отброшено,
кроме единого помысла
о надвинувшейся почти внезапно
войне, и этот помысел слил
огромные массы русских людей
в одного человека...

В.В.Розанов

Можно сказать, что война происходит в небесах, в иных планах бытия, в глубинах духа, а на плоскости материальной видны лишь внешние знаки того, что совершается в глубине. Физическое насилие, завершающееся убийством, не есть что-то само по себе существующее, как самостоятельная реальность, – оно есть знак духовного насилия, совершившегося в духовной действительности зла.

Н.А.Бердяев

Андрей Юрганов

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КРИЗИС РУССКОГО МОДЕРНИЗМА¹

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
94"1914–1918"

Раскол модернизма заключался в том, что внутри него обозначились расхождения по отношению к государству во время Первой мировой войны. Одни модернисты стали исповедовать высшую ценность – православное государство, другие – по-прежнему утверждали, что высшей ценностью и началом всех начал является всякая личность, конституирующая реальность. Столкнулись две силы в одном движении, однако развязка конфликта была определена не аргументами сторон, а жестокой действительностью проигрыша в войне. Русский народ не выдержал тяжелых испытаний – таков был итог этого внутреннего конфликта. Ни православное государство, ни народная личность не поднялись выше себя в стремлении преобразовать мир на новых, справедливых началах. Гибель империи стала гибелью и русского модернизма, оформленного в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Однако зерно, упавшее в землю, непременно прорастает в новую жизнь, ибо не может умереть дух личности, бессмертный дух, ищущий метафизическое начало и оправдание жизни вопреки тоске и пессимизму.

The split of modernism lied in divergence of opinions in respect of the state appeared within modernism during WWI. Some modernists began to profess the highest value, the Orthodox State, while other modernists maintained (as they had maintained earlier) that the highest value was any individuality that was the beginning of everything and constituted reality. Two forces encountered in one movement but the outcome of this collision was determined not by adversaries' arguments but by the harsh reality of defeat in the war. The Russian people did not endure hardships and that was the outcome of the internal conflict that tore the modernism down. Neither Orthodox State nor the national identity rose above itself in an attempt to transform the world upon new, just grounds. Destruction of the empire became the destruction of the Russian modernism that had acquired its form and essence during the First Russian revolution of 1905–1907. Yet a seed that fell in the earth will, without fail, spring into the new life because the spirit of individuality, the immortal spirit that seeks for the metaphysical beginning of and justification of life in despite of melancholy and pessimism cannot die.

Ключевые слова: поражение в войне; гибель империи; кризис модернизма.

Key words: defeat in the war; the death of the empire; the crisis of modernism.

E-mail: iurganov@yandex.ru

¹ Окончание. Начало см.: *Россия XXI*. 2017. №1.

**Идейная почва раскола:
мировоззренческий аспект**

18 февраля 1915 г. в газете *Биржевые ведомости* была опубликована статья Н.А.Бердяева под названием «Эпигонам славянофильства». Так начался раскол русского модернизма.

Бердяев вынес несколько вопросов на обсуждение их с теми, кого считал новыми славянофилами. Первый вопрос – «должно ли быть и может ли быть в России возрождение славянофильства?» Чтобы спор был предметным, он выдвинул свой тезис: «...славянофильство и западничество одинаково должны быть преодолены в творческом национальном самосознании». Славянофильство и западничество, по его мнению, «были еще выражением национальной незрелости».

Другой основной вопрос – это отношение русского народа к государству. «Розанов проповедует поклонение, почти обоготворение государственной власти, как мистического факта и мистической силы. И в этом есть что-то характерно-русское и опасное. Этот уклон есть и у Булгакова, и у многих выразителей "русского направления". В этом обнаруживается не мужественное отношение к государству и власти, вечный русский соблазн покорности и растворения, отдания себя чужой воле», – писал Бердяев.

Этот вопрос он философски переформулировал так: «Нужно ли трансцендентное религиозное освящение государственной власти или имманентное человеческое развитие?» Ответ такой: «Первый путь я считаю ложным в период возмужалости народа и для России опасным. По этому пути движется "направление" Булгакова, Эрна, св. П.Флоренского. Они ищут в государстве священства по аналогии со священством в церкви, для них государственная власть есть ангельское начало. Этому решительно нужно противопоставить понимание государственной власти как начала человеческого, со всей относительностью природно-исторического процесса».

Бердяев был решительным сторонником секуляризации государства:

Это путь секуляризации государства, снятия с него трансцендентного освящения во имя имманентного его преобразования и преображения в общественность, освящаемую изнутри человеческого духа и через творческую активность. Булгаков мечтает о «теократии белого царя». Это путь религиозного сервиллизма, поддерживающего и сервиллизм общественный. Об этом нужно открыто говорить и спорить. Трансцендентное освящение государственной власти есть состояние младенчества и источник рабства. Духовная зрелость переходит к имманентно-свободному освящению общественной и государственной жизни из глубины духа. Духовная эмансипация

личности в России должна порвать связи и узы, налагаемые на дух человеческий религиозным материализмом, обоготворением объективно-телесного, материально-относительного, как абсолютного. Вся относительная материальная и историческая жизнь должна быть свободна, автономна, должна направляться религиозно-имманентно, духовно, а не авторитарно. Для трансцендентного сознания государственность остается тем, чем была «конница» для Розанова на тротуаре. Для имманентного сознания – мы сами конница. Вот проблема.

Итак, Н.А.Бердяев увидел эпитонство славянофильской концепции в дурной привычке «невеститься» по отношению к государственной власти.

Отвечая Бердяеву, Вяч. Иванов признал, что славянофильство в эмпирической (но не метафизической) сфере действительно склонно к такой дурной привычке:

Оставляя в стороне не идущий к делу вопрос, есть ли действительно эта черта женской влюбленности и воли к покорствованию в нашем народном характере или ее вовсе нет (я лично думаю, что существенно ее нет, эмпирически же она, к сожалению, зачастую проявляется), – нельзя не видеть, что славянофильству приписана она лишь вследствие ложного истолкования его всегдашних стремлений.

В.В.Розанов прямо говорил:

Во время войны лучше быть гражданином государства, чем гражданином общества. Однако культ государства возвращался не в виде идеи насилия, – нет! Духом насилия отличалась история государства на Западе Европы («вся западная политическая история представляет собою насилие сильного над слабым»), в России же власть «есть скорее бремя и долг». В насилии нет потребности: «Вся русская история есть тихая, безбурная; все русское состояние – мирное, безбурное. Русские люди – тихие. В хороших случаях и благоприятной обстановке они неодолимо вырастают в ласковых, приветных, добрых людей. "Русские люди – славные". Кстати, прилагательное "славный" сливается с именем племени – "славяне". Конечно, во всем этом бывали исключения: но исключение – не правило» [3, с.55, 48–49, 50, 51].

В.В.Розанов писал:

«Прирожденно-рабская нация», русские и славяне, могли бы превосходно быть батраками у их дворян, нести солдатчину под «прусским лейте-

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КРИЗИС РУССКОГО МОДЕРНИЗМА

нантом», которым так восхищался Бисмарк, – и вообще продолжать роль полабских славян возле рыцарственной и философствующей тевтонской расы... И вот ныне поднялся этот «бесхарактерный» и «женственный» русский мужик, чтобы показать соседям, что не такая уж она «баба», как рассчитывают его сиятельство прусский юнкер. Вот два электричества. Вот две тяги ветра. Это будет великая расовая и культурная борьба. Это будет именно – не война, а борьба [9, с.31–32].

Силу идущей по улице русской конницы он ощутил с восторгом и умилением.

Идут, идут, идут...

Стройные, стойкие, огромные, безобразные...

Когда я вдруг начал чувствовать, что не только «боюсь» (это определенное чувство было), но – и обворожен ими, – зачарован странным очарованием, которое только один раз – вот этот – испытал в жизни. Произошло странное явление: преувеличенная мужественность того, что было перед мною, – как бы изменило структуру моей организации – в женскую. Я почувствовал необыкновенную нежность, истому и сонливость во всем существе... Сердце упало во мне – любовью... Мне хотелось бы, чтобы они были еще огромнее, чтобы их было еще больше... [9, с.230–231].

Бердяев назвал «националистической реакцией» розановское воспевание государственной власти во время войны. «В самых недрах русского характера обнаруживается вечно-бабье, не вечно-женственное, а вечно-бабье. Розанов – гениальная русская баба, мистическая баба», – писал он [2, с.32].

Розанов – сама Россия, с ее склонностью к покорности, к смирению перед властью коллектива: «У русского народа есть государственный дар покорности, смирения личности перед коллективом. Русский народ не чувствует себя мужем, он все невестится, чувствует себя женщиной перед колоссом государственности, его покоряет "сила", он ощущает себя розановским "я на тротуаре" в момент прохождения конницы» [2, с.33].

Для Бердяева было совершенно неприемлемо сводить русское Возрождение к славянофильству, ибо идея ренессанса относилась не к нации, не к народу, а к личности, к ее возрождению во всех аспектах деятельности. «Русское возрождение не может быть возрождением славянофильства, оно будет концом и старого славянофильства, и старого западничества, началом новой жизни и нового сознания», – подчеркивал философ.

В розановской стихии есть вечная опасность, вечный соблазн русского народа, источник его бессилия стать народом мужественным, свободным,

созревшим для самостоятельной жизни в мире. И ужасно, что не только Розанов, но и другие, призванные быть выразителями нашего национального сознания, тянут нас назад и вниз, отдаются соблазну пассивности, покорности, рабству и национальной стихии, женственной религиозности. Не только вечное, но и слишком временное, старое и устаревшее в славянофильстве хотели бы восстановить С.Булгаков, В.Иванов, В.Эрн. Огромной силе, силе национальной стихии, земли не противостоит мужественный, светоносный и твердый дух, который призван овладеть стихиями. Отсюда рождается опасность шовинизма, бахвальство снаружи и рабье смирение внутри. И мир внутри России, преодоление вражды и злобы делают невозможным именно Розанов и ему подобные [2, с.35].

Власть для русского народа – всегда внешнее, инородное, и в этой отчужденности от власти, от мужественного начала, проявляло себя желание славянофилов породниться с государственной властью, но на «бабьих» началах. Бердяев мыслил русское Возрождение как пробуждение мужского начала в личности народа вплоть до воплощения этой личностью своей воли во власти.

Раскол касался самого сокровенного: можно ли признавать абсолютную значимость надличного фактора истории и культуры в качестве мировоззренческого принципа для личности? Сторонники нового славянофильства утверждали – да! Можно допустить, что исходным пунктом их интеллектуальной деятельности станет теперь славянское Возрождение, а в нем главной силой осуществления славянского единства будет православное государство.

Н.А.Бердяев был решительно против всякого культа государства и, как прежде, считал, что «невозможно христианское государство»². Он противостоял всякой апологии власти, понимая, что модернистское движение, со времен Первой русской революции исповедовавшее культ всякой личности, теряет свою исходную почву, становясь либо частью государственной политики, либо неутешительным аналогом социологической «религии» позитивистов, уверовавших в промыслительные свойства пролетариата, ради которого можно пожертвовать всем, даже жизнью.

Это был раскол в полном смысле этого слова.

² Г.Чулков обвинял немцев в культе государства и критиковал славянофилов за их увлечение византийской идеей абсолютной государственности, полагая, что такая идея «внутренне слаба» [10]. Само славянофильство, по его мнению, проповедовало русский империализм, столь же губительный, как и германский.

Модернизм в славянофильском обличе переставал быть культом всякой личности.

Бердяев писал: «Истинный центр всегда ведь может быть обретен лишь внутри человека, а не вне его».

И еще: «Истинный центр не в столице и не в провинции, не в верхнем и не в нижнем слое, а в глубине всякой личности» [2, с.70–71].

Только путем личного выбора, а не догматического усвоения идей можно обрести чувство национальности в общенародном масштабе. «Должна начаться общенациональная ориентировка жизни, идущая изнутри всякого русского человека, всякой личности, сознавшей свою связь с нацией», – писал он [2, с.72].

В этих спорах внутри распадающегося модернизма возникали новые вопросы, которые тревожили сознание не только философов, но и писателей, в том числе М.Криницкого: а что такое «Россия»? Кто такие русские? Народ? Нация? Каково будущее народа, страны, государства? Эти вопросы становились жизненными, потому что в условиях мировой войны никто не давал гарантии, что мир останется тем же – без изменений.

Существует ли Россия как некое единство, более глубокое, чем все разделяющие интересы ее человеческого состава, есть ли в мире единый лик России и что значит для мира выражение этого лика? Имеет ли Россия свое особое призвание в мире, должна ли она сказать свое слово во всемирной истории? Какие конкретные задачи ставит перед Россией мировая война? Все эти вопросы, которые приносит с собой новый день всемирной истории, требуют огромных усилий творческой мысли. Никакие готовые, традиционные категории мысли негодны для решения этих вопросов. Должна быть произведена совершенно самостоятельная и новая работа мысли, усилие творческого духа [2, с.127–128].

Мир действительно изменился!

Внутри общественного сознания произошли необратимые перемены, которые свидетельствовали о том, что модернизм не только раскалывался, но и распадался...

Февральская революция, приход к власти большевиков осенью 1917 г., очевидное поражение русской армии на фронте³, полный раз-

³ *О русской армии, ее внутреннем мире, обустройстве, проблемах см. новейшую монографию: [1].*

лад государства, падение монархии, хаос в общественной жизни, ожидание гражданской войны – все это привело деятелей культуры славянофильского направления к глубокому разочарованию, которого они не скрывали. Разочарование постигло и критиков славянофилов, в том числе Бердяева, надеявшегося на то, что русский народ сможет возродиться к новой жизни самостоятельно. Словом, оба лагеря констатировали, что их идеи, хотя и не потеряли своей значимости на будущее, не были реализованы. Со смертью Российской империи, с приходом к власти большевиков все споры о метафизической сущности Возрождения становились никому не нужными...

Так с горечью и досадою, с глубоким разочарованием в народе [6] умирал русский модернизм.

**«Апокалипсис наших дней»
В.В.Розанова
(ноябрь 1917 – октябрь 1918)**

«Россия похожа на ложного генерала, над которым какой-то ложный поп поет панихиду», – такими словами Розанов провожал в небытие прежнюю Россию, понимая, что его Россия, придуманная им, воспетая

им, потерпела поражение – но нет, не на фронте: прежде всего, в головах сограждан. Высота, на которую пытались взобраться славянофилы, была ложной: оказалось, что нет ничего того, во что они так страстно верили!

Ни идеи, ни народа.

Розанов обессмертил свое отчаяние такими незабываемыми словами: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три. Даже "Новое Время" нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразиительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частности. И, собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая "Великого переселения народов". Там была – эпоха, "два или три века". Здесь – три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего. Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60 "и такой серьезный", Новгородской губернии, выразился: "Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть". Т.е. не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезать из его кожи ленточка за ленточкой. И что ему царь сделал, этому "серьезному мужичку"?! Вот и Достоевский... Вот тебе и Толстой, и Алпатыч, и "Война и мир"» [8, с.6–7].

**Введение к «Судьбе России»
Николая Бердяева (1918)**

Своеобразным введением к сборнику статей «Судьба России» стал очерк под названием «Мировая опасность (Вместо предисловия)»⁴. Бердяеву не пришлось, как Розанову, огорчаться за

русский народ: он не сильно его идеализировал. Но все же «Темное вино» оказалось более темным, чем даже ожидал философ. Это не было разочарованием в собственных иллюзиях; это было скорее признание утраты надежд на Возрождение: «Русский народ не выдержал великого испытания войны. Он потерял свою идею» [2, с. III].

Я думал, что мировая война выведет европейские народы за пределы Европы, преодолеет замкнутость европейской культуры и будет способствовать объединению Запада и Востока. Я думал, что мир приближается путем страшных жертв и страданий к решению всемирно-исторической проблемы Востока и Запада и что России выпадет в этом решении центральная роль. Но я не думал, что Азия может окончательно возобладать над Европой, что сближение Востока и Запада будет победой крайнего Востока и что свет христианской Европы будет угасать. А это ныне угрожает нам. Русский народ не захотел выполнить своей миссии в мире, не нашел в себе сил для ее выполнения, совершил внутреннее предательство. Значит ли это, что идея России и миссия России, как я ее мыслю в этой книге, оказалась ложью? Нет, я продолжаю думать, что я верно понимал эту миссию. Идея России остается истинной и после того, как народ изменил своей идее, после того, как он низко пал... [2, с. III].

«Прапорщик Игнатов» (1918)

Между славянофилами, уповавшими на славянское возрождение (и силу православного государства), и бердяевской верой в культ Личности (эмпирической и народной), способной

творить новую жизнь, – большой спектр переживаний, ощущений, споров, конфликтов; этот спектр заполнил собой роман М.Креницкого «Прапорщик Игнатов», почти забытый в истории русской литературы.

Главные герои романа продолжают свое существование⁵: Костя Игнатов – на фронте, рядовым; его двоюродный брат, Федор Игнатов, – тоже

⁴ В этом очерке Бердяев спорил с самим собой, опровергая некоторые свои слишком оптимистические суждения, но и не отрекаясь от главных идей.

⁵ Этот роман – продолжение романа М.Креницкого «Час настал» (1915), в котором

на фронте, прапорщиком, Лиза (родная сестра Федора) объявила себя женой Кости перед его отъездом на фронт; Юрий Михайлович Лихачев, издатель газет, компаньон Федора Игнатова, влюбленный в Лизу, Феничка Стремоухова, подруга поэта Вельева, сестра милосердия на фронте... Все они пребывают в поисках себя и вселенской правды. Но в романе открывается одна удивительная особенность: никто из героев не наделяется полнотой истины, каждый по-своему оказывается прав, даже когда они отчаянно спорят между собой. Ибо нет никакой объективной истории человека без человека: каждый герой определяет свою ситуацию сам, как он ее видит, – нет одной Правды, надличной, процессуальной. Марк Криницкий оказался близок идеям своего друга молодости Валерия Брюсова, считавшего, что нет одной истины, – мир познается множеством истин⁶.

В таком ключе и написан роман.

В нем главный герой начал свои рассуждения о войне с тех мыслей, которые ярко и эстафетно прозвучали в романе «Час настал»: они перекликаются с первоначальным модернистским толкованием войны, в том числе и бердяевским. Федор Игнатов думал: «Война хороша тем, что она позволяет не думать. Пусть говорят, что это жестоко, но в войне есть несомненные элементы обновления. Она просто зачеркивает все старые решения, как ребенок вдруг ломает старый домик из песка и начинает строить новый. В этом веселие и право войны!» [4, с.18]. Но мысли Федора – это поток переживаний, который трудно остановить, отформатировать: ты видишь смерть, ты чувствуешь запах трупов, и уйти от мыслей о смерти, совсем перестать думать о ней невозможно. Война заставляет ставить такие вопросы, которые раньше себе не задавал: а не трус ли ты? Нет, страха смерти нет! Но в душе поселяется пустое одиночество, равнодушные, и плач еврейских детей на околицах местечек уже не трогает тебя. Напротив – приходит удовольствие от произведенных разрушений... Федору открывалась не мистика войны, а ее бессмысленность!

Чтобы воевать и при этом воевать так, чтобы подготовиться быть убитым, необходим специальный наркоз. Может быть, самый простой и глу-

рассказывается о первых впечатлениях российской интеллигенции от событий начала Мировой войны.

⁶ *Об этом писал и Г. Чулков: «Так, правда нравственная, правда национальная, правда культурная и правда социальная должны быть восстановлены в их совершенном равновесии. Найти такому синтезу соответствующую идейную формулу нелегко. Но зато в самой действительности это желанное равновесие в иные часы несомненно осуществляется и торжествует» [10, с.26].*

пый, но непременно наркоз. Наркоз «православия» или «царя-батюшки», наркоз зажигательной газетной передовой статьи. Вот почему Магомет создал свой Коран. Без Корана арабы не завоевали бы полмира [4, с.34].

«Наркоз» – это такая вера, когда не страшно умереть. Но если ты не имеешь наркоза, то война становится пустым занятием, в котором нет ничего, что бы ее оправдывало. «Я не фанатик, чтобы готовиться умереть, как Костя. Может быть, даже у меня нет родины, нет отечества, я равнодушен совершенно ко всему, что совершается в данный момент на свете. Мне просто скучно, потому что я не понимаю, что будет дальше. Для меня совершенно безразличны Босфор и Дарданеллы, потому что от них слишком пахнет газетой и книгой», – думал Федор [4, с.34].

Славянофильское отношение к проливам – предмет веры, но книжный, придуманный, а на войне – непридуманные трупы и вонь, бесконечная вонь...

Федору, посмотревшему на бодрого поручика Пилипенко, вспомнилась одна мысль, прозвучавшая на заседании «в философском обществе, где один из оппонентов при обсуждении доклада на религиозно-философскую тему заметил:

– Если бы не было Бога, то было бы логически необходимо поверить в дьявола.

"Вот для Пилипенко, – подумал Федор, – нет ни Бога, ни дьявола, а для меня, если я не верую в Бога, пожалуй, необходимо принять, что жизнью управляет дьявол".

И он помнил, что эта мысль показалась ему тогда, на заседании религиозно-философского общества, соблазнительно-приятной».

В этом эпизоде явно отразилось воспоминание писателя о религиозно-философской дискуссии 15 апреля 1911 г. в Рязани. Там, действительно, возник интересный спор о природе зла. М.В.Самыгин (М.Криницкий) представлял тогда свои тезисы доклада по книге А.В.Селиванова. В числе прочих был у Селиванова и такой тезис: «нет греха, ибо наши действия строго обусловлены причинностью их возникновения. Нет зла, а есть необходимость. Идея дьявола излишняя, ибо она ничего не прибавляет, а только противоречит идее божеской благодати и мудрости». Однако, в отличие от своего героя, Самыгин как раз был согласен с мнением Селиванова об отсутствии дьявола. Он говорил: «Критика понятия дьявола в изложении Алексея Васильевича должна быть признана беспощадной. В признании бытия дьявола Алексей Васильевич справедливо видит введение второго начала, противоборствующего божественной субстанции. Дьявол – это лишь гипостазирование сознания нами необходимой связи вещей по закону

причинности ("мир во зле лежит")». Селиванов и Самыгин признавали зло не как объективное начало, а как субъективное. Самыгин даже сказал в полемике: «общей морали нет» [7, с.18–19, 24]. Нет ничего вне человека, вне его разума, вне антропологической обусловленности.

Наркоз в войне – это убеждение, которое движет человеком, знающим, почему он идет убивать и жертвовать собой. Однако идея наркоза разворачивается в сознании Игнатова как столкновение человеческой личности с неизбежностью «хода истории». Сталкиваются идеи, в которых вечное – метафизическое – пребывает в эмпирической личности, а кровавой бессмысленностью становится объективный «ход истории». Как тут не поверить, что миром управляет не Бог, а дьявол!

На фронте Игнатов понял, что убийство врага – тоже преступление. Война – это не борьба, как нередко думалось в модернистских кругах, война – это бойня. Побеждает тот, кто больше устроит бойни. У кого больше трупов.

Это его правда – не умозрительная, выстраданная.

У каждого героя романа – своя правда.

Константин оказался на передовой в самой горячей точке и прошел через первое «крещение» войной: убил человека. Он написал письмо Лизе, в котором подробно описал свое состояние после убийства. Самое большое открытие – «убить, вообще, нетрудно». Штык вонзается в тело человека «с характерным треском», технически ничего сложного!..

У Константина сильнейшая реакция против книжного понимания войны, которую он представлял себе (в романе «Час настал») чуть ли не как очистительное мероприятие.

Он писал Лизе: «Я просто почувствовал, что человек – это вовсе не то "значительное", как я привык думать о нем до сих пор. И я не почувствовал от этого сознания (в общем отвратительного) ни страха, ни отчаяния и не чувствую ничего подобного до сих пор. Но зато я стал "понимать" многое из того, чего не понимал раньше. Я понял, что жизнь – это страшно много».

В своем письме он затронул крайне болезненную для Лизы тему их книжной радости тому, что начинается искупительная (в духовном смысле) война. Этот модернистский взгляд, действительно, был весьма распространен в начале войны, но был подвергнут в письме Кости жесточайшему анализу:

Я всегда думал, что нравственный прогресс человеческого общества заключается в переустройстве наших внутренних навыков жизни, и тем не менее решил «принять» войну. И вот я хочу тебе сказать, что я, в сущности, великий грешник. Грешник по гордости моего духа. Я подумал, что это мой

долг нести «вместе со всеми» искупление общественного зла. И мне казалось, что ты твоею чуткою душою тоже понимаешь меня. Теперь же я вижу, как мы оба были с тобою далеки от истины. Я от себя, а ты, может быть, через меня, если только поверила мне где-то в глубине твоей души. На войну нельзя идти сознательно. На войну можно попасть. Войну можно принять только лишь как необходимость. Так ее и принимают простые неграмотные люди. И теперь я так хорошо понимаю все свое ложное и фальшивое положение, когда я доказывал этим простым и бесхитростным сердцем всю эту якобы разумность и даже «высоконравственность» войны [4, с.75].

Мысли Кости Игнатова здесь созвучны философскому контексту эпохи: Бердяев тоже говорил, что войну следует принимать как необходимость, а не как инициативу, Криницкий утверждал на религиозно-философском собрании в Рязани (в апреле 1911 г.), что зла нет в природной необходимости, ибо в ней нет свободы воли.

Косте открылась истина, что «убивать нельзя»: это истина, остальное – ложь. Война, как дело не книжное, по его мнению, «прежде всего, стыд и позор» [4, с.76]. Романтически настроенный на победу Костя перевоплотился в пацифиста, убежденного противника войны. Письмо Лизе – это откровенный протест против их собственной интеллигентской закваски, которой они «питались» до войны, веруя в мифическое обновление человечества и даже в его очищение. «Наш интеллигентский шовинизм – это – величайшее наше преступление перед нами самими и народом», – писал он Лизе.

Однако письмо от романтического Кости не могло быть принято и понято Лизой, не желавшей смириться с поражением сильного мужчины. У нее была своя правда. Разве не Костя убеждал ее в том, что нужна духовная сила, чтобы преодолеть все тяготы войны, разве не знал он, что будет убивать? Ее чувство к Косте угасало на глазах, потому что ей было стыдно читать эти признания человека, потерявшего силу духа. Где же та возвышенность, с которой люди идут умирать за родную землю, как можно победить в войне, не будучи уверенным в своей правоте?

«Как он мог?» – спрашивала она себя, ужасаясь, и это одинаково относилось и к его рассказу, что он убил человека, и к тому, что он так скоро мог изменить свои взгляды. Костя не мог и не должен был этого делать. Он не должен был оказаться, и притом так быстро, нравственным банкротом. Что же тогда сказать о других? Она привыкла, что должна Костю уважать все-

гда и невзирая ни на что. Но сейчас она не могла этого сделать. И в первый раз Костя показался ей просто пустым и напыщенным болтуном [4, с.79].

Тем временем Лихачева призвали в армию, он попытался получить освобождение по состоянию здоровья. Разумеется, официально. Но это оказалось делом непростым, врачи не признали его больным. Костя своим письмом лишь подтверждал позицию Лихачева, которая еще недавно вызывала у Лизы глубокое отвращение. Юрий Михайлович говорил, что войну можно принимать только как «необходимость»! Скажут идти – пойду, но не сам, не по своей воле!..

Лиза впала в глубокое отчаяние, она решила, что нет больше высоких порывов, стремлений, нет идеалов; взяла верх трезвость рассудка – жизнь без «наркоза».

Константин пережил самые трудные минуты войны, когда она утратила для него «идеологический смысл». Он стал думать не об обновлении человечества, а о том, чтобы утолить голод, о дежурствах, о горячем чае, об отсутствии табака и сахара. Он пережил ужас первого боя, перестал терзаться от того, что заколол голубоглазого рыжего человека – и на месте этих переживаний образовалась огромная, всепоглощающая пустота. Война лишила его сверхличных оснований и превратила в ничтожный атом человечества: «Он знал, что ото всего его прошлого ему остался только один слепой и мучительный инстинкт жизни, который жил в его расширенном и трепещущем сердце» [4, с.132].

Он бы мог сказать честно и искренно, что война сделалась крушением всей его бывшей ему знакомой до сих пор умственной и нравственной личности. А так как вне общих моральных и философских оценок смысла своего бытия он бы все равно существовать не мог, то ему и казалось, что война грубо и ясно разрешила все его вопросы, которые, вообще, когда-либо заполняли его ум [4, с.133].

В природной обнаженности войны человек превращался в обыкновенного стихийного зверя, коим и чувствовал себя Костя. Однако мечтал он об уюте городской жизни, ему очень хотелось попасть на Сивцев Вражек, «где по вечерам, в маленьких домиках зажигаются приветливые огоньки».

Костя получил ответное письмо Лизы, в котором она сообщала ему всю правду о себе. И, как понял Костя, о нем тоже.

Лиза сообщала, что «в Москве жизнь изо дня в день похожа на постоянные и однообразные похороны». Пошлость ежедневности убивает ее. Она поняла, что проигрывает свой поединок с жизнью. И решила быть честной

до конца; она выходит замуж за «мародера и дезертира» Юрия Михайловича Лихачева. «Я написала это письмо и перечитала его, и мне стало жаль всех наших разговоров и хороших слов. Я думаю, что, вообще, все эти хорошие слова не значили ровно ничего. Ты сам разочаровался во многом, во что верил, а что уже говорить обо мне!..»

Тема душевного банкротства волновала их обоих. Костя оценил честность Лизы и осознал в полной мере, что они оба не выдерживают испытаний своей судьбы. Его утешала мысль, что Мировая душа все равно обретет истинную правду о войне и таким образом обновится.

Костя, не потерявший еще надежду на возрождение себя и страны, получил в бою смертельное ранение. Его переживание близкой смерти обнажило главную причину его духовной слабости – неверие в бессмертие души. Если у личности нет «наркоза» (метафизической перспективы), то она никогда не признает свои испытания необходимым условием бытия.

...и Москва, и Сивцев Вражек, и все его мысли о Сербии, о справедливости и переустройстве человечества на внутренних началах совести и, главное, вещь для него совершенно сейчас ненужная, а единственно-нужная и главная для него вещь состоит в том, что через каких-нибудь несколько часов, если его не найдут и не подберут, он погибнет. То есть погибнет его дух, его сознание, его личность [4, с.153].

Костя плакал. Он вспомнил грандиозные патриотические манифестации у Страстного монастыря (описанные в романе Марка Криничского «Час настал») в первые дни войны...

– Да, все это был один большой и страшный вздор. Мои мысли никогда не были ответственными, а были одною праздною блажью, и, чтобы сделать их ответственными, я для того и пошел на войну. Но это – ответственность внешняя и потому – ложь вдвойне. Настоящая правда – где-то далеко и совсем не там. Я ничего не знал и не знаю о жизни и погибаю, как червяк. И в этом нет ничего удивительного, потому что я уже давно понял все и осудил себя. И сейчас я получаю только то, что заслужил [4, с.154].

...Федор, возвращаясь с фронта домой, думал и о пропавшем без вести Косте, и о том, что война им обоим казалась «непродолжительным и торжественным парадом идей, новенькой амуниции и высоких патриотических и моральных чувств». Война обнажила их души, заставила иначе смотреть на самих себя, произвела страшный разбор всего того, что таилось в людях: в циничных обнажился цинизм, в слабых – слабость, в сильных –

сила. Федор ехал в поезде и слушал, как униатский священник рассказывал о трагической гибели карпатских русинов-униатов, а русский офицер, капитан, говорил об интересах славянского единства... Но мысль Федора шла дальше: он увидел, что «настоящее человеческое» выше «национального»: «...и ему показалось, что он, наконец, нашел свою первую и настоящую мысль...» [4, с.164, 174].

Эта мысль не покидала Федора. Война «питается ненавистью наций, внутренним политическим брожением человеческих обществ, надеющихся при ее посредстве разрешить старые наболевшие вопросы». Федор вдруг осознал, что глубоко прав был Костя, говоривший ему, что, «пока отдельный человек находится в хаотическом, внутренне неустроенном состоянии, война народов неизбежна... Да, пока не приобретет ценности внутренний, духовный мир человека» [4, с.180]. Иначе говоря, «настоящее человеческое» – это не человечество в абстрактном виде, а человеческое **Я**, неповторимое, уникальное.

Первичен духовный мир, а не материальный, первична личность, а не человечество. Однако, чтобы от личности зависело будущее человечества, необходимо иметь такую веру, которая бы оправдывала необходимость жить, нужно, чтобы сверхличное выразилось в силе и воле человека строить мир по вере своей. При недостатке веры от личности перестает зависеть что-либо, она обезличивается и будущее обесмысливается...

По дороге с фронта домой, во Львове, Федор случайно встретил Феничку Стремоухову. Разговор зашел о войне, и она с удивлением узнала, что Федору безразлична проблема национальности. Она была в недоумении: ведь война – это и есть утверждение национальных интересов! Но Федор перепросил ее: «А что такое национальность?» Самые трудные вопросы – простые. Феничка была явно не готова ответить, ибо сама пребывала в больших сомнениях. Возник легкий спор, в котором она неожиданно показала свое глубокое неверие в будущее русского народа и России:

Значит, вы интернационалист. Знаете, это становится теперь большою редкостью. Раньше интернационалистами были мы все, вся интеллигенция. А теперь все отмежевываются, даже евреи. Прежде всякий стремился называться русским, а теперь вы послушайте: тот – еврей, тот – поляк, тот – какой-то украинец. Настоящее бегство из русских. Ужасная неблагодарность.

– Мне некуда бежать, – сказал Федор.

– Ну, да, потому что мы – коренные русские. Но говорят, что Россия разлагается. Это ужас. На фронте измена, в тылу спекуляция, прожигательство жизни. Хотя...

Она запнулась.

– Я, впрочем, сама не знаю, что такое Россия. По-моему, это – живой труп. Вот мы сейчас в церкви видели подлинный, настоящий религиозный экстаз... пусть даже заемный у католичества, но все-таки экстаз. А у нас и этого нету. По-моему, мы – народ, в целом, безрелигиозный. Это только наши писатели занимаются религией... Вячеслав Иванов, Мережковский... И пишут: «народ-богоносец». Может быть, там еще какие-нибудь сектанты, а в целом наш народ ужасно материалистичен, и религиозное его чувство материалистично. Я не верю в свой народ [4, с.185–186].

Федор согласился на предложение Фенички прийти в ресторан, где соберутся русофилы, галичане.

За ужином, как и ожидалось, возникла тема «русского мира»; собравшиеся в основном осуждали стремление Украины обрести национальную независимость. И хотя пьяный Бурчилов, знакомец Федора по московским журналистским делам, говорил о Москве как об историческом «кулаке» для других народов, русины не приняли такую формулу.

Рушилась империя, и народы, в ней находящиеся, искали свое будущее в национальной самостоятельности. Федор был скорее противником великодержавности, но он с большим интересом слушал рассказ одного из русинов, Мариана Дуки, о том, как его народу приходится бороться за свою русскость, как их убивают безжалостно и как никто не может их защитить...

На Феничку этот разговор в ресторане произвел сильнейшее впечатление. Уже на улице, в компании Федора Игнатова и Бурчилова, она с негодованием говорила:

– Я чувствую себя так, как будто эти галичане меня больно высекли. И я, и вы – мы все потеряли самих себя, изолгались в печати и разговорах. Мы не любим ничего: ни своей родины, ни своего прошлого, ни своего будущего. У нас нет ни религии, ни истории, ни общественной и политической жизни. Есть только спекуляция, мародерство и общий разврат в тылу и на фронте. Просто мы не достойны жить, и правительство у нас как раз такое, какого мы достойны. И, конечно, нас погонят из Галиции. Да. да... <...>

Простившись с обоими, Федор пробирался к себе в гостиницу и думал словами Фенички:

– Да, у меня нет ни родины, ни религии, ни истории. И это только пустая фраза, что я дорожу чем-то общечеловеческим. Несть ни эллин, ни иудей! «Это тоже должно быть понято как-то не так». Просто мы все жили до сих пор какую-то неестественную, надуманную жизнью. У нас было много прекрасных, но практически не осуществимых теорий. И в этом тоже Феничка права. Эти галичане хоть за что-то боролись, а мы даже и бороться не умели: жили просто обывательскою жизнью, убавканные мыслью, что занимаем шестую часть всей земной суши [4, с.199–200].

Этот разговор открыл внутреннее сознание кризиса: неверие в романтические теории модернизма, никак не связанные с жизнью, и отсутствие других теорий, которые могли бы заменить прежние. Переживание нарастающей мировоззренческой пустоты – сущность кризиса.

Тема – «кто такой русский?» и «что такое Россия?» – волновал героев романа больше всего, ибо они переживали войну, и, чтобы ее пережить и не проиграть, нужно было понять, за что они готовы умереть.

Тем временем Лиза получает письмо от Вельёва...

Оно было написано за день до того, как он отправился на Северный фронт, в Ригу. Вельёв прекрасно осознавал, что он не герой и записан в «земгусары», как презрительно говорили о тыловиках. Но он честен и искренен – и это давало ему право не стыдиться самого себя. Его мучил вопрос, который уже многим не казался странным: кто такие русские? И что они должны защищать, жертвуя собой?

Вельёв писал Лизе:

«Я знаю, что, прочитавши это признание, Вы скажете, моя многоуважаемая: "Какой подлец!" – и будете неправы. Я сам долго думал на эту тему и пришел к выводу, что я не подлец, а просто русский. Да, русский. Это ужасное слово, которое долго не имело никакого значения, кроме приурочивания к известным границам на географической карте, и которое теперь приходится, наконец, произнести вслух. Что же такое "русский"? Это, прежде всего, человек, которому долго внушали, что за него все решает и думает кто-то другой и что он поэтому не должен вмешиваться ни во что. И он до такой степени поверил в это, что если вы его спросите: "Есть у тебя родина, отечество?" – то он вам, подумавши, ответит: "Это дело не наше. Может быть, и есть. Спросите у начальства". Родина, по-моему, это чувство ответственности за что-то дорогое и близкое. А раз нету ответственности, то нету и родины. Есть один большой полицейский участок. И идти и гибнуть ради спасения этого полицейского участка нет ни малейшей охоты. Значит, и выходит, что русский человек есть человек без родины с пустым местом в том участке души, где помещается слово "родина". Оттого

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КРИЗИС РУССКОГО МОДЕРНИЗМА

и случилось, что, как только раздался трубный звук: война! – все, кто поумнее, сейчас же попрятались по своим норам, и, в первую голову, интеллигенция, которая умнее прочих. Добровольно пошли на войну только наиболее экзальтированные головы, у которых взбаламученное чувство или красивая поза перевешивали здравый смысл» [4, с.203].

Вельёв, как и многие интеллигенты, не готов защищать «один большой полицейский участок» – государство, которое исторически лишило человека права на самостоятельное существование. Русское государство – это не родина, а начальство, правительство, органы власти; это не то единство, которое определяется «национальностью» – принадлежностью к общим народным целям. В России нет общих гражданских ценностей – значит, нет и родины.

Он подвел неутешительные «итоги»:

Люблю ли я родину? Я хотел бы ее иметь и любить.

Дезертир ли я? Я человек, желающий остаться только в стороне и не видящий смысла пожертвовать жизнью за чужое безумие или подлог.

Во что я верю? Вот этого-то я и не знаю. Когда-то верил в Красоту: теперь в душе только Боль [4, с.204].

Письмо Вельёва, а затем и горькое письмо ей от Фенички, полное едких замечаний, убедили Лизу, что война надоела всем, а красочная картина полного разложения армии (пьянства, дезертирства, трусости), представленная в письме Фенички как нельзя лучше, продемонстрировала, что нет больше той войны, которую мыслила Лиза в разговорах с уходящим на фронт Костей. Нет больше той правды, которая бы оправдывала жертвы. Из разговоров Федора и Юрия Михайловича она улавливала, сколь бездарно военное руководство страны, а слухи о Распутине вытравили последние надежды. Если Федор поверил в черта, увидев воочию войну, то не видевший войны Юрий Михайлович, муж Лизы, не верил ни в Бога, ни в черта – ему было все равно! Пессимизм Федора и цинизм Лихачева составляли теперь, в глазах Лизы, страшное единство.

В ответе Вельёву Лиза признала, что он прав в своей оценке России и русских:

Вы пишете, что Россию нельзя любить, потому что она нехорошая. Это верно, что Россия и все русские очень плохи и их любить нельзя. Но когда и сам ты плох и чувствуешь себя в компании плохих людей, то на многое начинаешь смотреть иначе. Почем знать, может быть, и плохие на что-нибудь нужны? Я утешаюсь этим. Недаром же все хорошие уходят, как

ушел мой кузен – доброволец К.Игнатов (убит под Зборовичами), а мы остаемся и даже собираемся что-то делать [4, с.218].

Отношение к России и к русским были главной темой размышлений и Федора Игнатова, увидевшего своими глазами немецкие погромы в Москве.

Описание творящихся безобразий на фронте и в тылу создавало у всех впечатление, что все это скоро кончится, – революция неизбежна. Исчезал главный элемент неославянофильства – миф о богоизбранном народе. Отовсюду, особенно после сдачи Львова, шли сообщения о грабежах, мародерстве, дезертирстве.

Федор Игнатов тоже пытался понять, кто такие русские и что такое Россия. Ответа он не находил. Очень трудным был для него вопрос об Украине: а кто такие украинцы?

Между Федором и Лизой возник разговор о войне, в котором обнажились основные противоречия интеллигентского сознания. Казалось бы, они оба разочарованы – о чем спорить? Лиза не могла смириться с поражением страны, она верила в дело освобождения славянских народов, а Федор ни во что не верил. Он внутренне проиграл войну. Но при этом он видел войну без всякого наркоза...

Лиза спросила Федора, когда он поедет в полк.

Федор ответил:

...Что касается меня, то я сам вряд ли пойду опять на фронт. Война мне осточертела. Чего, вообще, хотят от меня и ото всех нас? Мы не хотим воевать, – это ясно. Мы устали, нам надоело. Чем хуже, тем лучше!

Он посмотрел на Лизу, откинувшись, и глаза его светились неприятным, точно скрытым и вместе враждебным светом.

– Это, Федя, «пораженчество»? Значит, ты тоже – пораженец?

– Если хочешь, да. <...>.

– Да, пораженец... Что же?.. Отчего это тебя удивляет так? Ты бы хотела, чтобы Россия или русские побеждали? Но почему? Во имя чего? Разве всякая сила непременно должна только побеждать? Даже если это... темная сила?

Лиза кивнула ему в знак согласия головой, только бы не видеть, как он делает мучительные движения бровями: одною целой и другою скрученную от оспы.

– Я понимаю, – сказала она: – Значит, ты думаешь, что мы – темная сила. А как же ты смотришь на наше выступление в начале войны в защиту Сербии или в русско-турецкую войну освобождения славян?

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КРИЗИС РУССКОГО МОДЕРНИЗМА

Он опять долго сидел молча, время от времени качая отрицательно головой, и Лиза понимала, что он качает собственным мыслям.

– Это... была провокация, – сказал он, наконец, и усмехнулся, и было странно видеть эту ни к чему не относящуюся усмешку: – Провокация господ иуд от дипломатии, целуя, предающих. Болгары, примкнув к союзу центральных держав, оценили это по достоинству.

– Федя, ты сходишь с ума? Ты можешь защищать болгар, этих изменников делу славянства?

Он опять посмотрел на нее холодно и отчужденно.

– Болгары – хороший народ. Кроме того, они убеждены, что нам нечего делать на Босфоре. Помнишь, у Пушкина сказано: «Славянские ль ручьи сольются в русском море, оно ль иссякнет, вот вопрос». То есть это значит, должна ли русская стихия постепенно поглотить все славянство, или, напротив, каждый славянский ручей, превратившись в самостоятельную, полноводную реку, тем самым побудит русское море тоже сойти на более скромное амплуа одной из славянских рек. Будет, значит, Болгария, будет Великороссия, будет Сербия, Чехия, Украина, Польша. Может быть, даже впоследствии одна великая федерация всего славянского мира...

Поморщившись, он перебил самого себя:

– Нет, кисло. Не хочу [4, с.255–256].

Федор видел «провокацию» и со стороны Германии, проводившей политику разделения славянских народов; он точно так же безжалостно рассматривал и противоположную точку зрения, которая пыталась обосновать национальный раздел России, уничтожая таким образом само понятие «русские». Лиза была уверена, что нет украинцев как отдельного народа, но есть русские как единый народ! Если для нее эта мысль была аксиомой, то для Федора – лишь одной из точек зрения, не более того.

Он не видел зла ни в самостоятельности народов России, ни в их единстве под эгидой русского народа Российской империи. Споры о славянофильстве затемняли истинное зло, с которым ему труднее всего было примириться...

Он говорил:

В конечном итоге, все это – ерунда. Ну, они хотят быть украинцами и будут украинцы, а мы вот русские. А что такое «русские» или «украинцы»? Какой внутренний, содержательный смысл этих слов? Грош им цена! Конечно, всякая провокация противна, как всякая провокация: будет ли это русская освободительная война, якобы на пользу славян, а на самом деле с целью захватить Босфор и Дарданеллы, или это будет попытка австро-

германцев, под предлогом защиты племенных интересов Украины нанести сокрушительный удар русскому империализму...

– Разве, Федя, русский империализм то же, что Россия?

Он долго думал, потом сказал:

– Да. Я не вижу в том, что называется Россией, никакой, как говорится, идеи. Это просто многомиллионная масса темных, забытых мужиков, которых угрозами заперли в каменные мешки – казармы и бросают, по мере надобности, в кровавый зев войны, – далее: небольшая горсточка нас, трусливых интеллигентов, ни во что не верующих, надо всем иронизирующих и, больше всего, берегущих свою шкуру, да кучка купцов-спекулянтов, зарабатывающих на народном недоедании и прочих несчастьях. О правительстве я уже не говорю, потому что этой горсточке себялюбцев чужды в такой же мере какие-либо идеи.

– А русская литература? – цеплялась Лиза, испытывая страх и отчаяние: – Лев Толстой, Пушкин, Гоголь, Достоевский? А русская музыка, живопись?

– Что же, а разве они сумели спаять народ в одно целое?

Всякая действительная сила есть сила. Лев Толстой! Хотел бы я видеть, чтобы он встал из гроба и посмотрел на то, что теперь творится! Нет, это была не сила, действительная и действенная, а барская или кабинетная игра в бирюльки.

Он сильно сжал челюсти, и Лиза явственно видела, как от болезненного напряжения у него пульсировали жилки в висках.

– Я был на войне [4, с.269].

Истинное зло, по мысли Федора Игнатов, – это отсутствие Идеи и единого Народа. Можно сколько угодно присягать метафизике, защищать ее нравственный смысл, но если нет веры, если нет «наркоза», то войну выиграть нельзя, ибо побеждают Идея и Народ.

Лиза не приняла пессимизм Федора, она отчаянно кричала, а потом у матери тихо плакала: «Россию жалко». Она признала какую-то часть правды Федора, но чувством своим не смирилась: ум и душа по-разному реагировали на близкую катастрофу.

В этот момент ей пришло еще одно письмо от Вельёва, в котором он рассказывал о своем понимании смысла войны. Он открыл, что каждая земля таит в себе свой дух, и эта правда земли дает право человеку говорить о смысле: русский – значит земля русская. Пушкин – африканец, а по душе своей – русский. Кровь – это «земля». Россия – это не народ, не племя, не союз племен, а дух земли. Это точка опоры Вельёва, его личная правда [4, с.278].

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КРИЗИС РУССКОГО МОДЕРНИЗМА

За эту правду ухватилась Лиза, понимая, что у нее больше ничего нет.

Ее муж Юрий Михайлович, вполне благополучный циник, говорил, что нет никакой России и ее народа, утверждал, что воюют не идеи, а деньги, интересы мировых капиталистов...

Лиза бросила Лихачева и уехала в Ригу сестрой милосердия, где встретила изумленного Вельёва, для которого идеи «духа земли» были не столь судьбоносны, как для нее.

Федор Игнатов вместе со своим приятелем, литератором Огнищевым, оказывается на вокзале, куда приехали инвалиды, эта сцена во многом совпадает с той, которая описана в повести Леонида Андреева «Иго войны». Напомню, что в ней главный герой прозревает, увидев множество людей, пожертвовавших собой «ради дальних».

Таким было общее модернистское настроение в начале войны.

Игнатов же, увидев почти то же самое, не только не прозрел, но даже смутился еще больше, чем прежде. Он не почувствовал в этой сцене никакого подвига «ради дальних», но ощутил обман и иллюзии. Едящие за общим столом солдаты не вдохновили его; масса «темных мужиков» оставалась той же массой, но только изуродованных людей...

...Федору хотелось плакать.

– Вся моя предшествовавшая да еще и теперешняя жизнь, – сказал он себе строго, яростно нахмурившись и сжав зубы, – была такое же гнусное и ничем не оправданное шарлатанство. Вот Костя... тот, по крайней мере, честно погиб... правда, за вздор, за иллюзию, за интеллигентские мечты «о мире всего мира». Чтобы жить дальше, мне нужно иметь хоть какого-нибудь Бога в душе. Пусть даже это будет божок, фетиш, смешной пред-рассудок. У меня нет ничего. Мне одинаково кисло идти на фронт и оставаться здесь. Вот и обнаружилось, что я не более как пошлое, сырое мясо [4, с.301–302].

Концовка романа выразила максимальный пессимизм Марка Криницкого: Федор оказался в психиатрической лечебнице с неизлечимым заболеванием, а Юрий Михайлович, отправившийся в Ригу по земским делам, бодро сообщал по телефону компаньону по газетному делу о событиях Февральской революции, о том, что нужно купить всю, какая есть в Москве, красную краску; сообщал отрывисто, телеграфно – тот, кто ни во что не верил, кричал в трубку, что революция совершилась «нами... восставшим народом»...

Модернизм умирал, потому что умирала вера в народ, в страну, в Россию. Роман «Прапорщик Игнатов» показал, что мало думать о метафизи-

ке – нужно еще и верить в высшие духовные (сверхличные) ценности, а вот с этим дела обстояли совсем худо. Не было на войне явлено того метафизического «наркоза», который бы позволял с верой умирать, с верой побеждать, с верой жить, с верой строить новую страну...

Марк Криницкий, когда писал свой роман «Час настал» (1915), не думал, что у романа будет продолжение. Это важный биографический факт. В начале войны он, как и многие модернисты, верил в близкое переустройство европейского человечества. Война не была еще понята как катастрофа, в победу русских верили, ее ждали, впрочем, как и социальных перемен, в которых была бы пересоздана европейская душа. Уходящий на фронт Костя не знал еще, какое его ждет разочарование, ибо М.Криницкий не сразу понял, что надежды могут рухнуть. Война постепенно вскрывала неспособность страны воевать, страдать, быть сильной в годы испытаний...

В начале войны Костя с пафосом говорил Федору о смысле войны, и это были мысли самого Марка Криницкого: «Ты не можешь дать хороших общественно-политических учреждений обезьянам острова Явы. Понимаешь? Мы не можем мечтать ни о красоте, ни о разумности нашего общественного быта, пока не делается разумен и красив единичный носитель и устроитель этого быта, каждый отдельный человек. Ты скажешь: средний человек пошел, человечество в общей своей массе посредственно. Ты никогда не сделаешь всех "утонченными". Утонченность – для единиц, для тех, в ком горит дух творчества. Но я не могу, я не хочу принять этого взгляда. Я считаю его оскорбительным для самой моей внутренней человеческой сущности. Я не согласен, что пошлость есть естественное состояние человечества в его массах. Пошлость, мещанство, бюргерство суть извращение нашей природы, за которое нам мстит эта же самая природа. Природа хочет, чтобы изменился человек, и потому побуждает его к самоистреблению. Такой, каков он есть сейчас, он не должен, не может существовать. Вот, по-моему, каков смысл войны, тем более такой войны, как настоящая. Почем знать, может быть, именно благодаря этой войне наступит, наконец, момент, когда на смену форм случайного, принудительного быта человеческая личность создаст формы быта просветленного, внутренне разумного и свободного» [5, с.93–94].

В романе «Час настал» (1915) Федор Игнатов – персонаж не главный, он встроен в сюжет как оппонент Кости, но оппонент, в целом принимающий логику перемен, о которых все время говорил Костя. Федор – скептик, рационалист, не склонный к пафосным решениям своей судьбы.

По мере того как развивались события мировой войны, по мере того как менялось общественное настроение, на первый план выходил скептик,

рационалист, который обнаруживал, что вера модернистов подорвана самой реальностью – не книжной, а грубой, телесной, военной, тыловой, подорвана бессмысленностью войны, которая становилась похожей на мировую мясорубку, без каких-либо надежд на духовные перемены.

Костя в романе «Прапорщик Игнатов» погибает почти сразу, и вместе с ним погибает вера в преображение человечества, Федор сходит с ума только в самом конце романа – так обнажается тупик в драматической коллизии существования модернизма в условиях мировой войны.

Василий Розанов говорил в начале войны, что оружие взял в руки «народ-богоносец»; но он же опроверг себя, выразив презрение в 1918 г. к «подлому народу», свергнувшему царя. Николай Бердяев убедил себя в начале войны, что общество хочет измениться, но он же был вынужден сказать самому себе о предательстве русским народом своих идеалов. Марк Криницкий в романе «Час настал» писал о необходимости новой человеческой личности, преобразующей мир, но его главный герой в романе «Прапорщик Игнатов» не справился с разочарованием и душевно заболел...

Модернизм русского Возрождения умирал, не выдержав схватки с не-книжной реальностью мировой войны.

Однако зерно, упавшее в землю, непременно прорастает в новую жизнь, ибо не может умереть дух личности, бессмертный дух, ищущий метафизическое начало и оправдание жизни вопреки тоске и пессимизму.

Библиографический список

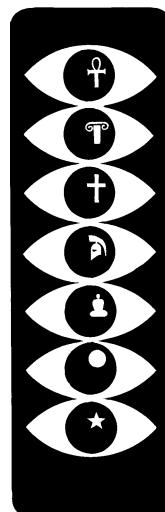
1. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.
2. Бердяев Н. Судьба России. Репринт. воспроизведение изд. 1918 г. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
3. Иванов Вяч. Живое предание // Родное и вселенское. Статьи (1914–1916). М.: Изд. Г.А.Лемана и С.И.Сахарова, 1917. С.47–58.
4. Криницкий М. Прапорщик Игнатов. М.: Москов. книгоизд-во, 1918. 326 с.
5. Криницкий М. Час настал. Изд. 2-е. М.: Москов. книгоизд-во, 1918. 236 с.
6. Письма с войны 1914–1917 / Сост., коммент. и вступ. ст. А.Б.Асташева и П.А.Симмонса. М.: Новый хронограф, 2015. 800 с.
7. Протоколы частных религиозно-философских собеседований в г. Рязани 26 марта и 15 апреля 1911 г. Рязань: Тип. В.В.Тарасова, 1914. 30 с.
8. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени // Розанов В.В. Собрание сочинений. М.: Республика, 2000. Т.12. 432 с.
9. Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. Пгд.: Б.и., 1915. 234 с.
10. Чулков Г.И. Судьба России. Беседа о современных событиях. Пг.: Корабль, 1916. 50 с.

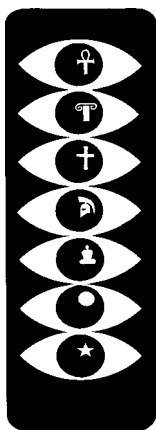
Развитие культуры идет столь же на пользу добра, сколько и на пользу зла. Растет кротость – растет и жестокость, растет альтруизм, но растет и эгоизм. Дело не происходит так, чтобы с увеличением добра уменьшалось зло; скорее так, как при развитии электричества: всякое появление положительного электричества идет параллельно с появлением отрицательного. Поэтому борьба между добром и злом не угасает, а обостряется; она и не может кончиться и не может, по-видимому, не кончиться.

Павел Флоренский

**Все революции кончались реакциями.
Это – неотвратимо. Это – закон.
И чем неистовее и яростнее бывали
революции, тем сильнее были
реакции. В чередованиях революций
и реакций есть какой-то магический
круг.**

Н.А.Бердяев

Виктор Кириллов

ЕЛИЗАВЕТГРАДСКОЕ ДЕЛО 1869 ГОДА

**К ВОПРОСУ О ТЕРРОРИЗМЕ
И РАДИКАЛИЗМЕ В РУССКОМ
РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ
КОНЦА 1860-Х ГОДОВ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(47).081"1869"

В 1869 г. в г. Елизаветграде Херсонской губернии в поле зрения политической полиции попали несколько бывших участников революционных кружков 1860-х гг., обвиненных автором анонимного письма в подготовке покушения на императора. В ходе долгого следствия они признались в попытке организации в городе склада запрещенных изданий, и «террористическая» версия «Елизаветградского дела» сменилась на «пропагандистскую», подтверждающуюся впоследствии и другими источниками. Некоторые новые факты, не освещенные в литературе, позволяют предполагать, что бывший в Елизаветграде С.Г.Нечаев, встречавшийся там с фигурантами дела, возможно, и был автором анонимного доноса, с целью радикализовать их взгляды и подтолкнуть к конфронтации с властями.

In 1869 in Yelysavethrad, Kherson Governorate several former members of revolutionary groups of 1860s came into the view of the political police, accused by an author of poison-pen letter of preparation for attempt on the Russian emperor's life. During the investigation they confessed to attempt to set up a store for illegal publications in the city; "terrorist" version of "the Yelysavethrad affair" changed into "propaganda" version. Some new materials, not encountered in the literature, suggest that S.G.Nechayev, who was in Yelysavethrad and met with the accused of this affair there, probably wrote the poison-pen letter for the purpose of impelling them to conflict with authorities and radicalize their views.

Ключевые слова: «Елизаветградское дело»; русское революционное движение; революционный терроризм; революционный радикализм; С.Г.Нечаев; М.К.Элпидин; русская революционная эмиграция.

Keywords: "the Yelysavethrad affair"; Russian revolutionary movement; revolutionary terrorism; revolutionary radicalism; S.G.Nechayev; M.K.Elpidin; Russian revolutionary emigration.

E-mail: kirillov-msu@bk.ru.

Идеи цареубийства и склонность к террористической тактике – такими чертами в научно-исторической литературе нередко наделяют русское революционное подполье конца 1860-х гг. Например, по мнению современного исследователя О.В.Будницкого, именно радикальная среда тех лет породила «первую в России последовательно террористическую организацию» – нечаевскую «Народную расправу» [11, с.38]. Советский историк Б.П.Козьмин также усматривал значительное распространение террористических настроений среди революционной молодежи этого времени, когда мысль о цареубийстве, по его формулировке, «носилась в воздухе» [15, с.147].

При внимательном рассмотрении литературы становится ясно, что подобная обобщающая «радикальная» характеристика базируется на немногих аргументах: террористических идеях ишутинского тайного общества, органично связанных с фактом покушения Д.В.Каракозова 4 апреля 1866 г., предположительном обсуждении этих идей в петербургском кружке «Сморгонская академия», радикализме С.Г.Нечаева, появившегося в революционном подполье в 1868–1869 гг. Одним из этих немногих аргументов является также таинственное «Елизаветградское дело» 1869 г. об организации взрыва императорского поезда. Фигуранты этого дела имели непосредственное отношение к упомянутому кружку «Сморгонская академия», и в самом Елизаветграде с ними, возможно, контактировал Нечаев. Таким образом, от ответа на вопрос, насколько обоснована гипотеза о террористическом характере этого события, зависит и спор о популярности и влиянии радикальных идей в революционном движении конца 1860-х гг.

Наиболее полно в историографии «Елизаветградское дело» было рассмотрено Козьминым в 1929 г. в монографии «Революционное подполье в эпоху “белого террора”» [15, с.123–134, 145–154]. Историк проанализировал соответствующее дело Следственной комиссии по делам о государственных преступлениях (здесь и далее – «Следственная комиссия» или «комиссия Ланского» по имени ее председателя графа П.П.Ланского) [1], а также ряд других источников. Однако более содержательное дело III отделения [3; 4], следствие по которому велось параллельно следствию комиссии Ланского, не было им затронуто; именно в нем автором статьи были обнаружены новые факты, не освещенные ранее в литературе. Дело III отделения, а также опубликованные в конце 1920-х гг. воспоминания фигуранта «Елизаветградского дела» Ф.А.Борисова [19] выборочно использовал В.Я.Гросул в 1973 г. в книге

«Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.)» [12, с.390–394], но этот сюжет он рассматривал косвенно, в контексте поездки Нечаева в Румынию и на юг России. В дальнейшем елизаветградская история в литературе практически не упоминалась.

Следует отметить, что материалы «Елизаветградского дела», скопившиеся в центральных архивах (III отделения, комиссии Ланского, первого департамента министерства юстиции; эти фонды хранятся ныне в Государственном архиве Российской Федерации), часто основывались на донесениях из одесского жандармского управления и одесской судебной палаты, и, возможно, в архивах этих местных органов сохранились дополнительные сведения из документов первоначальных допросов или записок местных следователей. С этими архивами автору ознакомиться не удалось, поэтому основное внимание в статье будет уделяться материалам дел ГА РФ.

«... имеющие целью крайне нехорошее дело»

28 октября 1869 г. полицмейстер уездного города Херсонской губернии Елизаветграда Пашенко получил в почтовой конторе письмо, датированное 26 октября и подписанное

неким агентом петербургской полиции Константином «Клоч...» (окончание неразборчиво) [3, л.6–6 об., 70]. Агент сообщал, что в городе недавно поселились два молодых человека, «имеющие целью крайне нехорошее дело», а именно сделать подкоп под железной дорогой и взрыв во время проезда императорского поезда. (Глава государства должен был прибыть в Елизаветград для смотра войск [3, л.23 об.].) Но покушение провалилось, так как царь «миновал этот путь». К молодым людям, как говорилось в письме, в предыдущий день (т.е. 25 октября) приезжал из Одессы их товарищ, предлагавший взорвать почтовый поезд. Одному из них товарищ также советовал бежать за границу, отчего автор письма предполагал, что тот был беглым преступником. Анонимный автор был свидетелем этого разговора, ведущегося на французском языке и происходившего, судя по тексту письма, где-то в публичном месте на улице; поскольку автор был одет в простое платье, то заговорщики не догадались, что он может понять их речь. Он проследил за двумя молодыми людьми, один из которых отправился в гостиницу Ветцеля, а другой – в дом Потемкиной. Со вторым из них автор письма встречался и раньше, и тот представлялся Труневским, говоря, что не имеет никаких занятий. Письмо заканчивалось сообщением, что агент уже докладывал об этих

подозрительных лицах одесскому полицмейстеру; сам же он не явился в полицию, так как на следующий день по написанию письма планировал уехать [3, л.10–11].

В гостинице Ветцеля никого из указанных личностей Пашенко обнаружить не удалось. В доме Потемкиной, как выяснила полиция на следующее утро, 29 октября, уже две недели снимали квартиру два человека, занимавшиеся письмоводством. Дом в течение дня находился под секретным наблюдением, пока полиция не убедилась, что на месте находился лишь один из двух жильцов, который и был арестован [3, л.70–71]. Арестованным оказался Василий Иванович Кунтушев, из саратовских вольноотпущенных крестьян графа Нессельроде. Согласно его первоначальным показаниям, он ездил в 1865 г. в Москву с целью поступить в Петровскую земледельческую и лесную академию, но поступить не смог и уехал из Москвы 2 апреля 1866 г. Впоследствии он также ездил в Петербург, но и там у него не получилось найти какое-либо занятие. Наконец, в Саратове он познакомился с дворянином Троицким, вместе с которым в августе 1869 г. отправился в Одессу для поступления в Новороссийский университет. Оказавшись в Одессе и осознав свое сложное финансовое положение, они перебрались 29 августа в Елизаветград, поскольку там было дешевле жить [3, л.7 об.–8].

В реальности биография Кунтушева была более любопытной: еще с первой половины 1860-х гг. молодой саратовский гимназист Кунтушев вместе с группой товарищей увлекался идеями создания рабочих артелей и общался с кружком бывшего студента А.Х.Христофорова, в котором читалась различная политическая литература [19, с.189]. Фамилия товарища Кунтушева, П.Секавина, с которым он приехал в Москву, нередко упоминается арестованными по каракозовскому делу участниками ишутинского кружка – выходцами из Саратовской губернии [9, л.8 об.–9 об.; 10, л.28], и поэтому Кунтушев скорее всего знал о деятельности ишутинцев, хотя и не входил в само общество, оставаясь в стороне. Впоследствии он жил на одной квартире вместе с бывшими ишутинцами – участниками петербургского общества «Сморгонская академия», а также поддержал инициативу сморгонцев организовать побег Н.Г.Чернышевского, в чем позже признался следствию по «Елизаветградскому делу» [1, л.77–78].

Но в первые дни ареста эти факты оставались неизвестными. В результате обыска в квартире были обнаружены несколько исписанных стенографическими знаками листов, руководства к стенографии (причем Кунтушев сослался на научный интерес к стенографии) и большой

железный молоток. У Кунтушева почти не было никаких других вещей и вообще не было денег. Хозяйка показала, что квартиранты появились у нее около недели назад, в свою комнату не пускали, а Троицкий (второй постоялец) часто куда-то отлучался. 29 октября, в день ареста Кунтушева, Троицкий с утра ушел, сказав, что ненадолго идет к прачке, и взял с собой небольшую сумку и что-то, завернутое в белом, под мышку [3, л.7–8]. Было установлено, что он уходил из дома не один, а вместе с Кунтушевым [1, л.26]. Также квартирная хозяйка и другие свидетели добавили, что среди вещей постояльцев был небольшой, но туго набитый и тяжелый чемодан, которого не обнаружили при обыске [3, л.25]. Такой же чемодан видела у подследственных прислуга гостиницы в Одессе, где они останавливались до переезда в Елизаветград [1, л.25 об.]. Кунтушев показал, что ему неизвестно, куда и зачем уехал Троицкий и что никакого чемодана у них не было [3, л.8 об., 25].

Дело об организации покушения на императора не могло не привлечь пристального внимания властей. 3 ноября канцелярия новороссийского и бессарабского генерал-губернатора П.Е.Коцебу запросила III отделение, не находился ли в Елизаветграде агент полиции Ключь, Ключков «или какой-нибудь другой», и вскоре получила телеграмму из Петербурга с отрицательным ответом [3, л.1, 5]. 4 ноября расследование дела было передано товарищу прокурора одесской судебной палаты Пржецлавскому, и он лично отправился знакомиться с подробностями в Елизаветград и даже предлагал поехать вместе с ним начальнику одесского жандармского управления полковнику Кнопю, но тот отказался, поскольку Елизаветград не входил в район, вверенный его наблюдению; также жандармского полковника смущала неопределенность отношений между органами политического сыска и новыми судебными учреждениями [3, л.9–9 об., 72]. 23 ноября капитан Сердюков, начальник елизаветградского отделения жандармского полицейского управления Киево-Одесской железной дороги, отрапортовал начальству, что участок Балта–Елизаветград был обследован и никаких признаков подготавливаемого покушения, равно как и подозрительных лиц, не обнаружено [3, л.92–93].

Между тем 5 ноября в той же Херсонской губернии, но уже в городе Николаеве, на имя местного полицмейстера пришло анонимное письмо [3, л.76 об.]. В нем неизвестный автор, в целях безопасности не указавший свое имя, сообщал, что недавно попал в преступное общество, имевшее целью низвергнуть существующий строй, «не пренебрегая никакими средствами». Двое из членов общества находились на момент

написания письма, 5 ноября, в Николаеве: один из них – «бежавший из казанского тюремного замка арестант Ялпидин», проживавший под документами Михаила Троицкого, а другой называл себя Кузнецовым. Ялпидин якобы только что приехал из-за границы с множеством изданий своей типографии; сообщалось, что он жил на постоялом дворе гостиницы «Севастополь» и собирается помочь перебраться за рубеж своим товарищам. Ялпидин хотел привлечь автора письма к ограблению почты. Незвестный информатор писал, что добровольно уклониться «от всякого сношения с этим обществом» он не может, так как боится их подозрений. Также говорилось, что, возможно, Ялпидин отправил письмо в Одессу на имя некоего Сергиевского [3, л.21–21 об.].

Николаевский полицмейстер на следующий день арестовал Троицкого, действительно жившего на постоялом дворе, указанном в письме [3, л.76 об.]. Но в нем, напомним, было ясно сказано, что эта личность – никакой не Троицкий, а бежавший «Ялпидин»; вследствие этого полицмейстер подумал, что арестованный – недавно сбежавший из одесской тюрьмы некий Лимпиди. Полиция, имевшая в распоряжении фотокарточку Лимпиди, убедилась, что Троицкий на него не похож, да и приметы задержанного соответствовали его документам, вследствие чего он был освобожден. Полицейстер, полагая этот эпизод ничтожным недоразумением, не стал сообщать о нем ни прокурорскому надзору, ни жандармскому управлению, и об этом факте в Одессе узнали только 18 ноября от херсонского губернатора [3, л.16 об., 76 об.–77, 88–88 об.]. Троицкий прожил в городе всего несколько дней, с 4 по 8 ноября; по показаниям хозяина постоялого двора, он был одет бедно и грязно и, как показалось хозяину, в Николаев пришел пешком (в то время как в Елизаветграде Троицкий одевался прилично и деньги у него имелись). После своего ареста и освобождения 6 ноября Троицкий два дня не мог уехать из города, поскольку задолжал хозяину 40 копеек [3, л.88, 99 об.–100].

Пока Троицкий находился в бегах, Кунтушев продолжал давать показания, постепенно раскрывая подробности своей прошлой жизни. Он признался в знакомстве с каракозовцами, совместном жительстве с участниками кружка «Сморгонская академия» (в котором, по его собственному свидетельству, «одни ругали Каракозова, другие находили в его поступках ту пользу, что молодежь, вместо того чтобы заботиться лишь о собственной пользе, стала выставлять план пользе общества» [1, л.77]). Его информация об участии в попытке организации побега Чернышевского была подробной и, судя по всему, добровольной, – конкретно об

этих фактах его никто поначалу не спрашивал. Но сведения о последних месяцах – с того момента, как он с середины 1869 г., вернувшись в Саратов, стал жить на квартире бывшего студента Медико-хирургической академии Н.Н.Катин-Ярцева, высланного из столицы за участие в студенческих беспорядках [1, л.78; 3, л.202 об.–203], – становились путаными и часто менялись. Катин-Ярцева, как показывал Кунтушев, ежедневно навещали их знакомые, среди которых были товарищи по гимназии Михаил Троицкий и Феофан Борисов [3, л.203–203 об.].

Остановимся ненадолго на личности последнего. Феофан Алексеевич Борисов, из государственных крестьян, в 1866 г. был вольнослушателем Петровской академии в Москве. Тогда же его арестовали по каракозовскому делу и заключили в Петропавловскую крепость до декабря. Затем он служил несколько месяцев письмоводителем у мирового судьи Бакунина в городе Торжке Тверской губернии, а после этого попеременно жил в Саратове и на юге России [13, стб.49; 3, л.95–95 об.]. На юге он около полутора лет работал домашним учителем сына помещицы Херсонского уезда Соколовской, проживая в ее же имении в деревне Семеновка. В 1869 г. сын Соколовской поступил в Ришельевскую гимназию в Одессе, и Борисов продолжал его обучать, переехав для этого в Одессу [3, л.72 об., 124].

Первоначально, напомним, Кунтушев утверждал, что целью поездки на юг было поступление в Новороссийский университет. Затем он добавил к показаниям, что это было советом Борисова, на что они – Троицкий и Кунтушев – согласились; лишь по дороге из Саратова Борисов предложил им ограбить свою работодательницу Соколовскую, а при необходимости и убить, для чего был припасен найденный при обыске молоток. В Елизаветград же Троицкий и Кунтушев поехали, чтобы познакомиться там с другим сыном Соколовской (не тем, учителем которого был Борисов), служившим в городе юнкером, и, благодаря знакомству, устроить Кунтушева лакеем к помещице. Награбленные деньги они хотели использовать для открытия народных школ в Саратовской губернии [3, л.25, 29 об., 72 об.–73, 126]. Следствие было убеждено, что Кунтушев «маскирует частным преступлением» более серьезные антиправительственные цели, однако вплоть до поимки и признания Троицкого в конце декабря 1869 г. Кунтушев продолжал утверждать «с тупым упорством», как сказано в жандармском донесении, что целью елизаветградцев было убийство Соколовской [3, л.72 об., 147].

**Следствие:
межведомственные
разногласия**

Сообщения Кунтушева о знакомствах с бывшими фигурантами каракозовского дела придавали следствию еще большее значение. Но, несмотря на передачу бумаг «Елизаветград-

ского дела» III отделению из министерства юстиции и первоначальное решение императора рассмотреть дело в Следственной комиссии, сама комиссия Ланского решила, что поскольку каждый день в Одессе раскрываются новые обстоятельства дела, то было бы неудобно и даже вредно перенести следствие в Петербург [1, л.1, 5, 27]. Комиссия предполагала отправить в Одессу своего члена, действительного статского советника Переяславцева, чтобы он на месте взял дело под свое руководство в соответствии с порядком комиссии, «на основании коего прокурорский надзор не вправе вмешиваться в ее действия и распоряжения»; следствие должно было производиться при участии местного жандармского управления. Данное распоряжение было дано Переяславцеву 4 декабря, но не успел он уехать, как на следующий день, 5 декабря, император изменил свою волю и поручил продолжить следствие «на точном основании Устава уголовного судопроизводства члену одесской судебной палаты, при участии товарища прокурора оной»; представитель Следственной комиссии мог лишь оказывать содействие в дознаниях, да и то в присутствии членов прокурорского надзора [1, л.31, 33 об., 37–37 об.].

Старавшийся принимать участие в дознаниях полковник Кноп, начальник жандармского управления Одессы, в своих донесениях в III отделение не раз отмечал «неопределенность и натянутость наших с новыми судебными учреждениями отношений». Некоторые члены судебной палаты, по его словам, были крайне недовольны тем, что ему, Кнопу, вообще известен ход следствия [3, л.32 об.–33]. В январе 1870 г. он уже не скрывал своего недовольства и писал в Петербург, что товарищ прокурора Пржецлавский – «человек надменный, напыщенный своим величием, горячий и нетерпеливый» и вредит расследованию тем, что своим красноречием убеждает подозреваемых в слабости уличающих их фактов; а следователь Крушинский, член палаты, человек пожилой и ленивый, «страдает мигренями, коль скоро не обедает в определенное время или не поспит после обеда». Кноп настаивал начать производство отдельного дела о намерении освободить Чернышевского, но одесская судебная палата уклонялась от положительного решения [3,

л.167 об.–168, 184 об.–186]. Его же надежды на перенесение следствия в Петербург не оправдались.

Любопытно, что донесения прокурора одесской судебной палаты министру юстиции рисуют несколько иную картину следствия: товарищ прокурора Пржецлавский, напротив, не тормозил следствие, а хотел придать ему больший вес, присовокупив к нему расследование участия Кунтушева в организации побега Чернышевского. Крушинский же, ссылаясь на судебные уставы, настаивал на раздельном следствии в Одессе и Петербурге, т.к. существенная связь между двумя делами, по его мнению, не была подтверждена [6, л.125–126, 136–136 об., 146 об.–147 об.].

Разногласия между ведомствами дошли до открытых разбирательств на общем собрании судебной палаты, в ходе которых Кнопу заявили, что знакомые Кунтушева по «Сморгонской академии» согласно закону могут быть лишь допрошены по месту жительства. Кноп считал, что нужно не «останавливаться на препирательствах и толкованиях параграфов устава, а смотреть на дело со взглядом более широким», считая, что в «Елизаветградском деле» есть связь с недавно раскрытой в Москве нечаевской организацией. Так и не дождавшись волевого решения из столицы, Кноп в конце января из конфиденциального разговора со старшим председателем одесской судебной палаты Шахматовым узнал, что раскрытый в Москве заговор будет расследоваться под контролем сенатора кассационного департамента Я.Я.Чемодурова; одесский жандарм предположил, что ведомство юстиции сохранит за собой контроль и за «Елизаветградским делом», а потому, явно расстроившись, в своем донесении шефу жандармов 31 января писал, что настоящее дело можно считать оконченным [3, л.191 об., 193, 197 об.].

Это небольшое отступление показывает, что в условиях реформы судопроизводства в империи на следствие по политическим делам нередко влияли и ведомственные споры, и сложности применения нового законодательства; возможно, в этом кроются некоторые причины как неясных выводов следствия по «Елизаветградскому делу», так и обрывочных сведений о нем в архивах различных органов.

Реконструкция: от Одессы к Елизаветграду

Но вернемся к обстоятельствам самого дела. В ноябре 1869 г. в Одессе был арестован Борисов. У него были найдены 5 тысяч рублей билетами Херсонского земского банка, кото-

рые, по его словам, принадлежали учителю одесской Ришельевской гимназии Н.А.Караваеву, у которого он нанимал квартиру [4, л.1; 3, л.28 об.]. Вскоре он сознался, что деньги принадлежат ему, и либо отказывался объяснять их происхождение, либо утверждал, что получил их в дар от помещицы Соколовской на неопределенный срок и без расписки [3, л.18 об., 147; 6, л.130 об.]. Осталось невыясненным, откуда у него такая сумма: жалование Борисова, получаемое им от Соколовской, в имении составляло 700 рублей в год, а в Одессе – 350 рублей [3, л.124–124 об.]. Следствие предположило, что эти деньги принадлежали не Борисову, а обществу, собиравшемуся вести пропаганду среди крестьян, а Борисов – «кассир этого общества на юге, выдающий пособия агентам» [3, л.73 об.]. Также начались поиски Сергиевского, упомянутого во втором анонимном письме, которому «Ялпидин» (т.е. Троицкий) отправлял письмо в Одессу. А.Е.Сергиевский, бывший участник «Сморгонской академии», действительно проживал тогда в Одессе; в найденном при обыске у Сергиевского письме от бывшего учителя по семинарии Орлова был упомянут Д.А.Воскресенский, один из руководителей кружка «Сморгонская академия», имя которого всплывало и в показаниях Кунтушева [3, л.17 об.–18].

Таким образом, многие нити дела стали переплетаться между собой. Постараемся восстановить и частично дополнить сведения, полученные в ходе расследования: кто и когда из подозреваемых лиц оказывался в южных губерниях России и с какой целью?

Сперва в Одессе поселился бывший учитель саратовской гимназии Караваев, которого за вредный, с точки зрения властей, образ мыслей и пагубное влияние на учеников в 1862 г. перевели из Саратова сначала в Самару, а затем в Одессу, в Ришельевскую гимназию [15, с.131]. Никаких неблагоприятных в политическом отношении сведений о Караваеве с тех пор не поступало [4, л.1]. По донесению Кнопа, Караваев много работал (кроме преподавания в гимназии, он был приват-доцентом в университете и давал частные уроки), зарабатывая более двух тысяч в год, отличался склонностью к благотворительности и добродушием – отсюда, по Кнопу, могла происходить его приязнь к землякам, политические цели которых он мог и не поддерживать [3, л.125 об.].

Борисов уехал в Одессу в августе 1867 г. для завершения университетского образования (по крайней мере, так он утверждал); также одной из причин, по его словам, была смена климата. Караваев был учителем Борисова в Саратове, и он вместе с учителем Херсонской гимназии Соколовским (не родственником помещицы Соколовской) помог Бори-

сову устроиться в Семеновку; также следствию было известно, что за два месяца до ареста Борисов и его ученик (сын Соколовской) вдвоем снимали квартиру у Караваева [3, л.72 об., 95 об., 124].

Сергиевский уехал из Петербурга 3 мая 1868 г. [1, л.56 об.] сначала к себе на родину в Саратов, а затем в Одессу. Согласно показаниям, он «надеялся не сгинуть» там, где сможет найти хоть одного своего знакомого [2, л.86 об.]. С Борисовым же Сергиевский был знаком уже давно: вместе с Воскресенским и некоторыми другими выходцами из саратовских семинарии и гимназии они за несколько лет до того переехали из Саратова в Москву, влившись там в расширявшееся ишутинское общество [19, с.190]. Как мы видим, разъезжаясь, старые знакомые со схожими интересами вновь стремились друг к другу: так было проще устроиться в каком-либо новом месте, найти заработок и т.п.: оказавшись в незнакомом городе в сложном финансовом положении, Сергиевский какое-то время «из милости» жил у Караваева [3, л.124 об.–125]. О том, что эти метания не носили тайной революционной цели, говорят и поздние воспоминания Борисова: он действительно отправился в Одессу, чтобы устроиться там жить, и лишь потом, в 1869 г., его «потянуло к старым друзьям в Саратов» [19, с.191], где он оказался вовлеченным в авантюрные замыслы, приведшие к «Елизаветградскому делу».

В сентябре 1868 г., вскоре после переезда Сергиевского, из Петербурга в Одессу на недолгое время приехал Воскресенский [3, л.162]. Воскресенский помогал товарищу устроиться на месте: они вместе ходили к Соколовскому и Караваеву, пытаясь найти для Сергиевского частные уроки. По показаниям Караваева, он видел Воскресенского всего два раза, и тот занял у него 20 или 25 рублей, на чем знакомство и закончилось. Потом тот уехал, и, как утверждал Сергиевский, ему точно неизвестно, куда. Обращает на себя внимание следующий факт: Сергиевский утверждал, что встретился в Одессе с Воскресенским, по сути, случайно в театре и у того как будто бы была рекомендация к Караваеву от неизвестного чиновника из Керчи. Поэтому они и отправились к Караваеву [3, л.120 об.–122]. Таким образом, он предпочитал не упоминать о прежнем знакомстве Воскресенского и Соколовского, который в 1868 г. еще не был учителем Херсонской гимназии, а был одесским студентом. Непричастность Караваева к молодежным движениям кажется несомненной. Отсюда вопрос: не велось ли между Воскресенским и Соколовским каких-либо разговоров, которые Сергиевскому хотелось скрыть, например, разговоров о знакомствах с местным студенчеством и

установлении связей с петербургскими кружками? На этот вопрос, к сожалению, ответов дать нельзя.

После Одессы Воскресенский поехал в гости к Борису в Семеновку. Вряд ли об этом не было известно Сергиевскому; от него же, возможно, Воскресенский и узнал о местонахождении Борисова. Борисов во время допросов утверждал, что ему неизвестна цель визита Воскресенского [3, л.51]. Это также странно: должны же они были хоть о чем-то беседовать! Кроме этого, он давал противоречивые показания насчет того, откуда к нему приехал Воскресенский: то ли из Одессы, то ли с Кавказа, где Воскресенский занимался подрядом рабочих на таманском заводе Новосильцева [3, л.120]. Помещица Соколовская, давшая херсонским жандармам положительный отзыв о Борисове, отметила, что во время своего пребывания в ее имении Борисов никуда не выезжал и ни с кем знакомств не имел, кроме лишь одного раза, когда он уехал вместе с Воскресенским на месяц в Херсон [3, л.151 об.]. По показаниям последнего, взятым у него в Петербурге во время производства «Елизаветградского дела», он пробыл несколько дней в Одессе, потом около десяти дней в Семеновке, после чего через Николаев возвратился в Одессу и уехал оттуда в начале октября 1868 г.; затем Воскресенский был в Киеве с 8 по 10 ноября [3, л.162 об.]. Выпадает целый месяц, когда Борисов и Воскресенский вместе уехали в Херсон (а может быть, и в какое-то другое место – например, обратно в Одессу к старым и новым знакомым?). Вряд ли в ходе этих событий произошло что-то значимое: иначе бы об этом рассказал уже в советское время Борисов, делясь своими воспоминаниями с журналом «Каторга и ссылка» [19]. Но очевидно, что какие-то обсуждавшиеся вопросы, недопустимые в глазах политического сыска (участие в петербургской общественной жизни или предложения по заведению контактов с новороссийской молодежью), не оглашались последственными.

Возможно, что именно эти вопросы побудили Борисова поехать в Саратов и пообщаться со старыми товарищами по революционным кружкам. На допросах он первоначально утверждал, что всего лишь хотел пожить на родине, повидать сестру, «заняться хлебопашеством», но, осознав, что он «это дело не понимает», возвратился на юг [3, л.126, 171 об.]. 10 декабря 1869 г. Борисов вызвался дать чистосердечное показание, в котором объяснил, что инициатором поездки в Одессу был Троицкий. Он хотел будущей весной 1870 г. поехать за границу к известному политическому эмигранту М.К.Элпидину, бывшему его знакомому по Казанскому университету, и «посоветоваться с ним о лучшем

способе ввозить в Россию для распространения преимущественно французских сочинений о социализме». Троицкий действовал самостоятельно, без связей с какими-либо обществами, а в Елизаветград поехал, чтобы «в обществе кавалерийских офицеров изучить французский разговорный язык», а также потому, что там дешевле жить [3, л.135 об.–136].

11 декабря 1869 г. в Керчи был задержан Троицкий [17, с.53]. Избегав по чистому везению ареста в Николаеве, он получил травму во время бури – ему на голову упала черепица, – и в больнице по приметам была установлена его личность [19, с.191]. Михаил Петрович Троицкий, выходец из офицерской семьи, в начале 1860-х гг. учился в саратовской гимназии, как и Борисов, был знаком с саратовским кружком Христофорова, интересовался созданием рабочих артелей. Впоследствии, однако, он не присоединился к группе саратовцев, уехавших учиться в столицы: Троицкий в интересах народной пропаганды устроился на винокуренный завод и остался в провинции, разъезжая впоследствии между Саратовым и Астраханью [19, с.188–190]. Троицкий судился за «имение запрещенных книг» [3, л.171 об.], но этот эпизод, судя по всему, был не слишком значительным политическим преступлением, поэтому в делах III отделения подробностей о нем не сохранилось.

Доставленный в Одессу 20 декабря Троицкий вскоре сознался в своей переписке с Элпидиным; по его словам, Элпидин предлагал ему открыть в России подпольную типографию. С Борисовым Троицкий обсуждал идею создания рабочих артелей на юге, где можно было бы также заниматься образованием рабочих. Борисов предлагал выделить на это дело 1200 рублей. Для этих целей они и поехали из Саратова в Новороссийский край, договорившись для конспирации покинуть город порознь: сначала Борисов отправился в Царицын, а потом туда же прибыли Троицкий и Кунтушев, сказав всем в Саратове, что они уехали в Нижний Новгород. Судя по всему, между ними были разногласия: Троицкий стал предлагать Борисову использовать капитал не для создания артелей, а для своей поездки к Элпидину, но Борисов отказался, хотя позже присылал деньги Троицкому в Елизаветград. В последний город Троицкий и Кунтушев переехали, поскольку первому он казался удобным местом для создания склада запрещенных изданий. Издания то ли должны были переправляться из-за границы, то ли, согласно предложению Элпидина, печататься тут же. Кунтушев, по словам Троицкого, считал, что в случае ареста нужно оговорить себя в другом, уголовном

преступлении, чтобы отвести подозрения в подпольной деятельности [3, л.30 об., 148 об.–149, 183–183 об., 199–199 об.].

Лишь 26 февраля 1870 г. Кунтушев отказался от своей тактики и подтвердил показания Борисова и Троицкого [7, л.266 об.]. Он говорил, что Елизаветград был выбран с целью организовать там «пункт для распространения женевских изданий» и что Троицкий получил от Элпидина в Елизаветграде четыре письма, которые по прочтении сжигал, и потому Кунтушев их не читал. Троицкий передавал слова Элпидина, что тот послал к ним «особого агента», который на границе должен войти в сношения с контрабандистами и потом приехать в Елизаветград. Но агент не появился, и Троицкий просил Борисова достать ему заграничный паспорт, но Борисов отказался. Причины же исчезновения Троицкого из Елизаветграда Кунтушеву, как он утверждал, не были известны [3, л.214 об.–215 об.]. Воспоминания Борисова 1929 г. подтверждают пропагандистскую версию «Елизаветградского дела» [19, с.191]. Наконец, судя по сведениям, собранным саратовским судебным следователем в феврале 1870 г., трое товарищей в свою бытность в Саратове не были замечены в какой-либо политической неблагонадежности [7, л.257–258], а стало быть, их решение отправиться на юг, по всей вероятности, носило спонтанный характер.

Итак, непосредственных террористических планов елизаветградцы не строили. Но кто написал два анонимных письма? Кто приезжал к Кунтушеву и Троицкому из Одессы и предлагал взорвать почтовый поезд? Или этот эпизод был выдумкой анонимного «Константина Клоча»? Является ли случайным исчезновение Троицкого из Елизаветграда, больше напоминавшее бегство, и если нет, то откуда ему стало известно о готовившемся аресте? (Троицкий утверждал, что у него закончились денежные средства и он «думал приискать таковые какою-либо должностью в Николаеве или в другом месте», к тому же он разочаровался в Елизаветграде как месте для организации склада; Кунтушеву о своем намерении уехать он не говорил [3, л.183 об.]. Это странно: ведь утром 29 октября они вышли из дома вместе и Троицкий унес с собой какие-то вещи [1, л.26; 3, л.7–7 об.]. Какой смысл скрывать от товарища факт своего невинного отъезда?) Наконец, главный вопрос: в чем правда, а в чем вымысел подметных писем? Пусть не было реальной организации покушения, но могли же быть разговоры, приведшие к подобным доносам?

Гипотеза: нечаевский след

Ответов на вышеуказанные вопросы следствие не получило. В начале мая 1870 г. под конвоем жандармов Троицкий, Кунтушев и Борисов были отправлены в Петербург [8, л.25];

производство по «Елизаветградскому делу», как уже упоминалось ранее, было слито с нечаевским делом, расследованием которого с января 1870 г. занималась специальная комиссия под руководством сенатора Чемодурова [17, с.4]. Согласно докладу министра юстиции по нечаевскому делу, окончательный вердикт следствия относительно елизаветградской истории гласил, что сведение о покушении на императора «не подтвердилось ни одним фактом и было скорее плодом вымысла», а целью подследственных были сношения с женевскими эмигрантами, ввоз и распространение сочинений [17, с.55]. Трое елизаветградцев по решению Сената были освобождены из-под ареста 10 мая 1871 г. и высланы в Кострому под надзор полиции [17, с.198, 207, 219; 5, л.23]. Вывод следствия гласил, что Троицкий, «задумав создать ложную причину необходимости будто бы побега своего из Елизаветграда от преследований полиции, написал сам вышеприведенное письмо (елизаветградское анонимное письмо. – *В.К.*) к полицмейстеру, указав на несуществующее злоумышление» [17, с.55]. Но если причину побега из Елизаветграда и можно было оправдать доносом на самого себя, то какой смысл подводить себя под реальный арест впоследствии в Николаеве?

Еще при первых допросах Кунтушев показал, что в Елизаветграде они с Троицким первоначально останавливались в гостинице Лебедева. В домовое дело была найдена запись постояльца за комнату, почерк которой полиция определила как почерк Кунтушева; он же был, по мнению следствия, «тождественен» почерку анонимного письма [3, л.72]. Одним словом, первоначально доносчиком вообще считали Кунтушева, хотя понятно, что второе письмо ни он, ни, допустим, Борисов написать не могли, поскольку уже находились под арестом. При сравнении же письма с записью Троицкого в другой одесской гостинице, гостинице Илькевича, следователями было высказано предположение о том, что автором письма был Троицкий [3, л.172 об., 199]. После ареста Троицкий заявил, что «даст полное, откровенное сознание, для чего просил предоставить ему бумагу и перо» [3, л.148 об.]. Вероятно, эти или какие-то другие его показания сопоставили с записью в книге гостиницы Илькевича (что дало положительный результат – запись сделана Троицким) и с анонимными письмами (что дало отрицательный результат – письма

написаны не им). Экспертам удалось установить лишь тот факт, что два письма – елизаветградское и николаевское – написаны одной рукой [3, л.89, 199]. Автор же так и остался неизвестным.

Можно ли установить его сейчас, спустя полтора века? Любопытно, что в показаниях арестованных ни разу не было упомянуто имя Нечаева. Между тем в конце 1869 г. властями было установлено, что Нечаев после нескольких месяцев эмиграции вернулся в Россию через южную границу и останавливался в Одессе. Следствие заинтересовалось, не мог ли он видаться на юге с участниками «Елизаветградского дела». Проверить эту версию в феврале 1870 г. было поручено прокурору одесской судебной палаты Орлову. По данным министерства юстиции, Нечаев мог приехать в Россию с паспортом на имя московского мещанина Николая Николаева, прописанного в румынском городе Браиле. Полковник Кноп со свойственным ему энтузиазмом высказал мнение, что Нечаев – это тот самый агент Элпидина, которого ждал Троицкий (по словам Троицкого, агент должен был войти в сношения с контрабандистами именно в Браиле) [3, л.213–213 об., 220 об.]. Орлов также связывал фигуры «агента Элпидина» и Нечаева, но при этом предполагал, что Нечаев, «вероятно, миновал Елизаветград» [7, л.268].

В ходе допросов никто из троих елизаветградцев не признался в том, что знал Нечаева или кого-либо из его соратников, и каких-либо фактов, опровергавших это незнание, у следствия не было [7, л.266 об.]. Тем не менее подозрение оставалось. В ходе следствия по нечаевскому делу в бумагах участника «Народной расправы» П.Г.Успенского было найдено имя некоего Николая Собещанского, жившего в селе Попушай Аккерманского уезда Бессарабской губернии. По словам Нечаева, у Собещанского можно было найти приют. Собещанский был арестован и рассказал, что 31 августа 1869 г. по дороге в Одессу он случайно познакомился с неким сербом по фамилии Катарошанец, который ехал в Россию, чтобы устроиться работать на железной дороге. Они остановились в гостинице, и там серб рассказал, что его преследует русское правительство, рассуждал о недовольстве народа и говорил, что у него есть товарищи в разных городах, среди которых он назвал Елизаветград: среди упомянутых людей Собещанский запомнил фамилии Борисова и Троицкого. Как-то раз серб ушел и возвратился сильно недовольным, сказав, что не застал в Овидиопольском дворе Борисова, с которым хотел повидаться. Пробыв потом несколько дней у Собещанского в Попушае, серб уехал, сказав, что сначала едет в Елизаветград, а затем в Москву.

Собещанский по фотокарточке опознал в сербе Сергея Нечаева [4, л.19 об.; 15, с.148–149; 12, с.387].

Следствие сопоставило даты: 29 августа Троицкий и Кунтушев въехали в гостиницу Лебедева в Елизаветграде, что подтверждалось записью в книге гостиницы, а Нечаев прибыл в Одессу на пару дней позже. Придя к выводу, что увидеться в Одессе они не могли, власти на этом остановились [17, с.55]. Почему-то упоминание Нечаева о том, что он собирался ехать в Елизаветград, не было принято во внимание. Но благодаря сведениям Борисова мы можем узнать, что в Елизаветград Нечаев заезжал: Троицкий и Кунтушев, как сформулировано в воспоминаниях, записанных со слов Борисова И.Ракитниковой, «...столкнулись с Нечаевым, с которым решили действовать вместе. Но крайняя неразборчивость Нечаева в средствах оттолкнула от него Борисова и его товарищей. Вскоре, по невыясненным обстоятельствам, вся компания подверглась преследованиям полиции; Борисова и Кунтушева арестовывают, Нечаеву и Троицкому удалось скрыться» [19, с.191]. Эта цитата позволяет предположить, что встреча с Нечаевым была незапланированной – революционеры «столкнулись» с ним и некоторое время общались. Возможно, о пребывании в Елизаветграде подпольщиков Нечаев узнал в среде революционной молодежи в Одессе и, предложив им поначалу свою помощь, тут же призвал их к каким-то иным действиям, отличавшимся «крайней неразборчивостью» (например, взорвать почтовый поезд?).

Учитывая, что двумя предложениями ранее процитированного отрывка в воспоминаниях Борисова сказано, что Троицкий и Кунтушев поехали в Елизаветград «на поиски контрабандистов», можно утверждать, что не Нечаев был агентом Элпидина, иначе бы Борисов прямо назвал Нечаева ожидаемым контрабандистом. Таким образом, предположение Кнопа, с которым впоследствии согласился и Гросул [12, с.391], представляется необоснованным. К тому же, по различным свидетельствам, Нечаев и Элпидин весьма пренебрежительно относились друг к другу. Так, Нечаев говорил Успенскому, что Элпидин с ним и Бакуниным «не имеет ничего общего, так как занимается вздором – изданием книг» [17, с.28]. А сам Элпидин в начале XX века вспоминал, что виделся с Нечаевым всего один раз и «сохранил от встречи с ним неблагоприятное впечатление» [18, с.40].

Некоторые сведения, связанные с планами Элпидина по организации перевоза запрещенных изданий в Россию, можно почерпнуть из показаний отставного поручика Н.А.Шевелева, встречавшегося во второй

половине 1860-х – начале 1870-х гг. с Элпидиным в Швейцарии. Летом 1869 г. Шевелев в разговоре с эмигрантом слышал, что заграничные издания нужно перевозить «только до Одессы к одному лицу, фамилию которого он не сказал, и уже оттуда будут развозиться в разные места России, что они (Элпидин и его окружение. – *В.К.*) уже запаслись там дельным человеком» [16, с.272]. Элпидин предлагал Шевелеву распространять литературу среди проживавших на юге молочан, и с этой целью Шевелев осенью 1869 г. пересек границу, встретившись по рекомендации эмигранта с неким «Николаем Ивановичем» в молдавском селе Чучьма (его реальная личность так и осталась неизвестной) и доктором-поляком в Измаиле [16, с.273, 276–277, 343–344]. Не ясно, мог ли Шевелев быть предполагаемым агентом, о котором Элпидин писал Троицкому (никаких фактов, связывающих его поездку с «Елизаветградским делом», нет), был ли кто-то еще, кого он по той же схеме хотел отправить в южные губернии, или же, ввиду своего подозрительного характера, Элпидин и вовсе дал Троицкому ложную надежду, не собираясь в реальности с ним сотрудничать.

Тот факт, что Нечаев не сотрудничал с Элпидиным, подтверждается и сведениями Шевелева. После случайной, как утверждал Шевелев, встречи с Нечаевым в Одессе, он получил выговор от «Николая Ивановича» за нарушение требования Элпидина вступать в контакт только «с теми, о ком он вам скажет или напишет». На возражение Шевелева о том, что он наблюдал, как ему показалось, «дружеские отношения» между Элпидиным и Нечаевым, «Николай Иванович» ответил, что Элпидин характеризовал Нечаева как «мальчика», а о деятельности этого «молодца» и «искателя приключений» ему, «Николаю Ивановичу», ничего от Элпидина неизвестно [16, с.276–277].

Итак, согласно Борисову, вскоре после встречи с Нечаевым компания «подверглась преследованиям полиции». Троицкий и Нечаев, «...скрываясь от ареста, сели на пароход, но полиция усиленно разыскивала их; всюду разосланы были их приметы и обещана награда за их поимку. На пароходе против обоих беглецов почему-то возникли подозрения. Тогда они, воспользовавшись ночью, отвязали лодку от парохода и скрылись в херсонских камышах», – говорилось в публикации воспоминаний [19, с.191]. Не этим ли объясняется странное появление Троицкого в Николаеве? Николаев стоит в устье реки Ингул, и на этой же реке расположен Елизаветград. Из-за скорого, спешного побега с парохода Троицкий мог или забыть, или потерять свои вещи, из-за чего остался без денег, и до Николаева ему пришлось добираться пешком.

Воспоминания Борисова подтверждают ряд фактов, упомянутых в анонимных письмах: в первом письме указан человек, приехавший к Троицкому и Кунтушеву из Одессы и предлагавший взорвать поезд (Нечаев?); во втором письме сказано, что в Николаеве находятся Ялпидин (т.е. Троицкий) и Кузнецов (Нечаев?).

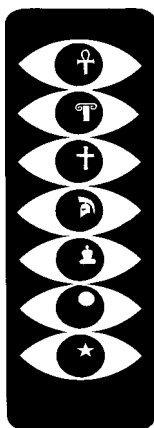
Кто мог написать донос в Елизаветграде, не подорвав доверия Троицкого и Кунтушева, а затем знать о том, что Троицкий и Нечаев, сбежав вдвоем из Елизаветграда, оказались в Николаеве, чтобы уже на следующий день по их прибытии в город сообщить об этом местному полицмейстеру? На наш взгляд, этим человеком мог быть только сам Нечаев! Он же и рассказал Троицкому о вероятном аресте, способствуя его побегу. Возможно, так он надеялся и слегка отомстить елизаветградцам за отказ сотрудничать, и завоевать при этом доверие Троицкого, толкнув его к более радикальной позиции. Становится ясно, почему в письмах реальные факты (имена и адреса людей, хорошо известные анонимному автору) перемешивались с явным вымыслом (террористическими планами, идеей ограбления почты, представлением Троицкого в качестве опасного политического эмигранта), что должно было быстро привлечь внимание политического сыска, но при этом имя Нечаева осталось неназванным.

Напомним, что еще во время студенческих волнений 1868–1869 гг. в Петербурге Нечаев проявил интерес к манипулятивному воздействию на молодежь. Так, он был недоволен, узнав, что его товарищ З.К.Ралли уничтожил записку вольнослушателя Технологического института Г.П.Енишерлова, в которой последний предлагал свое участие в возможном акте цареубийства [20, с.140–141]. После того, как подписной лист с одной из студенческих сходов, руководимой Нечаевым, оказался в руках полиции, среди студентов ходили достаточно убедительные слухи о том, что этот документ должен был держать «опрометчивых молодых людей в кулаке», а в полиции он оказался не без помощи самого Нечаева [см., например: 14].

К сожалению, оригиналы анонимных писем, почерк которых можно сравнить с каким-нибудь автографом Нечаева, в центральных архивах не сохранились. Тем не менее гипотеза о нечаевском следе в «Елизаветградском деле» показывает склонность его фигурантов к мирным формам подпольной деятельности. Тем самым утверждение о широком распространении радикальных и террористических воззрений в революционном движении конца 1860-х гг., лишившись одного из аргументов, становится несколько менее убедительным.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.95. Оп.1. Д.430.
2. ГА РФ. Ф.95. Оп.1. Д.434. Ч.1.
3. ГА РФ. Ф.109. Оп.154 (3 эксп., 1869 г.). Д.104. Ч.1.
4. ГА РФ. Ф.109. Оп.154 (3 эксп., 1869 г.). Д.104. Ч.2.
5. ГА РФ. Ф.109. Оп.154 (3 эксп., 1869 г.). Д.115. Ч.13.
6. ГА РФ. Ф.124. Оп.1. Д.9.
7. ГА РФ. Ф.124. Оп.1. Д.10.
8. ГА РФ. Ф.124. Оп.1. Д.12.
9. ГА РФ. Ф.272. Оп.1. Д.18.
10. ГА РФ. Ф.272. Оп.1. Д.20.
11. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 399 с.
12. Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинев: «Штиинца», 1973. – 539 с.
13. Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т.1. Ч.2. М.: Издательство политкаторжан, 1928. – 496 стб.
14. Кириллов В.Л. Об обстоятельствах исчезновения С.Г.Нечаева из Петербурга в начале 1869 г. и подписном листе студенческой сходки на Фурштатской улице // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Шестой международной конференции молодых ученых и специалистов «Слю-2016» / Гл. ред. А.К.Сорокин, отв. ред. С.А.Котов. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С.241–245.
15. Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М.: Издательство политкаторжан, 1929. – 191 с.
16. Ланский Л.Р. «Странное прощание». – «Россия с Сибирью»: Огарев, Н.А.Шевелев и женевская «молодая эмиграция»: (Загадочная история одного персонажа): Арх.-документ. исследование // Литературное наследство. Т. 99: Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. Кн. 1 / Отв. ред. Л.Р.Ланский и С.А.Макашин. М.: Наука, 1997. С.251–349.
17. Нечаев и нечаевцы. Сборник документов / Подгот. к печати Б.П.Козьмин. М.; Л.: Соцэргиз, 1931. – 222 с.
18. Пинаев М.Т. М.К.Эллидин – революционер, издатель и пропагандист наследия Н.Г.Чернышевского // Некоторые вопросы русской литературы. Ученые записки Волгоградского государственного педагогического института им. А.С.Серафимовича. Вып. 21 / Отв. ред. М.Т.Пинаев. Волгоград: Газ. «Волгогр. правда», 1967. С.3–79.
19. Ракитникова И. Памяти Ф.А.Борисова // Каторга и ссылка. 1929. № 4 (53). С.186–192.
20. Ралли З. Сергей Геннадьевич Нечаев. (Из моих воспоминаний) // Былое. 1906. № 7. С.136–146.

Елена Жбанкова

**«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОПАГАНДА
КОММУНИСТИЧЕСКИХ
ИДЕЙ...»**

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
РОССИИ В СФЕРЕ ИСКУССТВА
ПЕРВЫХ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
351.858(091)

В статье анализируются мероприятия, проводимые государственными и партийными органами в первые годы советской власти в области художественного творчества. В первую очередь, это касается деятельности Музыкального, Театрального и Фотокиноотдела Наркомпроса. Выделяются особенности этой деятельности, вызванные обстановкой становления государства диктатуры пролетариата и условиями идущей Гражданской войны.

The article examines the events held by governmental and party bodies in the early years of the Soviet Russia in the field of artistic creativity. First and foremost it concerns the activities of Music, Theatre and Photo departments of People's commissariat for education. Some specific features are defined as they were caused by the creation of the state of proletarian dictatorship and ongoing Civil war.

Ключевые слова: музыкальное строительство; концерт-митинг; репертуар; массовый праздник; агитфильм.

Key words: musical production; concert rally; repertoire; massholiday; campaignfilm.

E-mail: evzbankova@mail.ru

В год столетия Октябрьской революции 1917 года весьма актуально обращение к тому времени с целью осуществления очередной попытки по-современному взглянуть на исторические события. В свете пересмотра отношения к базовым идеологическим мировоззренческим положениям советской власти не вызывает сомнения необходимость самого пристального внимания к истории культурного строительства первых лет советской власти, а также подробному изучению конкретной деятельности управленческих структур.

Первые шаги советского музыкального искусства

Ведущим направлением государственной культурной политики того времени была деятельность по становлению советского музыкального искусства. В 1918–1920 гг. СНК

издал ряд специальных декретов. В первом из них – «О Московской и Петроградской консерваториях» от 12 июля 1918 г. – был употреблен новый термин «государственное музыкальное строительство». В ведение государства были переданы крупнейшие музыкальные учреждения: Большой и Мариинский театры, Придворный оркестр (Государственный симфонический) в Петрограде, Синодальное училище в Москве, консерватории, нотные издательства, фабрики музыкальных инструментов. Была проведена регистрация музыкальных инструментов в Москве и Петрограде. Воспрещалась их реквизиция и конфискация любыми учреждениями и организациями, кроме Музыкального отдела (МУЗО) Наркомпроса [4, т.3, с.27]. Последний стал центральным органом руководства музыкальной жизнью Республики.

Чтобы представить себе деятельность МУЗО, обратимся к отчетам и рассмотрим Информационный бюллетень за май 1919 г. В нем анализируется деятельность подотделов МУЗО. Редакционным подотделом были выпущены листовки музыкально-просветительного характера:

- разъясняющие организацию и работу отделений Музыкального отдела в Москве, Петрограде и провинции;
- посвященные работе культурно-просветительной части Совдепа;
- исторического характера, посвященные музыкальным эпохам, отдельным композиторам и школам;
- знакомящие население с историей русской музыки;
- знакомящие население с зарубежной музыкой;
- объясняющие и популяризирующие концертные программы.

Философско-эстетические листовки распространялись на концертах, частью отправлялись на заводы для рабочих, в армию для красноармейцев и в деревню для раздачи крестьянам [2, оп.25, д.6, л.72]. Независимо от этого, подотдел редактировал различные материалы, выпускаемые МУЗО.

Представители информационного подотдела постоянно присутствовали на всех заседаниях Театрально-музыкальной секции Театрального отдела, профсоюзов, музыкальных объединений, районных культурно-просветительных отделов и т.п. Помимо этого, в обязанности подотдела входило:

- составление заметок о жизни МУЗО (печатались в разных газетах);
- извещение Художественной секции, Информационного бюро комиссариата, Московского Совета, Центрального исполнительного комитета о всех постановлениях отдела и решениях его заседаний;
- извещение всех подотделов о распоряжениях центральной власти и самого отдела, а также выдача информации отдельным лицам, приходящим за справками в отдел (количество выдаваемых документов в день в среднем составляло 18–20). Справки касались реквизиции музыкальных инструментов, а также воинской повинности сотрудников отдела, учащихся музыкальных школ и членов культурно-просветительных организаций [2, оп.25, д.6, л.70].

Статистический подотдел все сводные данные сообщал в отдел Государственной статистики Наркомпроса. Кроме того, статистические данные о музыкальных деятелях и учреждениях сообщались производственно-распределительному подотделу, регулирующему обеспечение нотами преподавателей музыки и культурно-просветительных организаций. До мая 1919 г. подотдел зарегистрировал 1 898 музыкальных деятелей, из которых на первом месте были пианисты (637) [2, оп.25, д.7, л.71].

Регистрация хоров не была произведена, несмотря на опубликованное в газетах обязательное постановление. Причиной отсутствия регистрации у хоров было названо «уклонение» их руководителей. В связи с этим подотдел предполагал организовать статистическое обследование музыкальной жизни и деятельности в общегосударственном масштабе [2, оп.25, д.7, л.71].

Концертный подотдел только за период с 16 апреля по 18 мая 1919 г. организовал 15 концертов, программа которых была составлена из произведений Н.Римского-Корсакова, М.Мусоргского, А.Даргомыжского, П.Чайковского и других русских композиторов. Участниками концертов были государственные хоры, оркестр старинных русских инструментов, государственный квартет и ряд солистов. Преобладающее число посетителей концертов составляли рабочие, т.к. было роздано 10 128 бесплатных билетов фабрично-заводским комитетам и профессиональным союзам [2, оп.25, д.6, л.72].

Юристоконсультская часть отдела разработала Положение о Музыкальном отделе Наркомпроса и «Положение о концертах».

Подотдел общего музыкального образования (школьная, внешкольная и дошкольная секции) организовал школьный показательный концерт 29 апреля 1919 г. во 2-м Басманном районе на старом Нижегородском вокзале. Велись показательные занятия в бывшем Мариинском институте, в бывшей 10-й мужской гимназии, в бывшем детском саду Свентицкой. 8 мая 1919 г. был прочитан доклад «О музыке во внешкольных учреждениях» на Всероссийском внешкольном съезде. Инструктор подотдела Н.К.Бальмонт (сын поэта) был командирован в Могилев для проведения десятидневных инструкторских курсов. Была начата работа по составлению школьного сборника «Художественная песня» [2, оп.25, д.6, л.71].

Музыкальный отдел Наркомпроса в 1919 г. выпустил ряд просветительских брошюр: «Слово о музыке», «Как можно слушать музыку», «Музыкальная грамота», «Народное музыкальное образование», «Русская народная песня», «Концерты для народа», «Что такое опера», «Хоровое пение», «Русские народные музыкальные инструменты», «Народные празднества». Брошюры предназначались для отправки в армию, профсоюзы, деревню, а также на фабрики и заводы [2, оп.25, д.7, л.73].

По этому перечню мероприятий становится ясно, что официальная деятельность в сфере музыкальной жизни сводилась, в основном, к просветительской работе среди широких масс, что само по себе заслуживает одобрения. Но, к сожалению, значительных музыкальных произведений в те годы не было создано. Композиторы обращались большей частью к песенному жанру, к обработке народных и революционных мелодий, созданию боевых маршей песен военной тематики. Классикой советской песни станут впоследствии «Марш Буденного», «Красная Армия всех сильнее», «Проводы», «По долинам и по взгорьям», «Дан приказ ему на запад».

Характерными для того военного времени были концерты-митинги, в которых перед концертным отделением выступали с речами по актуальным военным, политическим и хозяйственным вопросам партийные и государственные деятели: В.И.Ленин, Я.М.Свердлов, А.В.Луначарский, Л.Д.Троцкий и др. В 1919 г. организовывались музыкальные субботники – в свободный от работ день артисты участвовали в бесплатных концертах. Музыканты давали концерты на фронтах, помогали в организации армейской самодеятельности, выступали в спектаклях, передавая гонорары в фонд помощи Красной Армии. Координировали эту деятельность ПУР РВСР и Политуправления фронтов.

Киноафиша агитфильма
начала 1920-х годов

На основании этих фактов можно сказать, что государственная политика в области музыкального творчества в годы Гражданской войны сводилась к широкой просветительной и агитационно-пропагандистской работе, направленной на укрепление нового политического режима и на победу в Гражданской войне.

Государственная политика в области театрального искусства того времени получила довольно широкое освещение в отечественной историографии. Ограничимся в связи с этим некоторыми дополнительными замечаниями общего характера. То, что происходило в театральной жизни Республики в первые послереволюционные годы, можно назвать «театральной болезнью». Создавалось огромное количество театров – как профессиональных, так и самодеятельных – и различного рода студий. Только в Москве в 1918 г. действовало 45 профессиональных театров, из них 18 советских и три национальных меньшинств: еврейский, латышский и украинский [2, оп.20, д.2, л.77].

«Театральная болезнь» первых лет советской власти

Государство всячески поддерживало театральный бум, видя в театре одно из основных средств политического воспитания широких масс.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОПАГАНДА КОММУНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ...»

Большое внимание уделялось репертуару. В начале 1920-х гг. на сценах игрались в основном классические пьесы, но этого для внедрения в сознание масс революционных идей и идеалов было явно недостаточно. Повестка дня диктовала необходимость создания соответствующих современных драматургических произведений [6, с.69].

Афиша одного из московских театров

В первой половине 1918 г. при ТЕО¹ Наркомпроса была создана Репертуарная секция, к работе в которой были привлечены, например, А.Блок, Н.Бахтин, В.Мейерхольд и К.Чуковский [2, оп.24, д.6, л.2]. Секция должна была составлять театральный репертуар; создать список оригинальных пьес, постановка которых признавалась властями желательной; изучить классический и новейший репертуар иностранных театров для выбора произведений для последующего перевода на русский язык и т.п.

В поисках нового репертуара Наркомпрос несколько раз объявлял конкурсы на создание драматических произведений, созвучных революции. Пьес на конкурс представлялось много, все они были строго выдержаны в идейном отношении, но с художественной точки зрения оставляли желать много лучшего.

¹ Театральный отдел Наркомпроса. Как и МУЗО – Музыкальный отдел наркомата.

Киноафиша агитфильма

С целью подчинения театрального искусства государственному руководству и контролю была осуществлена национализация театра – самое крупное официальное мероприятие в этот период. Дискуссионное обсуждение основных положений реформы шло на I Всероссийском съезде Наркомпроса (1918), на I конференции Пролеткультов (1918), на собрании Российского театрального общества (1919), в печати. Проект рассматривался Совнаркомом, ЦК Всероссийского профсоюза работников искусств (Всерабис), ТЕО Наркомпроса.

26 августа 1919 г. В.И. Ленин подписал окончательный вариант проекта, принятый СНК и названный «Об объединении театрального дела». Согласно декрету все театральное имущество (здания, костю-

мы, реквизит и пр.) становилось национальным достоянием. Руководство всеми театрами сосредоточивалось в руках Центротейтра².

У театральных трупп была ограниченная автономность. Центротейтру предоставлялось право контролировать деятельность театров и давать им «указания репертуарного характера в направлении приближения театра к народным массам и их социалистическому идеалу» [4, т.6, с.71].

С учетом конкретных условий и в ограниченном масштабе допускалась частная антреприза. Государство признавало декретом, что берет на себя субсидирование всех тех театров, которые будут признаны «полезными и художественными» [4, т.6, с.71].

Театры и театральные деятели широко привлекались к организации торжеств по случаю различных праздников. Основное внимание уделялось празднованию годовщин Октябрьской революции и 1 Мая, но иногда подобные мероприятия были разовыми, как например, в честь сто-

² Центральный Комитет театрального дела при Народном Комиссариате по Просвещению. Исполнительным аппаратом Центротейтра являлся ТЕО.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОПАГАНДА КОММУНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ...»

летия со дня рождения К.Маркса (в 1918 году), 25-летия Московской партийной организации и пр.

Подготовкой к праздникам занимались все центральные органы Республики: ЦК РКП (б), ВЦИК, МК РКП (б), Московский Совет, Наркомпрос, Всебюровоенком³, ВЦСПС, профсоюз работников искусств (Рабис) и т.д. По их распоряжению создавались особые комиссии по организации праздника за несколько месяцев до него.

Протоколы заседаний Московского комитета РКП (б) за 1918–1920 гг. показывают, что обсуждение первомайских праздников началось с первых чисел апреля, а октябрьских – с августа. Готовясь к первой годовщине Октября, Московский комитет еще 24 августа 1918 г. постановил войти в контакт с ЦК и ВЦИК для организации политического руководства праздником и делегировал своего представителя в комиссию [10, д.26, л.2]. 21 сентября 1918 г. было решено передать вопрос о праздновании Дня революции Исполнительной комиссии Московского комитета РКП (б) для обсуждения. По мнению комитета, ВЦИК вел работу по устройству праздника в Москве без его ведома, поэтому комитет выразил решительный протест против такого положения вещей, а особенно против того, что в комиссию вошли люди, «чуждые коммунизму» [10, д.21, л.108].

Праздник Первомай

³ Всероссийское бюро военных комиссаров, в 1919 г. преобразованное в Политическое управление (ПУР).

Митинг в честь Первомая

Здесь же подчеркивалось, что к профессиональной стороне праздника (театральной, музыкальной, изобразительной) претензий нет, просто недостаточно раскрывается идея коммунизма и торжества его победы. Это было достаточно серьезным обвинением, прежде всего в адрес руководителя художественно-музыкальной и театральной частью торжеств в комиссии по организации годовщины Октября О.Д.Каменевой, зав. ТЭО Наркомпроса. Правда, ее карьера от этого не пострадала: в июне 1919 г. она была отозвана с этой должности на партийную работу в ЦК РКП (б) [8, ф.11, оп.65, д.12, л.437].

На проведение праздников в масштабах всей республики уходили колоссальные средства. Для поддержки праздничного настроения в этот день власти увеличивали хлебный паек и выдавали бесплатные обеды. Такие массовые мероприятия пользовались успехом у публики. Затраты на искусство, как на действенное средство агитации и пропаганды, укрепления авторитета и влияния власти среди широких масс, вполне себя оправдывали.

Если смотреть на них со стороны собственно искусства, то, конечно, особых творческих удач не было за редким исключением. Это относится, например, к отдельным моментам в праздничном оформлении городов, к некоторым театральным постановкам и режиссерским находкам. Однако в целом торжества по случаю праздничных дат не выходили за рамки трафаретных официальных агитационных мероприятий.

**Киноискусство и советская
власть**

Видное место в культурной политике тогда заняло руководство киноискусством. Большевистская партия и советское государство по достоинству оценили особую воспитательную и идейную силу кинемато-

графа. В программе, принятой VIII съездом партии весной 1919 г., он был поставлен в один ряд с библиотеками, школами для взрослых, народными университетами и другими учреждениями внешкольного просвещения, призванными служить «самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян» [7, с.82].

Кино использовалось в основных политических кампаниях 1918–1921 гг., проводимых РКП (б) и советским государством. Политика в области кинематографа была направлена на огосударствление кинопроизводства и кинопроката. С конца 1917 г. на кинопредприятиях вводился рабочий контроль. В январе 1918 г. местные советы получили право реквизиции кинотеатров. В том же году была введена цензура для устранения из проката контрреволюционных и порнографических лент. Постановлением СНК РСФСР от 22 февраля 1919 г. за подписью Ленина на нужды кинематографии было отпущено 10 млн рублей [4, т.4, с.684], что по тем временам было совсем немало.

Создание государственного аппарата управления кинопроизводством и кинопрокатом, укрепление их материальной базы подготовили условия для последующей национализации кинематографа в целом. Саботаж кинопредпринимателей, повальная эмиграция деятелей кино лишь ускорили этот процесс. 27 августа 1919 г. В.И.Ленин подписал декрет СНК «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению». Отныне «вся кинематографическая и фотографическая торговля и промышленность, как в отношении своей организации, так и для снабжения и распределения относящихся сюда технических средств и материалов, передается на всей территории РСФСР в ведение Народного комиссариата по просвещению» [4, т.6, с.74]. В НКП для координации кинодела в стране был создан Фото-киноотдел. Несмотря на эти меры, на большинстве национализированных кинопредприятий из-за хозяйственной разрухи, организационной неразберихи и отсутствия квалифицированных творческих кадров производство кинофильмов резко пошло на убыль.

По воспоминаниям Луначарского, Ленин в беседе с ним определил функции советского кино:

«1) широко осведомительная хроника, которая была бы образной публицистикой в духе той линии, которую ведут лучшие советские газеты, 2) ленты, имеющие характер образных публичных лекций по различным вопросам науки и техники, 3) художественная пропаганда коммунистических идей в форме художественных картин, дающих целые куски реальной жизни» [9, с.66].

Производство первых советских кинофильмов шло в соответствии с этими указаниями. Прежде всего, выпускались наиболее доступные ленты: кинохроника, ленты производственной пропаганды и агитфильмы.

Примером хроникальных картин того времени могут служить регулярные выпуски кинохроники: «Финские события», «Вербный базар в Москве», «Беженцы в Орле», «Пролетарский праздник в Москве» и др. Фильм «Годовщина революции» – первая полнометражная документальная кинолента – был смонтирован Д.Вертовым из кадров хроники в 1918 г. Всего за 1918–1920 гг. было выпущено более 200 хроникальных и специальных кинолент [5, с.61].

Кинохроника является важным документальным источником для изучения истории страны периода Гражданской войны и первых лет советской власти.

Производственные ленты освещали актуальные вопросы развития разных отраслей производства и промышленности, рассказывали о сельском хозяйстве – «Надо уметь использовать свое богатство», «Как выводить сорта травы», «Как подготовить корм» и пр. Примером антирелигиозной пропаганды может служить картина «Вскрытие мощей Сергия Радонежского».

Агитфильмы сочетали документальные кадры, короткие игровые эпизоды и пояснительные надписи. В основном они были на военную и революционную темы: «Петроград на страже революции», «На помощь Красному Харькову», «На Красном фронте» и пр. Особой популярностью агитфильмы пользовались в армии. На фронты Гражданской войны было отправлено большое количество кинооборудования и первые киноавтомобили для демонстрации фильмов непосредственно в зонах боевых действий.

Имея технические недостатки, агитфильмы вполне отвечали непосредственным запросам армии: тут были и борьба с дезертирством,

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОПАГАНДА КОММУНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ...»

невежеством, несознательностью, и освещению революционных целей, для осуществления которых рабочие и крестьяне пришли в Красную Армию. К ее первой годовщине был выпущен ряд фильмов: «Смелый» по сценарию Луначарского, «С Красным знаменем», «Последний патрон», «Дезертир» и пр. Во время войны с Польшей специально для Западного фронта бы осуществлена постановка фильма на тему борьбы между польским шпионом и бдительным смелым красноармейцем.

Образец оформления киноуголка в клубе

Главной целью агитфильмов было стремление доказать необходимость определенных политических действий, призвать к ним. Безусловно, в этих картинах отсутствовали глубоко разработанные образы,

конфликты решались прямолинейно, у авторов в ходу была только черная и белая краски. Однако примитивизм и наивность объясняются не только узкой агитационной заданностью, но и молодостью самого кинематографа, насчитывавшего к 1918 г. менее 25 лет своего существования.

Специфической формой распространения кинофильмов по стране были агитпароходы и агитпоезда, организуемые ВЦИК. В 1918–1920 гг. 5 агитпоездов и агитпароход «Красная звезда» совершили 20 рейсов [3, с.24]. Киносеансы устраивались на фронтах в армейских агитпунктах и агитбараках крупных железнодорожных узлов. Проводились сеансы, в которых, наряду с пропагандистскими фильмами, шли и развлекательные. Игровые фильмы также снимались в это время, но качество их было особенно низким.

После образования отдела агитации и пропаганды при ЦК РКП (б) в 1920 г. контроль за киноискусством практически перешел в руки партии. Сотрудники этого отдела просматривали картины, используемые в агитпоездах и агитпароходах, и составляли письменные аннотации на них, рекомендуя или не рекомендуя для просмотра. Особенное внимание при этом уделялось недопущению дискредитации советской власти и партии. Приведем отрывки из отзывов на два фильма, дающие представление об основных критериях партийной критики в киноделе.

О картине «Товарищ Елена»: «По тексту Елена представляется вниманию зрителя, как революционерка и партийная работница. Но жизнь, обстановка и сфера ее деятельности изображены так, что являют собой смесь быта буржуазного туеядца с мелкобуржуазным мещанином типа правого эсера. Здесь и венчание по церковным обрядам с вице-губернатором, помещиком, здесь архибуржуазный уклад жизни, бьющий в глаза своей роскошью и бездельем и т.д. По своему социальному построению и постановке эта "революционная" картина навязывает неподготовленному зрителю совершенно извращенное представление о партийных работниках – революционерах вообще и в частности, и конечно, о членах ВКП (б) и их прошлой революционной деятельности».

О фильме «Слава сильным!»: «Картина пытается изобразить новый уклад жизни в Советской Республике. Героями, с одной стороны, – является комиссар национализированной фабрики – бывший рабочий и его сотрудник, а с другой – оставшийся в своем доме молодой бур-

жуа, извращенный азартный игрок и его мать. В нетронутой роскошной типично буржуазной обстановке, в которой ничего не изменилось ни по существу, ни по форме, сейчас идиллически дружно протекает жизнь вышеуказанной четверки. За обедом пьют бенедиктин, после обеда рабочий комиссар целует ручку у почтенной "старой" хозяйки, спят под кружевными одеялами и в тяжелый момент "молятся Богу". Жизнь фабрики... вскользь отмечена в самом извращенном и уродливом понимании. Перед глазами зрителей проходит ряд картин, изображающих жизнь и работу ответственного комиссара и его помощника так, что вызывает лишь самую глубокую дискредитацию советской власти в такой степени, что Деникин смело мог бы воспользоваться этой картиной в своих агитационных целях» [8, ф.17, оп.60, д.6, л.48].

Из приведенных отрывков следует, что о художественных достоинствах картин вопрос даже не поднимался, главное – это идеологическая сторона проблемы, прямолинейный классовый подход к оценке и учет степени агитационного воздействия на зрителя. В духе этих же критериев составлялись и отчеты для ВЦИК об агитпоездах.

Так, в докладе о деятельности кинематографа во время третьей поездки поезда «Октябрьской революции», с 12 июля по 5 августа 1919 г., говорилось о полном отсутствии в городах, через которые поезд проходил, агитационных и политических картин. По словам заведующего киновагоном, именно агитационные картины имели огромный успех у зрителя. За поездку было проведено 102 сеанса, их посетило 140 742 человека, из них 8 725 детей и 5 410 красноармейцев. «На всех стоянках играл граммофон речи тт. Ленина, Троцкого, Луначарского, Крыленко, Каменева, Коллонтай и др. И песни Демьяна Бедного... Просьба агитпунктов возможно скорее приискать им подходящие агитационные картины, чтобы дать возможность правильно выполнить свою обязанность культурно-просветительной работы, там, где она серьезно нужна и принесет много пользы» [8, ф.78, оп.1, д.11, л.77].

Можно заключить, что в области кинематографа в 1918–1920 гг. официальные органы меньше всего уделяли внимания кино как виду искусства, – синтезирующему литературу, живопись, музыку, театр, – и имеющему богатейшие художественные возможности и перспективы [1, с.133]. Использовались лишь такие достоинства кино как массовость, доступность и способность простыми средствами донести до

людей основные идеи, на которые опирается государственная идеология.

Итак, официальные мероприятия в области искусства 1918–1920 гг. сводились к пропаганде коммунистических идей в самых широких массах с целью доказательства преимущества советской власти, упрочения положения правящей коммунистической партии. Специфической чертой политики в области художественного творчества была практика крупных государственных заказов искусству. Каких-либо значительных творческих достижений в рамках официальной политики не было. Активизация творческой жизни шла вопреки официальному курсу, в меру допустимой свободы. Многие задуманные мероприятия в области искусства по линии государства не удалось реализовать в силу низкой компетентности чиновников управленческих структур, острого дефицита кадров творческих работников, способных создавать художественные ценности. Высшее руководство страны и само не было склонно преувеличивать достигнутые результаты. Нередко оно давало резко отрицательные оценки опыту действий в сфере творчества, мало отвечавшему политическим требованиям момента.

Библиографический список

1. Анастасьева И.Л. Неопубликованный синопсис Н.Евреинова (Unpublished Evreinov's synopsis) // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. №3. С.132–138.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф.2306. Оп.20. Д.2; Оп.24. Д.6; Оп.25. Д.6, 7.
3. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Отв. ред. С.С.Хромов. М.: Совет. энцикл., 1983. 704 с.
4. Декреты советской власти. М.: Политиздат, 1964. Т.3. 664 с.; 1968, Т.4. 731 с.; 1973. Т.6. 584 с.
5. История советского кино. М.: Искусство, 1969. Т.1. 756 с.
6. Карташева Н.В. Темпоральные феномены русской культуры послереволюционного десятилетия // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №4. С.69–78.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОПАГАНДА КОММУНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ...»

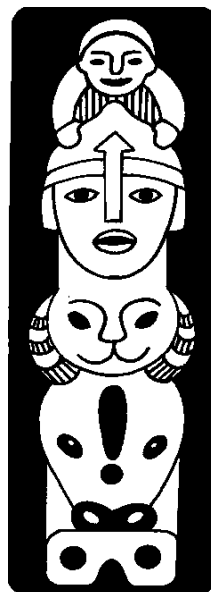
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1983. Т.2. 1917–1922. 606 с.
8. Российский центр хранения и использования документов новейшей истории. Ф.11. Оп.65. Д.12; Ф.17. Оп.60. Д.6; Ф.78. Оп.1. Д.11.
9. Самое важное из всех искусств. Ленин о кино: Сб. док. и материалов / [Сост. А.М.Гак]. М.: Искусство, 1973. 198 с.
10. Центральный архив общественных движений Москвы. Ф.3. Оп.1. Д.21, 26.

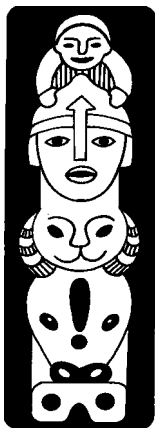
Многие, по своим ошибочным мнениям, считают вредом (и злом) для нашего достоинства разное: одни – бедность, другие – болезнь, или потерю имени, или злословие, или смерть, и непрестанно об этом сокрушаются и плачут. Но никто не плачет о живущих нечестиво и, что всего хуже, часто даже называют их счастливыми, а это бывает причиной всех зол.

Иоанн Златоуст

Средства борьбы со злом
оказываются иногда хуже,
чем само зло.

Публилий Сир

Андрей Ранчин

**«ПОВЕСТЬ О ДРАКУЛЕ»
И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ДОБРОДЕЛЬНОМ
И «ЗЛОМ» ГОСУДАРЕ
В ДРЕВНЕРУССКОЙ
КНИЖНОСТИ**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
82.091

В статье рассматривается один из интереснейших памятников литературы и общественной мысли Древней Руси XV в. – «Повесть о Дракуле». Обычно исследователи интерпретируют это произведение как апологию сильной власти и как оправдание репрессий в интересах государства и общественного благополучия. Оценку главного героя, валашского (румынского) господара Дракулы, принято считать неоднозначной: Дракула соединяет в себе черты деспота и садистскую жестокость с храбростью, справедливостью и государственной мудростью. В статье доказывается, что оценка главного героя произведения исключительно негативная, а его методы управления представлены не только как греховные, но и как вредоносные. В идейном плане «Повесть о Дракуле» вписывается в древнерусскую традицию и не имеет ничего общего с социально-политическими представлениями таких апологетов «грозной» власти, как публицист Иван Пересветов и царь Иван IV. Оригинальность «Повести» заключается не в авторской позиции, а в средствах ее выражения: автор побуждает читателей самих понять, почему Дракула – деспот, служащий дьяволу.

The author considers "Story of Dracula", one of the most interesting monuments of old Russian literature and social thought of the 15th century. Usually researchers interpret this piece of work as an apology of the strong power and justification of repressions undertaken in the interest of state and the common good. It is assumed that appraisal of the "Story" protagonist, the prince of Walachian (Rumanian) state, hospodar Dracula is ambiguous. Dracula connects traits of a despot and sadistic cruelty with valiance, justice, and statesmanship. As the author argues, the appraisal of the protagonist is totally negative and his methods of rule are presented as not just sinful but as maleficent. Ideologically "Story of Dracula" fits in the old Russian tradition and has nothing common with social-political notions of such representatives of the formidable and cruel power as Ivan Peresvetov and czar Ivan the Fourth. The Story's originality consists not in its author's position but in means of its expression: the Story's author prompts his readers to make an effort and understand why Dracula was a despot who served to the devil.

Ключевые слова: «Повесть о Дракуле»; «Сказание о Магмете Салтане» Ивана Пересветова; Иван Грозный; древнерусская литература и политическая мысль XV–XVI вв.; представления о добродетельном и «злом» государе; справедливость и милосердие.

Key words: "Story of Dracula", "Legend of Magmet-Sultan" by Ivan Peresvetov; Ivan the Terrible; old Russian literature and political thought of the 15th and 16th centuries; ideas of virtuous and "evil" prince; justice and mercy.

E-mail: aranchin@mail.ru

«**П**овест о Дракуле», или «Сказание о Дракуле» – один из самых загадочных памятников древнерусской книжности, посвященный валашскому (румынскому, «мутьянскому») князю XV века Владу Цепешу по прозвищу Дракула, стяжавшему страшную славу своими садистски жестокими деяниями, а в конце XIX-го и в XX столетиях стараниями английского романиста Брэма Стокера и многочисленных кинорежиссеров превращенному в вампира. Достоверно не известно, является ли средневековая повесть оригинальным древнерусским памятником или может быть отнесена к переводной литературе. Еще в 1842 г. А.Х.Востоков, обративший внимание на упоминание в тексте «Повести», что автор и сопровождающие его видели в венгерском городе Будине сыновей Дракулы, высказал предположение: этим автором мог быть или дьяк Федор Курицын, возглавлявший посольство Ивана III к венгерскому королю, или «кто-нибудь из его свиты» [10, с.512]. В дальнейшем многие исследователи повторили это осторожное предположение уже намного более убежденным тоном. Поскольку же Федор Курицын входил в круг так называемых новгородско-московских еретиков, были предприняты неоднократные попытки найти в «Повести» отражение политической идеологии этого круга¹. Однако наибольший интерес вызывала неизменно такая проблема, как оценка деяний и личности Дракулы составителем «Повести». Ограничимся лишь несколькими наиболее известными исследовательскими трактовками. Еще Н.М.Карамзин отметил, что главный герой этого сочинения «лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертью» [18, с.142]. Хотя историограф и не делает прямого заключения относительно авторской позиции в «Повести», очевидно, процитированные слова говорят о том, что Дракула – персонаж этого сочинения – фигура негативная, он тиран и злодей. С.П.Шевырев отметил, что автор описывает «безумные неистовства» Дракулы, но «этот чудовищный образчик бесчеловечия XV века, под личиною государственной правды, представлен так объективно, что трудно отгадать здесь цель рассказчика». Тем не менее оценку героя автором Шевырев посчитал безусловно негативной [40, с.115]. Спустя примерно полтора века после Карамзина и столетие после издания лекций Шевырева А.А.Зимин также признал героя этого произведения тираном, посчитав, что автор призывает к милосердию (см.: [14, с.414]). Я.С.Лурье, автор монографического исследования «Повести», напротив, увидел в

¹ Так считают, например, Я.С.Лурье [28, с.42–44, 56–58] и М.П.Одесский [25, с.18–19].

ней если не апологию, то понимание жестокости и насилия как необходимых инструментов власти, соотнеся позицию автора с концепцией Макиавелли; чинимые Дракулой злодеяния экстраординарны, но они своеобразное предостережение обществу и, прежде всего, преступникам. Это последний довод властителя. Ученый напомнил, что в сочинении современника автора «Повести», итальянца Антонио Бонфини, который был хронистом венгерского короля, жестокие деяния валашского правителя отнюдь не оценивались однозначно негативно. В конечном счете, «Повесть о Дракуле» для Я.С.Лурье – это оправдание сильной власти, стремящейся искоренить зло насильственными средствами (см.: [28, с.56–58; 21, с.107–108, 138, 141]). При этом исследователь не мог не признать, что автор «рисовал дьявольское "зломудрие" мутьянского воеводы – сочетание изощренной жестокости с остроумием». По мнению Я.С.Лурье, «сюжет "Повести о Дракуле" <...> неоднозначен – он не может быть сведен к какому-либо определенному выводу или поучению. Дракула совершает бесчисленные злодеяния, сжигает нищих, казнит монахов, женщин, мастеров, прятавших его сокровища, и обедает среди кольев, на которых разлагаются "трупия мертвых человек". Но он же ведет борьбу с турками, борьбу героическую и несомненно вызывающую одобрение читателя, и погибает в этой борьбе, ненавидит "зло", уничтожает воровство и устанавливает в своем государстве справедливый и нелицеприятный суд, от которого не могут откупиться ни богатый, ни знатный. <...> Если авторы немецких рассказов рисовали только изуверскую жестокость "великого изверга", то итальянский гуманист Бонфини подчеркивал сочетание в Дракуле "неслыханной жестокости и справедливости". Так же двойствен Дракула и в русской повести. Но, в отличие от хроники Бонфини, "Повесть о Дракуле" была не публицистическим, а беллетристическим памятником: автор его не высказывал по поводу своей оценки героя в прямой форме, а рисовал образ этого героя, образ, не подымавшийся до уровня характера, однако обладавший определенной характерностью. Дракула – не абстрактный злодей и уж никак не абстрактный мудрый правитель. Он веселое чудовище, испытывающее свои жертвы, некое подобие сказочного Тома–Тима–Тота или Рюмпельштильца. Необычный с точки зрения традиций житийной или героической воинской повести, образ Дракулы был зато близок к <...> фигурам переводной беллетристики. Мудр и жесток был Китоврас в "Соломоне и Китоврасе"; теми же свойствами отличался Ихнилат в "Стефаните и Ихнилате". Самооправдания Дракулы по поводу убийства нищих или казни послов во многом напоминали софизмы Ихнилата во время суда над ним. Сюжет

"Повести о Дракуле" принадлежал к типу сюжетов, который мы определили <...> как многозначный. Такое построение сюжета было характерно для многих памятников беллетристики позднего средневековья и Возрождения, авторы которых противопоставляли однозначному феодально-рыцарскому идеалу "протест реальности"» [20, с.229–231].

Таким образом, в разных работах Я.С.Лурье акцентированы различные аспекты семантики «Повести». С одной стороны, он склонен находить в ней определенную политическую идею, т.е. все-таки трактовать «Повесть» если не как политический текст, то как текст с политической составляющей. С другой стороны, он подчеркивает беллетристический характер этого сочинения, соотнося его с памятниками переводной книжности – «Сказаниями о Соломоне и Китоврасе» и «Стефанитом и Ихниллатом». Однако мудрый, но порой жестокий Китоврас (трансформация античного кентавра в сочетании с демоном Асмодеем – существом демонической природы!)² или отчасти схожий с ним хитрый зверь Ихниллат (см.: [33]) – это диковинные твари, и нравственная мера, религиозно-этическая оценка к ним попросту не применимы. Они никак не соотносятся с проблемой праведной и «злой» власти. Дракула же – человек, правитель и реальная личность, валашский князь XV в., современник автора. Что же касается параллелей с Макиавелли, то итальянский мыслитель, оправдывавший насилие, диктатуру государственными интересами, естественно, никак не соотносил вынужденные, на его взгляд, репрессии с изощренным садизмом и с извращениями, присущими герою «Повести». И вообще, рассмотрение «Повести» (и в плане политической идеи, и в «беллетристическом» плане) с произведениями ренессансных авторов – процедура дале-

Китоврас. Миниатюра

² См. о генезисе образа Китовраса: [8, с.131–240]. Издание текста: [16, с.370–375] (публикация по той же рукописи, в которой сохранился самый ранний список «Повести о Дракуле»).

ко не бесспорная, ибо вовсе не очевидно, что составитель этого текста ориентировался на ту же систему идей и эстетических ценностей, что и писатели и мыслители Возрождения. Ведь русская культура последних десятилетий XV в., когда этот текст был написан, – это культура отнюдь не ренессансного типа. Внешние совпадения отдельных элементов в обеих культурах найти можно, но в разных культурных системах эти элементы имели принципиально различный смысл.

Тем не менее «политический» аспект в интерпретации Я.С.Лурье почитал убедительным М.А.Юсим [42, с.201–203]. Двойственность образа Дракулы («человек жестокий, но и справедливый», «честный, правдивый, но жестокий правитель») без ссылки на Я.С.Лурье признал А.Н.Ужанков, рассматривающий этот памятник как художественное сочинение, в котором соединены черты антропоцентрического и геоцентрического мировидения (см.: [35]). Сложным образом истолковал «Повесть» М.П.Одесский. По его мнению, в «Повести» дракуловская «Валахия прямо мифична <...>. Румыния изображена сказочным – вне каких-то особых "этнографических" подробностей, без имени столицы – государством, где реализована утопия "грозного" царя. Короче говоря, Валахия – это страна Дракулы <...> а Дракула – демонический государь со всеми подобающими атрибутами, жестокостью, остроумием, даром колдуна».

Как полагает М.П.Одесский, «образ Дракулы отнюдь не формулируется как альтернатива привычному на Руси образу властителя. Правдоподобней здесь другая логика, напоминающая позднейшие сочинения Ивана Пересветова (XVI в.). Дракула – повелитель "антимира". <...> Но даже у "аномального" государя есть чему поучиться. Государю "нормальной" Москвы, к примеру, не худо бы освоить навыки "грозного" – жестокого, но справедливого – управления, что получалось у "зломудрого" Дракулы, еще краше смотрелось бы на Святой Руси» [25, с.18].

Дракула, безусловно, демонический персонаж и герой «антимира». Однако пространство действия в «Повести» не мифопоэтическое. Валахия, сопредельная с Венгрией и с Молдавией, с которыми Русь поддерживала дипломатические отношения, для читателей «Повести» не могла быть условным локусом. Мир Дракулы включен в единое пространство с миром автора и читателей. Отсутствие в валашском пространстве конкретных географических координат может быть связано не столько с его мифопоэтической семантикой, сколько с тем, что «Повесть» тяготеет к притчевому жанру, для которого как раз характерен отказ от пространственной и временной конкретики: притча говорит об общем, а не о частном.

По мнению А.В.Каравашкина, «история валашского господаря – это в первую очередь гибельный путь предателя веры, нечестивца, хотя и наделенного необычной мудростью и чувством справедливости», а власть Дракулы «попущена за грехи людей». Вывод исследователя таков: «Жестокий господарь обладал таким пониманием правды, которое оказалось созвучным умонастроениям писателя Московской Руси: валашский деспот казнит, за редким исключением, тех, кому недостает мудрости, тех, кто пренебрегает своим долгом или забывает об ответственности подданного перед лицом грозного владыки, а любая власть должна карать виноватых и миловать богобоязненных и разумных. Ведь большинство случаев, демонстрирующих изощренную кровожадность и столь же изощренное остроумие деспота, свидетельствуют о моральной испорченности людей, становящихся его жертвами. Угроза прижизненным наказанием оказывается лучшей прививкой честности» [17, с.378–379].

С этой интерпретацией трудно согласиться: в большинстве эпизодов «Повести» говорится как раз о казнях невиновных или же тех, кто за свои проступки никак не заслуживал смерти – в том числе по меркам далеко не чувствительного XV в. Так, недостаточная мудрость, конечно же, не основание для лишения жизни. Жестокость героя «Повести» экстраординарна, в чем именно провинились подданные Дракулы или их родители, если были наказаны поставлением такого правителя, неясно. Что же касается средневековых представлений о том, кого должен «миловать» государь, то свою милость он, действительно, обязан выказывать «богобоязненным и разумным», но миловать можно только виновных – хотя и не в тяжких преступлениях.

Может ли Дракула как правитель «антимира», именуемый «зломудрым», князь, чье прозвище истолковывается в «Повести» как «дьявол»³, быть хотя бы в чем-то образцом для русского православного государя? В этом можно усомниться. Неправославный государь мог быть представлен в древнерусской словесности как пример для подражания: таков Магмет Салтан в «Повести о Магмете Салтане» Ивана Пересветова, написанной примерно спустя полвека после «Повести о Дракуле», – сильный и грозный государь, следующий принципам «правды». Однако, во-первых, это случай исключительный. Во-вторых, Магмету чужды жестокость ради жестокости и изощренный садистский «юмор», свойст-

³ В действительности прозвище исторического Влада Цепеша было *Draculea*, что означало «сын Дракона», но в румынском языке могло означать и «сын дьявола». Дракула – прозвание его отца, рыцаря ордена Дракона (см.: [24, с.153]).

венные Дракуле. И, в-третьих, Дракула умер католиком – отступником от православия, в то время как Магмет от рождения был воспитан в «иной» вере (в исламе), к тому же, согласно Пересветову, желал принять православие, но этому намерению не дали осуществиться его вельможи.

В «Повести» как будто бы обнаруживаются противоречия, семантические «сбои». Дракула храбро воюет с иноверными турками – и он же, оказавшись в венгерской темнице, отрекается ради воли и власти от православия, становясь католиком; Дракула неоднократно поступает справедливо – и столь же часто его действия носят откровенно садистский характер, а казнит он в таких случаях не за преступление и даже не за грех, а за неудачный ответ; он победитель турок, которого трепещет сам султан, – но погибает он, убитый своими же войнами, по ошибке принявшими его за турка. Оценку Дракулы во вступительной части текста как «зломудрого» можно было бы попытаться списать на диктат традиционных представлений, с которыми не смог совладать автор, попытавшийся изобразить неоднозначного правителя, многие деяния которого находятся «за рамками добра и зла»; также – чисто теоретически – можно было бы истолковать мотив отступничества валашского князя от веры: оба эти элемента образуют рамочную конструкцию текста, не относятся к его ядру. Однако в этом случае пришлось бы говорить о бессознательном автора, пробивающемся через заданные традицией оценки и представления и рассуждать о «Повести», например, в категориях деконструкции Жака Дерриды.

Разворот самого раннего списка «Повести о Дракуле»

Но этот подход сомнителен и уязвим, ибо не объясняет механизм возникновения таких противоречий: зачем автору понадобилось писать и о вроде бы благих (жестокие казни во имя уничтожения разбоев и осуществления справедливости), и о безусловно злодейских деяниях печально прославившегося валашского правителя? Не проще и естественнее было бы «спрямить» семантику его образа? К чему описывать деяния во имя справедливости, если нужно раскрыть «зломудрие»? Зачем описывать «зломудрие», к чему целая галерея извращенно жестоких поступков, если составитель текста намеревался хотя бы в какой-то мере оправдать жестокость, репрессии как способ управлять государством?

Но главное – противоречия охватывают и ядро текста, само повествование о Дракуле. Впрочем, может быть никаких противоречий ни между рамкой и центром текста, ни внутри центральной части нет – они видятся лишь с внешней точки зрения, когда остается неясной внутренняя логика повествования. Попробуем доказать это утверждение, прибегнув к последовательному «медленному» чтению текста – от фрагмента к фрагменту. Только таким образом, исходя из структуры текста, мы можем установить интенцию его автора. Но для определения семантики элементов этой структуры необходимо соотнести их с контекстом, на который и составитель «Повести», и ее читатели, подразумеваемые автором, неизбежно проецировали сказание о «зломудром» валашском правителе. Предметом рассмотрения будет текст Кирилловского извода Древнейшей редакции, дошедший до нас в самом раннем списке этого произведения, относящемся к концу XV в., – РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, №11/1088. Текст цитируется по публикации в серии «Библиотека литературы Древней Руси» (см.: [4, с.460–471]), где учтены более исправные чтения списков ГИМ, собр. Забелина, №451 и РГБ, собр. Румянцева, ф.256, №358.

Вступление. «Бысть в Мунтянской земли греческия вѣры христианинъ воевода именем Дракула влашеским языком, а нашим – диаволь. Толико зломудръ, якоже по имени его, тако и житие его».

Характеристика Дракулы как православного христианина вступает в семантический конфликт с прозвищем, которое здесь же приводится («диаволь»), причем автор «Повести» представляет его не как прозвище, а как собственное имя героя; подлинное же (христианское) имя Дракулы – Влад – в «Повести» ни разу не упоминается. Таким образом, личным именем героя оказывается обозначение главного Врага Господа, крестильного же имени номинально православный христианин Дракула

Дракула

как бы лишен. Так создается сильнейший семантический конфликт. Естественно, прозвание «диаволь» формирует совершенно однозначные читательские ожидания: Дракула в дальнейшем тексте будет представлен как «антигерой», как служитель дьявола (ср.: [17, с.374–377]). Эпитет «зломудрь» лишь подкрепляет эти ожидания. По толкованию М.П.Одесского, этот эпитет, возможно, перевод с латинского: «<...> Соблазнительно гипотетически предположить, что <...> русский книжник XV в., прибегая к неологизму "зломудрый" <...> стре-

мился перевести слово «malignus» (ср. румынское прилагательное "malitios"). Контекстуальные реализации этого рокового слова подразумевают компоненты значения, которые принципиально важны для реконструкции представлений о Дракуле его современников. А именно, лукавый, способный на злые выходки, затем – дьявольский, сатанинский (см. "злой дух", т.е. собственно "Диаволь") и, наконец, колкий, остроумный. И в самом деле, рассказы о жизни Дракулы изобилуют исполненными черного юмора анекдотами – его жестокими деяниями и мрачно-ироническими афоризмами, т.е. эпитет "зломудрь" – если считать его переводом – эмбрионально содержит в себе основные идеи и композицию русского "Сказания о Дракуле"» [25, с.12].

Однако бесспорных данных считать, что эпитет Дракулы в «Повести» восходит к латинскому, нет. Он мог быть сконструирован на основе аналогичных церковно-славянских лексем «зловѣрныи», «злогрѣшныи», «зловидьныи», «злодеивыи», «злосаконьныи», «злокѣзныивыи», «зломысльныи», «злообычныи» и др. (см.: [32, стб.1001–1004]); это составное прилагательное, образованное посредством сложения двух основ. Необычно, и то лишь на первый взгляд, здесь, может быть, только абсолютно негативное осмысление «мудрости»: понятно, почему может быть «злой» мысль, влекущая на дурное, на грех. Но в чем «зло» «мудрости» как таковой? Является ли эпитет «зломудрь» полным синонимом прилагательного «зломысльныи»? Очевидно, нет. Если злая мысль – частный, отдельный плод ума, то мудрость – посто-

янное свойство человека. «Злая мудрость» неизменно направляет на совершение зла, на пребывание во зле, под властью дьявола. Но в чем сущность этой «злой мудрости»? Конечно, не в садистской жестокости, не в черном юморе Дракулы – это не более чем ее частные, отдельные проявления. «Злая мудрость» – сатанинская, а грех Сатаны – в высокоумии, в гордыне, в попытке занять в бытии место Бога. В Послании Римлянам апостола Павла есть слова: «Не превозносись, но бойся» (Рим. 11: 20). В греческом оригинале вместо «не превозносись» употреблен глагол, более точно переводимый на русский язык как «не высокоумствуй», в Вульгате эта фраза звучит так: «noli altum sapere, sed time» – «не мудрствуй высоко, но бойся». В славянском тексте: «не высоко мудръствуи, но боися» [43, с.1795]. Как справедливо заметил итальянский историк и антрополог Карло Гинзбург, слово «мудрствовать» у апостола Павла здесь имеет моральное, а не интеллектуальное значение, «предостережение против духовной гордыни» [11, с.133–134]. Нравственная максима, сформулированная апостолом Павлом, естественно, относится к мотивам-топосам христианской книжности. Осуждение гордыни – один из лейтмотивов Священного Писания. Речение из ветхозаветной Книги Премудрость Иисуса сына Сирахова содержится в одной из самых ранних восточнославянских рукописей – Изборнике 1076 года: «Не възнеси себе – да не отъпадеш, и наведеш на душу свою бештьстие <...>»⁴. Здесь же в «Наказании Исихия, пресвитера Иерусалимского» говорится: «Подобаеть быти всякому хрьстьянину съмѣрену <...>: Бежи величанья, о челоувѣче, аште и великъ еси: еда Бога отъмештюшта ся, тебе обряштеши? Люби съмѣреие, аште и великъ еси, да въ днь съкончанья възвышенъ будеш» [2, с.444, 438].

Неологизм «зломудр», очевидно, был понят далеко не всеми редакторами-переписчиками «Повести». Уваровский вид Румянцевской редакции содержит новое чтение – замену: «злосердит вельми» (чтение одного списка) или «злосерд» (чтения трех списков). Чтение Хохловского вида Румянцевской редакции: «не милостив», Барсовский вид заменяет «зломудр» на «житием злосерд вельми». Сводная редакция содержит

⁴ Нужно, однако, признать, что метафора «высота ума» могла иметь в древнерусской книжности не только негативный, но и положительный смысл: в этом случае она означала духовную высоту помыслов, противопоставленную грехам и соблазнам мира сего. В том же Изборнике 1076 года в «Слове некоего отца к сыну своему, словах душеполезных» сказано: «Буди пониженъ главою, высокъ же умъмь» [2, с.408].

чение «злосерд» [28, с.162, 172, 159, 179]. Злое (обуреваемое греховными страстями) сердце было для книжников понятнее, чем злой ум.

Перевод «жесток и мудр», предложенный О.В.Твороговым [5, с.461], безусловно неудачен: он разрывает единое понятие-определение на два не зависящих друг от друга. Лучше всего оставить это слово без перевода.

Фрагмент первый. Дракула и турецкий султан. Этот фрагмент делится на три части. В первой Дракула, принимающий послов турецкого султана, интересуется, почему те не сняли перед ним шапок. Узнав от послов, что они соблюдали принятый в их земле обычай, валашский князь говорит, что желает утвердить их в верности своему закону, и велит прибить шапки к головам гвоздями, заявив: «Шедше, скажите государю вашему: онъ навъкъ от вас ту срамоту терпѣти, мы же не навъкохом, да не посылает своего обычая ко иным государемъ, кои не хотят его имѣти, но у себе его да держит». Во второй части рассказывается о походе разгневанного султана на Дракулу, о разгроме численно превосходящего турецкого войска и о бесславном возвращении султана. Также сообщается о жестоком наказании Дракулой своих воинов, обратившихся в бою спиной к врагу: полководец называет их не мужчинами, но женщинами и велит их посадить задним проходом на колья (задний проход, очевидно, в этом случае отождествляется им с вагиной.) Своим воинам Дракула объясняет: «Кто хочет смерть помышляти, той не ходи со мною, остани зде». Смысл его фразы, очевидно, таков: опаснее проявить слабость в сражении, чем стойко биться против турок; в первом случае людей Дракулы неизбежно постигнет смерть по его приказу, во втором – у них есть шанс выжить. Часть третья: султан отправляет к своему антагонисту посла, требуя выплаты дани. Дракула притворно покоряется, заявляя, что готов не просто платить дань, но служить турецкому властителю. Обрадованный султан объявляет, чтобы его люди не трогали Дракулу ни при каких обстоятельствах, ибо тот стал его подданным. После этого валашский правитель нападает на земли турецкого владыки, не встречая сопротивления. Разорив их, Дракула отправляет к султану пленников с издевательским наказом: «Шедше, повѣсте царю вашему, якоже видѣсте: сколко могох, толико есмь ему послужил. И будет ему угодна моя служба, и азъ еще хощу ему тако служити, какова ми есть сила».

В этом фрагменте Дракула проявляет себя, во-первых, как гордый правитель, во-вторых, как храбрый полководец, в-третьих, как жестокий человек, в-четвертых, как «злой» остроумец. Его жестокость здесь, однако, пока что находится в рамках объяснимого и человече-

ского: турецкие послы наказаны за нанесение обиды, свои воины – за трусость. В обоих случаях жестокость по-своему логична. Как победитель неисчислимого воинства иноверцев-турок, Дракула должен вызывать если не восхищение, то изумление. Он может быть соотнесен с храбрым воителем князем Святославом Игоревичем, согласно «Повести временных лет» победившим десятикратно превосходящие силы греков (см.: [27, с.33]). Правда, хотя Дракула назван православным христианином и он переселяет на свои земли христианских подданных султана, захваченных в плен, конфессиональная оппозиция православные валахи ↔ иноверные турки в «Повести» прямо не выражена.

Фрагмент второй. Дракула – справедливый правитель, карающий разбой и иное зло. Как сообщается в «Повести», ее главный герой «только ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет живъ». При этом Дракула карает за преступление невзирая на лица: его наказания не могут избежать ни богатый, ни бедный, ни боярин, ни священник, ни монах. Дается пример, подтверждающий эффективность таких мер: у источника князь велел положить большую чашу из чистого золота, и никто не посмел ее украсть.

Соблюдение закона, пусть и достигнутое жестокими методами, и справедливость как будто бы говорят о Дракуле как о мудром (а не о «зломудром») правителе. Можно допустить, что автор одобряет его. Как заметил А.Н.Ужанков, «потрясающе! Зло ненавидит зло. Воплощение зла ненавидит зло» [35]⁵. Есть, однако, два нюанса. Во-первых, оставление у ручья золотой чаши – своеобразная провокация татей на воровство. Между тем, по речению Христа, «невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят; лучше было бы <...> если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из малых сих» (Лк. 17: 1–2; ср. Мф.18: 6–7). Искуситель – одно из имен дьявола, и человек, искушающий других,

⁵ Утверждение А.Н.Ужанкова, что Древняя Русь во времена Ивана III практически не знала смертной казни (якобы исключение – аутодафе еретиков), не соответствует действительности. Смертная казнь применялась как по делам о государственной измене (ср., например, наказание причастных к делу о бунте сына великого князя, будущего Василия III, или отсечение головы князю Семену Рязполовскому), так и по ряду уголовных преступлений (татьба / разбой, поджог, рецидивная кража); в Судебнике 1497 года о смертной казни говорится в статьях 8, 9, 11, 13 (см.: [34]).

обнаруживает свое подобие Сатане. Во-вторых, не вполне ясно, насколько похвальна формальная справедливость валашского правителя, одинаково наказывающего и мирян, и церковных людей. На Руси вплоть до 1649 г. ни священнослужители, ни монахи не подлежали гражданскому суду: их судили церковные власти [36, с.385–387]⁶. «<...> У нас, так же как и в Греции, судебная власть епископов была расширена посредством того, что им предоставлены были в подсудность священники не только как духовные чиновники, но и как граждане, т.е. в подсудность не только по преступлениям против своей должности, но и по всем вообще, за исключением преступлений уголовных самых тяжких» [12, с.395]. Впрочем, в отношении духовенства и на Руси, и в других христианских странах не было принято применять суровых наказаний даже по обвинению в государственной измене. Так, Иван III новгородского архиепископа Феофила, обвиненного в причастности к заговору против великого князя, в январе 1480 г. лишил кафедры и заточил в монастырь, но не казнил (см.: [7, с.70–71; 15, с.176–177]). Неподсудность как белого, так и черного духовенства светской власти была оговорена в Судебнике Ивана III: «А попа, и диакона, и черньца, и черницу <...> то судить святитель или его судия» (ст.59) (цит. по: [34]). Конечно, в принципе допустимо предположение, что для автора «Повести» не были значимы ни это речение Христа (из идеи, что составитель этого текста не ставил оценку героя в зависимость от отношения Дракулы к религиозным заповедям, исходит в своих интерпретациях Я.С.Лурье (см.: [28, с.54]), ни – тем более – нормы современного ему русского светского и церковного законодательства. Было бы соблазнительно объяснить такое гипотетическое вольнодумство принадлежностью (впрочем, столь же гипотетической) автора к кругу еретиков. Однако аргументировать это предположение практически невозможно: нам неизвестны взгляды т.н. новгородско-московских еретиков на сей счет; более того, не очевидно, что у них вообще была единая позиция в этом отношении. Мало того, согласно предположению Л.В.Черепнина, Федор Курицын, гипотетический автор «Повести», лично участвовал в подготовке Судебника 1497 года (см.: [38, с.310–314]). Конечно, даже если это так, из этого не следует, что государев дьяк во всем разделял нормы этого юридического документа, который составлял отнюдь не единолично. Роль Федора Курицына, оче-

⁶ В широко распространенном на Руси апокрифе – «Хождении Богородицы по мукам» – гореть в огне присуждены грешники за непочтительное отношение к священнослужителям (см.: [3, с.310]).

видно, была скорее не творческой, а исполнительской; право суда над духовенством последовательно отстаивала Церковь⁷. Но это гипотетическое участие – обстоятельство, косвенным образом подкрепляющее сомнения в том, что автор «Повести» безусловно одобрял одинаковую подсудность мирян и духовенства.

Но все-таки как действия против турок, так и внедрение справедливости, и обуздание воровства и разбоев вроде бы можно поместить в «копилку» благих деяний Дракулы.

Фрагмент третий. Борьба с болезнями и нищетой: Дракула истребляет нищих. Дракула собирает к себе больных, убогих и нищих. «И собралась бесчисленное множество нищих и странных к нему, чающе от него великия милости». Князь собирает их в роскошной храмине, щедро поит и кормит, а затем вопрошает, чего они хотят; те отвечают, что полагаются во всем на его волю. Он предлагает сделать так, чтобы эти несчастные стали «беспечальны», собеседники Дракулы с радостью на это соглашаются. Тогда герой «Повести» сжигает бедняков заживо. Свой поступок он оправдывает таким образом: «Да вѣсте, что учиних тако: первое, да не стужают людем и никтоже да не будет нищъ в моей земли, но вси богатии; второе, свободих ихъ, да не стражут никтоже от них на семь свѣтъ от нищеты иль от недуга».

Это первый эпизод в «Повести», в котором Дракула безусловно демонстрирует свою чудовищную, «зломудрую» сущность. Правитель действует в соответствии с принципами формальной логики (смерть избавляет от страданий), причем как бы лишь во исполнение просьбы доверчивых простецов, желавших стать «беспечальными». Однако этот дикий поступок (радикальное решение вечной социальной проблемы) противоречит не только христианской заповеди милосердия, но и элементарной человечности и обязанности властителя помогать слабым и убогим. На средневековом Западе бытовала схожая легенда в разных версиях (например, о майнцских епископах Гаттоне I и Гаттоне II), причем убийц нищих настигало возмездие – они умирали страшной смертью. Правда, как заметил М.П.Одесский, в «Повести» Дракула не наказан за свое злодеяние [23, с.76–77]. Однако отсутствие наказания в тексте произведения, по-моему, отнюдь не очевидно (об этом будет сказано ниже).

⁷ О праве церковного суда, например, писал современник Ивана III новгородский архиепископ Геннадий в послании князю Борису Волоцкому (см.: [6, с.165–166]).

«Зломудрие» и садистский юмор Дракулы проявляются здесь в том, что он, говоря о беспечальной жизни, подразумевает смерть как избавление от страданий, а бедняки воспринимают его слова в сугубо материальном смысле – как предложение даровать им сытое существование, довольство. Непонимание слов князя (немудрость) карается смертью. По мнению А.Н.Ужанкова, казнь несчастных может трактоваться как средство стяжать для них Царство Небесное (т.е. подлинно беспечальное житие), искупив грехи страшными страданиями [35]. Однако такая трактовка сомнительна: Дракула никогда не заботится о посмертной судьбе своих жертв и ни разу не задумывается в «Повести» о вечной жизни. Кроме того, если бы он рассматривал нищих и убогих как мучеников, себя он должен был бы посчитать нечестивым правителем-мучителем. Но герой «Повести» так себя, конечно же, не оценивает.

Я.С.Лурье сблизил этот и другие эпизоды «Повести» с ситуациями испытания, представленными в памятниках переводной и оригинальной древнерусской словесности: «Мотив испытания, проходящий через все эти эпизоды, принадлежит к числу популярнейших мотивов мировой литературы и фольклора. Мотив этот был хорошо знаком и древнерусской литературе: так же "изящно" и так же жестоко, как Дракула, "испытывала" древлянских послов Ольга в "Повести временных лет"; мотив испытания встречается и в "Повести об Акире премудром" и в житийной "Повести о Петре и Февронии"» [20, с.230]. Но сходство дракуловских «испытаний» мудрости собеседников с ситуациями в перечисленных исследователем произведениях обманчиво. Ни Феврония, ни Акир никого не губят. (Племянник Акира Анадан лопаается от надменности и гордыни, проиграв состязание в мудрости, к тому же он злодей, оклеветавший и пытавшийся обречь на смерть Акира – так что никакого сочувствия не заслуживает (см.: [3, с.56]). Ольга действительно предает смерти древлян, не разгадавших ее речей-загадок (см.: [26, с.26–28])⁸, однако она мстит им за убийство мужа и за оскорбительное сватовство, причем делает это, еще будучи язычницей. Дракула же убивает совершенно невиновных людей.

Итак, перед нами первый поступок, который можно внести в досье дьявольских злодейств героя «Повести».

Фрагмент четвертый. Дракула испытывает мудрость двух монахов и казнит за неразумие смертью. К князю приходят два монаха из Венгрии и видят на его дворе людей, посаженных на кол. Дракула спрашивает

⁸ См. о речах княгини как о загадках: [37, с.77–98; 9, с.64–67; 44, р.301; 39, с.63–68].

ет монахов, правильно ли он поступил с этими людьми. Один осуждает его, говоря: «Ни, государю, зло чиниши, без милости казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на колы мученици суть». Дракула решает испытать другого чернеца: «Призвав же и другаго и вопроси его тако же. Он же отвѣща: "Ты, государь, от Бога поставленъ еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своимъ дѣломъ въсприали". Он же призвавъ перваго и глагола к нему: "Да почто ты из монастыря и ис келии своя ходиши по великим государемъ, не зная ничтоже? А нынѣ самъ еси глаголашь, яко ти мученици суть, азъ и тебе хошу мученика учинити, да и ты с ними будеши мученикъ". И повелѣ его на колъ посадити проходомъ, а другому повелѣ дати 50 дукать злата, глаголя: "Ты еси разумень муж"».

На первый взгляд семантика этого эпизода – апология казней как единственного правильного способа для борьбы власти с преступлениями. Противоположная идея – идея милосердия – саркастически вышучивается. Для этого есть как будто бы достаточно оснований. Неясно, почему первый монах считает казненных мучениками: даже если они наказаны за преступления чрезмерно жестоко и Дракуле следовало быть более милосердным, это еще не делает его жертв мучениками. Однако и у второго монаха нет оснований считать, что посаженные на кол заслужили свою участь. Ни один ни другой иноки не могут знать, заслуженно или незаслуженно покараны эти несчастные. Первый а priori исходит из представления о недопустимости жестокой казни, приравнивая казненных к святым – страдальцам за веру. Второй же исходит из аксиомы, что обреченные на смерть ее заслужили. Его слова, обращенные к Дракуле, выглядят как лесть, проникнутая чувством страха за свою жизнь. В действительности в предложенных искусителем Дракулой обстоятельствах правильный (не с точки зрения милосердия, а с точки зрения заслуженности наказания) ответ попросту невозможен: для него нет нужной информации.

Конечно, истовость Дракулы во внедрении справедливости (второй фрагмент текста) побуждает скорее признать наказание заслуженным. Однако такой поступок, как расправа с нищими и убогими (третий фрагмент), позволяет усомниться в том, что герой «Повести» всегда справедлив, присуждая к смерти. Из дальнейших эпизодов произведения станет ясно, что эти сомнения небеспочвенны.

Преступлением первого монаха оказывается неверная (с точки зрения Дракулы) мысль. Причем решение о казни, как обычно, облечено в

саркастическую шутку: монах жалел о мучениках, так пусть и он стяжает себе мученичество.

Наконец, Дракула казнит монаха, что в Средние века было страшным преступлением. Например, «Слово некоего отца к сыну своему, слова душеполезные», входящее в Изборник 1076 г., учило: «Поминай же сущиихъ въ манастирьхъ, аггельскый образъ носяштая; аште ти е како, въведи я въ домъ свой, постави имъ трапезу въ чинъ манастирьскый, жену же свою и дѣти и отроки научи съ страхомъ и мълчаниемъ служити, яко аггеломъ Божиемъ. Проважая же съ покланяниемъ отпусти я, въдавъ имъ и манастирю ихъ потрѣбная» [2, с.414]. По замечанию М.П.Одесского, Дракула выступает в роли мучителя и гонителя людей Церкви [23, с.78]. Впрочем, как уже было сказано в комментарии ко второму фрагменту, допустимо предположить, что этико-социальные представления автора могли расходиться с общепринятыми. Как считает Я.С.Лурье, «автор сознательно отмечал противоречивые черты в образе Дракулы, но видел в нем "великого государя": если в немецком сказании о Дракуле анекдот о двух монахах, один из которых польстил Дракуле, а другой назвал его извергом, кончался оправданием правдивого обличителя и казнью льстеца, то в русской Повести наказанию подвергался именно хулитель, не умеющий говорить с "великим государем"» [22, с.508–509]. Однако достаточных оснований для такой трактовки нет: решение Дракулы казнить монаха, осудившего князя за жестокость, и похвалить и наградить одобдившего казни может быть понято как проявление «зломудрия» и небескорыстного снисхождения к апологету – т.е. как деяние «злое».

Фрагмент пятый. Дракула и иноземный купец: испытание на честность. У некоего иностранного купца были в земле Дракулы украдены дукаты. Властитель, признавая в том свою вину, велит возместить потерю, но подкладывает в мешок одну лишнюю монету. Купец, обнаружив ее, возвращает князю. Дракула хвалит его за честность, прибавляя, что если бы тот поступил иначе, то лишился бы жизни – был бы посажен на кол.

Семантика деяний Дракулы здесь амбивалентна: с одной стороны, он все тот же приверженец справедливости, с другой, – также уже хорошо известный нам искуситель-провокатор.

Фрагмент шестой. Дракула карает прелюбодеек. Дракула жестоко наказывает женщин за прелюбодейство, вырезая им гениталии и / или срывая с них кожу, отрезая сосцы, пронзая гениталии раскаленным ме-

таллическим прутом девушкам, не сохранившим девственность, и вдовам, нарушившим целомудрие.

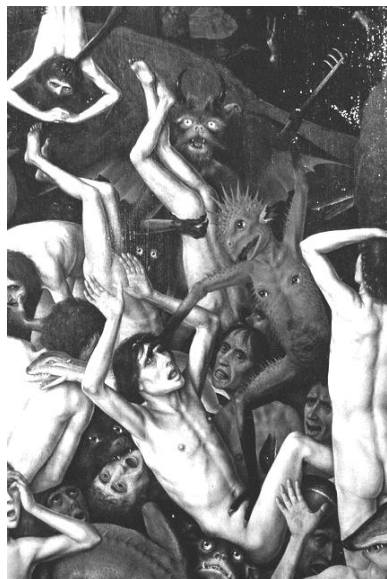
Дракула и в этом фрагменте, как и раньше, выступает в роли «черного юмориста»: согрешивших женщин он прежде всего лишает орудия греха и одновременно как бы совершает с ними новый коитус / еще раз лишает девственности, веля вонзить раскаленный прут в вагину. Вместе с тем его роль – жестоко (изуверской смертной казнью) наказывать за сексуальный грех. Прелюбодеяние (кроме особенных извращенных форм соития и случаев инцеста) не каралось смертной казнью ни на Руси, ни в Византии, из которой были заимствованы представления о различении уголовного преступления и преступления против Бога, греха. Византийское светское законодательство допускало месть – убийство мужем неверной жены и ее любовника, застигнутых на свидании. Сербский закон разрешал в той же ситуации мужу увечить жену: отрезать ей нос и ухо перед изгнанием [45, р.184]. Однако на Руси такая практика не была легализована. Правила святого Василия Великого устанавливали для неверных жен развод: «оскверньшиже ся жена от иного мужа, мужь отпустить» (21-е правило) [17, л.232 об.]. По законам Юстиниана, также предписывавшим в этой ситуации развод, изменившая жена могла быть заключена в монастырь на покаяние. По Закону градскому в этом случае также был необходим развод, при этом муж получал назад вено, уплаченное при заключении брака, и приданое, принесенное женой. Развод как следствие измены жены устанавливали и законы Леона Премудрого и Константина [19, л.350 об., 361, 362, 427 об., 502]. По византийским законам муж мог отправить жену на двухлетнее покаяние в монастырь, после чего мог вернуть ее [45, р.183]. В православном славянском мире и Правила Василия Великого, и светские законы Византии вошли в состав Кормчей книги – свода законов для управления Церковью и церковного суда. Измена или потеря девственности незамужней женщиной не были, таким образом, подсудны в православном славянском мире светской власти. На Руси Устав князя Владимира Святославича отнес суд по сексуальным грехам к прерогативе Церкви (ст.9). Церковный устав его сына Ярослава Мудрого предписывал развод, если муж застигнет жену с любовником (ст.53. – См.: [29, с.139–140; 13, с.13–135])⁹. Он так-

⁹ В существующем виде оба устава – памятники довольно поздние, однако их ядро действительно относится к временам Владимира Святославича и Ярослава Мудрого (см. об этом, например: [41, с.12–135; 30, с.279, 393–396]).

же давал мужу право отправлять неверную супругу на покаяние в монастырь – как и нормы византийского права [45, p.183].

В качестве церковного наказания за блуд в Древней Руси налагалась публичная епитимья (отлучение от причастия, пост, молитвы, творение милостыни и т.д.); срок ее определял духовник «по силам согрешивших» [31, с.173–174]. Девицам, потерявшим девственность, назначалась епитимья сроком от года до четырех [45, p.193].

Санкции в принятых на Руси и в Византии законах об измене жен и о лишившихся девственности до брака женщинах разительно отличались от чудовищной практики Дракулы: они не карали смертью, а были направлены на исправление и спасение души согрешивших. Дракула же стремится уничтожить не грех, но грешников. В этом отношении он следует примеру не христианских правителей, а язычников. Например, египетского царя Феосты (Гефеста, отождествленного со славянским богом Сварогом), который, согласно рассказу «Повести временных лет» в редакции Ипатьевской летописи под 1114 (6622) годом, женщин, «аще прелюбы дѣючи, казнити повелѣваше» [27, с.127] (сказание заимствовано из переводной Хроники Иоанна Малалы).

Дирк Боутс (Dirck Bouts).
Ад

Дракуле абсолютно чужда мысль о прощении согрешивших женщин, выраженная в евангельской истории о женщине, которую хотели за ее грех побить камнями; Спаситель изрек: «кто из вас без греха, первый брось в нее камень», и толпа разошлась (Иоан. 8: 7). Дракула же, казня прелюбодеиц, поступает так, словно на нем грехов нет, – т.е. дерзновенно претендует на место Бога, в чем и оказывается подобен дьяволу.

Как воплощение карающего начала, Дракула подобен бесам, мучащим грешников в аду. Бесы тоже наказывают зло, грех и в этом смысле служат справедливости и исполняют волю Бога; не случайно в относительно ранних текстах (например, в апокрифическом «Хождении Бого-

родицы по мукам»), посвященных адским мукам, функция наказания грешников принадлежала еще не им, а «грозным ангелам». «Если в раннем Средневековье образ бесов – адских палачей – не был распространен (эту роль выполняли грозные ангелы), то впоследствии роль мучителей прочно закрепилась за падшими духами во множестве текстов и изображений. Этот процесс был характерен и для католической Европы, и для Руси» [1, с.269].

Сам характер наказаний, которым Дракула подвергает согрешивших женщин, напоминает принцип наказаний грешников в аду бесами – правда, не в древнерусской, а в западной традиции, где в изображениях «принцип символического соответствия греха и наказания проводился более последовательно (прелюбодеям отрезают гениталии <...> <...> На Руси такие сюжеты встречаются редко: они распространяются только в XVIII в., преимущественно в старообрядческой традиции» [1, с.261–262]. Если принять предположение, что «Повесть» написал или посольский дьяк Федор Курицын, или кто-то из подначальных ему людей, участвовавших в посольстве в Венгрию (второе почти бесспорно), то с большой долей вероятности можно утверждать, что автор произведения был знаком с этой западной традицией.

Фрагмент седьмой. Дракула наказывает ленивую жену. Дракула встречает некоего бедняка в изодранной рубахе и спрашивает, есть ли у него жена. Узнав, что жена у него имеется, князь отправляется к ним домой и обнаруживает, что она молода и здорова. Князь спрашивает мужа, сеял ли тот лен, и получает утвердительный ответ. Тогда Дракула обращается к его супруге со словами: «Да почто ты лѣность имѣеши к мужу своему? Онъ долженъ есть сѣяти, и орати, и тебе хранити, а ты должна еси на мужа своего одежду свѣтлу и лѣпу чинити, а ты и срачици не хочещи ему учинити, а здрава суци тѣлом. Ты еси повинна, а не мужь твой, аще ли бы муж не сѣялъ лну, то бы мужь твой повинень был». Он выносит ленивице смертный приговор: «И повелѣ ей руцѣ отсѣщи и трупъ ея на колъ всадити».

Поступок Дракулы поражает несоизмеримостью вины и наказания еще в большей степени, чем расправа с неверными женами или потерявшими девственность незамужними женщинами, чей грех Церковь признавала серьезным. Очевидно, Дракула пытается карать любой грех с помощью смерти. По мнению М.П.Одесского, «он устраивает идеальный быт подданных». Однако благодаря такому (зло)деянию муж-бедняк лишается молодой и здоровой жены, пусть и нерадивой, становится вдовцом. Как и в других случаях, Дракула проявляет своеобразный сар-

казм: веля отсечь ленивице руки, он «острит, буквально реализуя словесный образ "безрукой" – ничего не умеющей женщины» [23, с.80]. Вновь примечательна любовь валашского правителя к такой казни, как сажание на кол. Решение Дракулы – несомненно «зломудрое».

Фрагмент восьмой. Дракула казнит слугу, не выносящего трупного смрада. Валашский правитель обедает в окружении множества казненных – мертвецов, сидящих на кольях. «<...> Он же среди ихъ ядыше и тѣмъ услажашесь. Слуга ж его, иже пред нимъ ясти ставляше, смраду оного не моги терпѣти, и заткну носъ, и на страну главу свою склони. Он же вопроси его: "Что ради тако чинишь?" Он же отвѣща: Государю, не могу смрада сего терпѣти". Дракула же ту и повелѣ его на колъ всадити, глаголя: "Тамо ти есть высоко жити, смрад не может тебе доити"».

Это случай чистого произвола и садистского сарказма, казнь вообще без вины. Реакция слуги на зловоние от разлагающихся тел может быть оценена только как естественная, обычай Дракулы обедать в окружении смердящих трупов и наслаждаться зловонием – как извращенная, нечеловеческая склонность. Зловоние – устойчивая одоральная характеристика ада, так что любовь Дракулы к смраду соотносит его с бесами – насельниками и «хозяевами» Преисподней.

Фрагмент девятый. Дракула испытывает венгерского посла – обыкновение Дракулы так поступать с послами. Фрагмент состоит из двух частей. Первая часть – рассказ о Дракуле и после короля Матвея Корвина. Вторая – обобщенная характеристика поведения Дракулы по отношению к послам. К валашскому правителю приходит посол от венгерского короля, боярин, родом поляк. Дракула, по своему обыкновению, обедает в окружении трупов на кольях. «И пред нимъ лежаше единъ колъ велми дебелъ и высокъ, весь позлащенъ, и вопроси апоклисаря (посла. – *А.Р.*) Дракула: "Что ради учинихъ сей колъ тако? Повѣж ми". Посол же той велми убояся и глаголя: "Государю, мнит ми ся тако: нѣки великий человекъ пред тобою согрѣши, и хощеши ему почтену смерть учинити паче иных". Дракула же глаголя: "Право реклъ еси; ты еси велика государя посолъ кралевьскы, тебѣ учинихъ сей колъ". Он же отвѣща: "Государю, аще достойное смерти содѣлалъ буду, твори, еже хощеши: праведный бо еси судия – не ты повинень моей смерти, но азъ самъ". Дракула же расмияся и рече: "Аще бы ми еси не тако отвѣщал, воистину бы был еси на семь колѣ". И почти его велми и, одаривъ, отпусти <...>». Во второй части фрагмента рассказывается о том, что Дракула, когда какой-нибудь посол «не умѣаше противъ кознем кто отвѣщати, то на колъ его всажаше». При этом «зломудрый испытатель» сопровождал

решение о казни словесным пояснением, обращенным к несчастному: тот должен винить в произошедшем не Дракулу, а своего государя, назначившего на эту ответственную должность «малоумна и не научена».

Два изображения Матвея Корвина

Фрагмент десятый. Дракула скрывает клад в бочках и убивает мастеров, которые их изготовили. Дракула топит бочки с золотом в реке. «А мастеровъ тѣхъ посѣщи повелѣ, да никтоже увѣсть съдѣланнаго имѣ окаянства, токмо тезоимениты ему дьяволѣ». Сокрытие клада сближает Дракулу с представителями «антимира» – колдунами и разбойниками: «Согласно фольклорным представлениям, клады прячут разбойники и колдуны <...>. В "Сказании" все прямо названо своими именами: автор как бы расшифровывает миф, подчеркивая, что валашский государь не просто тезка дьявола, но и действует словно колдун, по определению с дьяволом связанный» [24, с.159].

Фрагмент одиннадцатый. Дракула посажен в темницу венгерским королем. Войско короля Матвея Корвина («Маттѣаша») и войско Дракулы сходятся в бою: «и ударишась обои, и ухватиша Дракулу жива, от своихъ изданъ по крамолѣ». Король сажает пленного валашского государя в тюрьму, а на его место назначает другого правителя.

Валашский господарь попадает в плен вследствие измены собственных воинов, что свидетельствует о ненависти подданных к нему – о провале его принципов управления государством, основанных на репрессиях, на страхе. Дракула оказывается несостоятелен как государь – он «неэффективный менеджер», причем в высшей степени.

Фрагмент двенадцатый. В заточении Дракула по предложению венгерского короля переходит в католичество, чтобы вернуться на престол. После смерти прежнего наместника Валахии венгерский король предлагает Дракуле свободу и прежнюю власть, если тот перейдет в католичество. Дракула соглашается, женится на королевской сестре¹⁰ и возвращается на валашский престол. Он после этого прожил еще около 10 лет и умер католиком.

Автор «Повести» трактует принятие Дракулой католичества совершенно однозначно – как отречение от истинной веры, как поступок, который обрек его душу аду: «Увы, не возможе темничныя временныя тяготы понести, и уготовася на бесконечное мучение, и остави православную нашу вѣру, и приять латыньскую прелесть (прельщение, соблазн. – *А.Р.*)». Предавая православию, Дракула демонстрирует слабость: он не смог вынести тягот заключения. Но, кроме того, как можно предположить исходя из характеристики героя «Повести», узником движут властолюбие и жажда кровопролития: чтобы совершать казни, Дракуле нужна власть. А жить, не лишая других жизни, он не может. Об этом свидетельствует следующий фрагмент «Повести».

Смерть Дракулы автор трактует как раннюю, преждевременную: «Пожив же мало, яко 10 лѣт, и тако скончася в той прельсти». Допустимо предположить, что ранняя кончина валашского князя – возмездие за измену истинной вере. Оценка Дракулы в этом фрагменте однозначно негативная.

Фрагмент тринадцатый. Дракула в темнице казнит мышей и птиц. Автор сообщает о пребывании Дракулы в тюрьме: «Глаголют же о немь, яко, и в темници сѣдя, не остана своего злаго обычая, но мыши ловя и птицы на торгу покупая, и тако казняше ихъ, ову на колъ посажаше, а иной главу отсѣкаше, а со иныя, перие оципавъ, пускаше. И научися шити и тѣмъ в темници кормляшесь».

Садистские наклонности Дракулы требуют себе выхода, и теперь он переключается на животных, которых, впрочем, предает иногда тем же

¹⁰ Это известие «Повести» недостоверно. Возможно, супруга Влада Цепеша была родственницей (но не сестрой) короля, возможно же, принадлежала к венгерской знати.

казням, что и людей (сажает на кол). Поведение Дракулы («злой обычай») характеризует его однозначно отрицательно.

Пребывание в темнице – время глубочайшего унижения, падения бывшего валашского воеводы, который вынужден кормить себя шитьем.

Фрагмент четырнадцатый. Дракула освобождает преступника и убивает венгерского пристава. После освобождения из темницы, но до возвращения в Валахию Дракула некоторое время живет в доме в Пеште, который ему дал венгерский король. Однажды во двор к Дракуле прибегает и прячется некий преступник («злодѣй»). Венгерский пристав с подначальными людьми врываются в дом Дракулы, находят преступника и выводят его. Прознавший об этом Дракула отсекает пристава мечом голову, а злодея отпускает. Королю он объясняет свой поступок так: «Зло никое ж учиних, но онъ самъ себе убил; находя разбойнически на великаго государя домъ, всякъ такъ погибнетъ. Аще ли то ко мнѣ пришел бы, явил, и азъ во своемъ дому нашел бы того злодѣя, или бы выдать, или простил его от смерти». Когда об этом поведали королю, тот «нача смѣяться и дивитись его сердцю».

Поступок и речь Дракулы свидетельствуют о его горделивости и гипертрофированном чувстве чести: Дракула дом, выделенный ему королем, считает собственным пространством, на которое не распространяется власть и юрисдикция короля. Вторжение пристава и арест им преступника на территории Дракулы валашский князь оценивает как произвол и самоуправство. Мало того, Дракула приписывает себе и право суда на этой территории, причем из упрямства допускает возможность прощения виновного. (Собственно, он и прощает этого преступника, отпуская прочь.) Здесь он пренебрегает принципом «суровой справедливости», которому вроде бы следовал, безжалостно наказывая татей в родной Валахии. Как можно предположить, для Дракулы важен не нравственно-правовой принцип сам по себе, а то, кто именно этот принцип осуществляет: своих виновных подданных он безжалостно казнит, утверждая собственную волю, а подданного короля отпускает, также утверждая свою волю – на сей раз как своеволие, вопреки закону и справедливости.

Фрагмент пятнадцатый. Гибель Дракулы. На землю Дракулы нападают турки, валашский князь побеждает их и преследует: «<...> И же удари на них, и побѣгоша турци. Дракулино же войско безъ милости начаша их сѣщи и гнаша их. Дракула же от радости възгнавъ на гору, да видить, како сѣкуть турковъ, и отторгся от войска; ближнии его, мнящись яко турчинъ, и удари его единъ копиемъ. Он же видѣвъ, яко от сво-

их убиваемъ, и ту уби своих убийць мечем своимъ 5, его же мнозиими копии сбодоша, и тако убиень бысть».

Эпизод наделен глубоким символическим смыслом и контрастно соотношен с первым фрагментом «Повести», в котором Дракула также был представлен как победитель турок. На сей раз в отличие от более ранней войны с султаном победа увенчивается не торжеством, а гибелью героя. При этом сам Дракула символически уподоблен нечестивым иноверцам: свои убивают его, приняв за турка. Интересно, что Дракула не пытается назвать себя и объяснить собственным воинам их ошибку: он не снисходит до объяснения с ними и предпочитает гибель. Можно понять его поведение и так: жажда убийства берет в валашском государе верх над благородием: он поражает насмерть пятерых своих воинов и гибнет сам. Впрочем, памятуя о том, что некогда Дракула был выдан своими ратниками венграм, мы можем предположить, что ненависть к своему правителю-извергу проявилась и здесь и что убийство Дракулы было не ошибочным, а намеренным. Автор, однако, об этом прямо не сообщает.

Абсурдная смерть «зломудрого» государя, принятая от руки своих же людей, – очевидно, выражение божественного возмездия «дьяволу Дракуле».

Фрагмент шестнадцатый и последний. Судьба семьи Дракулы и валашского престола. После гибели Дракулы венгерский король возвращает к себе его вдову и двух сыновей Дракулы – ее детей. В Венгрии оказывается и третий сын Дракулы Михаил, прижитый им до брака: «еще не женився, прижил его Дракула съ единою дѣвкою». Валашский престол переходит к другим государям, не являющимся детьми «зломудрого» Дракулы.

Утрата валашского престола детьми Дракулы должна однозначно интерпретироваться как Божье наказание за грехи родителя. Из упоминания о незаконнорожденном сыне Дракулы Михаиле выясняется, что Дракула сам повинен в блудном грехе, за который жестоко наказывал женщин. Из текста «Повести» отнюдь не следует, что отец Михаила казнил его согрешившую незамужнюю («дѣвку») мать. Получается, что Дракула отнюдь не во всем верен «суровой справедливости»: для себя и для своих близких он делает исключение, что должно развеять представление о нем как о слугителе принципу жестокого, но справедливого воздаяния.

Список сокращений

БЛДР. – Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука.

ТОДРЛ. – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР / РАН.

Библиографический список

1. Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. М.: Индрик, 2011. 392 с.
2. БЛДР. 1999. Т.2: XI–XII века. 556 с.
3. БЛДР. 1999. Т.3: XI–XII века. 414 с.
4. БЛДР. 1999. Т.7: Вторая половина XV века. 81 с.
5. БЛДР. 2003. Т.8: XIV–XVI века. 582 с.
6. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Территория будущего, 2006. 368 с.
7. Вернадский Г.В. Россия в средние века / Пер. с англ. Е.П.Беренштейна, Б.М.Губмана, О.В.Строгановой. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 2001. 352 с.
8. [Веселовский А.Н.] Собр. соч. Александра Николаевича Веселовского. Пг.: 12-я гос. тип., 1921. Т.8 (3-я сер. Т.1). Вып.1: Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. 416 с.
9. Виролайнен М.Н. Загадки княгини Ольги (Исторические предания об Олеге и Ольге в мифологическом контексте) // Русское подвижничество / Сост. Т.Б.Князевская; отв. ред. Б.В.Раушенбах. СПб.: Наука, 1996. С.64–71.
10. [Востоков А.Х.] Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб.: В тип. имп. Акад. наук, 1842. 899 с.
11. Гинзбург К. Верх и низ. Тема запретного знания в XVI–XVII веках // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. Сб. ст. / Пер. с итал. и послесл. С.Л.Козлова. М.: Новое изд-во, 2004. С.133–158.
12. Голубинский Е.Е. История русской церкви. 2-е изд., испр. и доп. М.: Унив. тип., 1901. Т.1: Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. 968 с.
13. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подгот. к изд. Я.Н.Щапов. М.: Наука, 1976. 241 с.
14. Зимин А.А. Иван Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 498 с.
15. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. 336 с.
16. «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Вступ. ст. Д.С.Лихачева; сост. и общ. ред. Л.А.Дмитриева, Д.С.Лихачева. М.: Художеств. лит., 1969. 800 с.
17. Каравашкин А.В. Литературный обычай Древней Руси. М.: РОССПЭН, 2011. 544 с.
18. Карамзин Н.М. История государства Российского / Изд. под наблюдением П.Н.Полевого. СПб.: Изд. и тип. Евг.Евдокимова, 1892. Т.7. 62 с.
19. Кормчая книга. М., 1650. 679 листов.
20. Лурье Я.С. Литература в период образования единого Русского государства. Элементы Возрождения в русской литературе. Середина XV – XVI век // История русской лите-

- ратуры: В 4 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. Т.1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. С.185–290.
21. Лурье Я.С. Русские современники Возрождения: Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л.: Наука, Ленингр. отд, 1988. 161 с.
 22. Лурье Я.С., Григоренко А.Ю. Курицын Федор Васильевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Л.: Наука, 1988. Вып.2 (XIV – вторая половина XVI в.). Ч.1: А–К / Отв. ред. Д.С.Лихачев. С.504–510.
 23. Михайлова Т.А., Одесский М.П. Граф Дракула: Опыт описания. М.: ОГИ, 2009. 208 с.
 24. Одесский М.П. Румыния в «Сказании о Дракуле воеводе» // Древнерусская литература: тема Запада в XIII–XV вв. и повествовательное творчество / Отв. ред. О.В.Гладкова. М.: Азбуковник, 2002. С.151–166.
 25. Одесский М. Явление вампира // Стокер Б. Дракула: [роман] / Пер. с англ., примеч. Т.Красавченко. М.: Энигма, 2007. С.7–56.
 26. Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха. Статья первая // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1983. Т.37. С.54–78.
 27. Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д.С.Лихачева / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 667 с.
 28. Повесть о Дракуле / Исслед. и подгот. текстов Я.С.Лурье. М.; Л.: Наука, 1964. 213 с.
 29. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М.: Юрид. лит., 1984. Т.1 / Под ред. О.И.Чистякова. 432 с.
 30. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб.: Академ. проект, 2003. 736 с.
 31. Смирнов С.И. Древнерусский духовник: Исследование с приложением: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М.: Синод. тип., 1913. 290 с.
 32. [Срезневский И.И.] Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И.И. Срезневского. СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1893. Т.1: А–К. 771 с.
 33. Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV–XVII вв. / Изд. подгот. О.П.Лихачева, Я.С.Лурье; пер. греч. текста Е.Э.Гранстрем, В.С.Шандровской. Л.: Наука, 1969. 252 с.
 34. Судебник Ивана III // Библиотека Якова Кротова. URL: http://krotov.info/acts/16/2/pravo_01.htm (дата обращения: 11.01.2017).
 35. Ужанков А.Н. Лекция 15. Сказание о Дракуле Воеводе. Повесть о Дмитрие Басарге. URL: <https://get-tune.cc/song/5209829-a.n.-uzhankov/63991259-lekciya-15.-skazanie-o-drakule-voevode.-povest-o-dmitrii-basarge/> (дата обращения: 12.01.2017).
 36. Цыпин В.А. Церковное право. 2-е изд. М.: Изд-во МФТИ, 1996. 426 с.
 37. Чекова И. Летописное повествование о княгине Ольге под 6543 г. в свете русской народной сказки: Опыт определения жанровой природы // Старобългарска литература. 1990. Кн.23–24. С.77–98.
 38. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков / Отв. ред. А.А.Никольский. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т.2. 429 с.
 39. Шайкин А.А. История и сказка в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т.57. С.60–78.
 40. [Шевырев С.П.] История русской словесности. Лекции Степана Шевырева, ординарного академика и профессора. М.: В тип. Бахметева, 1860. Часть четвертая, содержащая XV-е столетие и начало XVI-го. 198 с.

«ПОВЕСТЬ О ДРАКУЛЕ» И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОБРОДЕТЕЛЬНОМ И «ЗЛОМ» ГОСУДАРЕ

41. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. 338 с.
42. Юсим М.А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна: Этика Макиавелли в России. М.: Канон+, 2011. 669 с.
43. Острозька Библия / Опрацював та приготував до друку ерм. архи-мандрит др. Рафаїл (Роман Турконяк). Київ; Львів: Українське Біблійне товариство; Благодійний фонд «Книга», 2006. 1957 с.
44. Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus 750–1200. L.; N.Y.: Longman, 1996. 450 p.
45. Levin E. Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900–1700. Ithaca & L.: Cornell Univ. Press, 1989. 382 p.

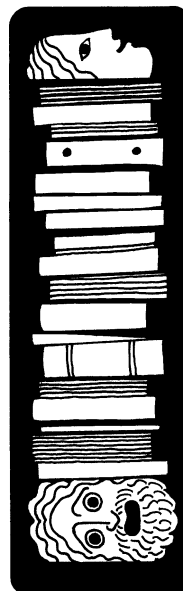
(Окончание следует)

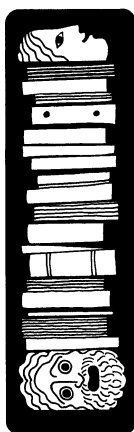
В повседневной жизни человек слеп к очевидности. Чтобы она стала зримой, необходимы вот такие исключительные обстоятельства. Необходим этот дождь восходящих огней, необходимы эти надвигающиеся на тебя копы, необходимо, наконец, чтобы ты предстал перед этим трибуналом для Страшного суда. Вот тогда ты поймёшь.

Антуан де Сент-Экзюпери

Вам кажется, что организация государства – рациональная организация. Но поистине безумно подчинение власти государства, и все революционные идеологии строятся во имя рационалистического восстания против этой власти. Революция всегда хочет разрушить священный гипноз власти. Но сама она немедленно же попадает во власть другого гипноза. Существует неразрушимая магия власти, которая лишь переходит из одного состояния в другое.

Н.А.Бердяев

Любовь Лазарева

МОСКОВСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЕСНЫ 1952 ГОДА

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ
ГОСТЕЙ

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК

94(47) "1952"

На базе фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) идет работа над научно-издательскими проектами: «Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии (1947–1953)» и «Социальное наследие позднего сталинизма». В данной статье анализируются материалы Международного Экономического Совещания 1952 года, которые иллюстрируют значение внешнеполитического аспекта для выбора советским руководством народнохозяйственной стратегии. Привлекателен и другой аспект проблемы. Отчеты переводчиков, работавших с иностранными делегациями, дают уникальную возможность «заглянуть» в повседневность московской весны 1952 г., задействовав «взгляд извне» – впечатления иностранцев, – которые, опираясь на картину обыденной жизни советских граждан, попытались сформировать свое отношение к завоеваниям и упущениям социализма.

The work on scientific and publishing projects “Stalin’s economic heritage: Plans and discussions (1947–1953)” and “Social heritage of the late Stalinism” goes on the basis of the Russian State archive of social-political history”. This article deals with analysis of the International Economic Conference held of 1952. These materials demonstrate significance of economic aspect for the Soviet leadership’s choice of national economic strategy. Another aspect of the problem is attractive too. Reports of interpreters who worked with foreign delegation provide a unique opportunity to look into the humdrum of Moscow spring of 1952 through the “glance from without”, i.e. impressions of foreigners who tried to form their own attitude to achievements and omissions of Socialism while relying on the picture of common everyday life.

Ключевые слова: поздний сталинизм; внешняя политика; советская повседневность; уровень жизни; народное хозяйство; международное совещание; публикация источника.

Key words: late Stalinism; foreign policy; the Soviet humdrum; standard of life; national economy; international conference; publication of a source.

E-mail: Laz_dom@mail.ru

Международное экономическое совещание состоялось с 3 по 12 апреля 1952 г. в Москве. В нем участвовал 471 человек из 50 стран мира: 339 человек из 38 капиталистических стран, 132 представителя стран «народной демократии»: ГДР, Китая, Вьетнама, Монгольской и Корейской республик [2, л.92–94].

Целью совещания со стороны СССР было определить и максимально детализировать стратегию внешнеполитической деятельности страны в послевоенных условиях, а также конкретизировать возможности импортных и экспортных сделок с основными странами тогдашнего мира (Специально о совещании см.: [8]).

Больше всего в Москву приехало представителей торговых фирм и финансовых кругов (38,7% от общего числа участников Совещания). Меньше было промышленников и аграриев (22,5%). Таможенники в докладе о проследовавших через Прагу гостях резюмировали: «люди как весьма прогрессивного мировоззрения (даже члены соответствующих компартий), так и социалисты-демократы разных оттенков, либералы, консерваторы и даже реакционеры». Ехали они, невзирая на свои политические убеждения, чтобы «осуществлять интересы своих собственных предприятий (поиски рынков сбыта, источников покупок, представительства и пр[очие])» [1, д.790, л.348, 349–357].

Бизнесмены, попав за «железный занавес», стремились составить собственное мнение о «стране победившего социализма». Они просили организовать им поездки на заводы и в колхозы, хотели «побывать там, где нет иностранцев, посмотреть на русских людей», интересовались ценами в магазинах, напрашивались в гости к переводчикам, пытались беседовать на улицах с прохожими. Большинство собиралось использовать выпавший им шанс, чтобы «увидеть собственными глазами Москву и на родине... рассказывать правду» [1, д.798, л.6 об., 12].

Принимающая сторона придавала большое значение возможности «разоблачить буржуазную пропаганду». Переводчики старались «не ударить лицом в грязь» и убедить в преимуществах советского строя своих клиентов. Поэтому объекты для посещения выбирались тщательно, информация предоставлялась максимально «профильтрованная». Гостям традиционно показывали достопримечательности Кремля, Третьяковскую галерею, Большой театр, строящиеся здание МГУ и дом на Котельнической набережной, специально подобранные школы и детские сады и т.д.

В детском саду

В метро

Это раздражало бизнесменов, отдававших себе отчет в том, что их мнением пытаются умело «манипулировать». Переводчики в сообщениях в ЦК ВКП (б) скрупулезно фиксировали их сетования: «У Махалицкого¹ создается впечатление, что от него всё скрывают, "боятся, как бы я с собой не унёс что-нибудь в Австрию"» [1, д.798, л.12 об.].

Не обошлось без казусов. Делегация Великобритании, чтобы восполнить информационные «пробелы», самостоятельно собрала данные о ценах, узнавая их в магазинах и на рынках [1, д.791, л.126], и затем попыталась распространить свое «исследование» среди участников заседания.

¹ Махалицкий Фридрих, член делегации Австрии, владелец экспортно-импортной фирмы в г. Инсбрук, член руководства торговой палаты Тироля.

Необходимо отметить, опираясь на мнение главы Британской делегации лорда Бойд-Орра², что большинство ее членов относилось к СССР с симпатией [1, д.798, л.73]. Этим можно объяснить то, что собранные англичанами данные благожелательно описывали уровень жизни москвичей 1952 г.: «...В продовольственных магазинах и на рынках имеются в изобилии хлеб, картофель, мясо, птица, рыба, сыр, сливочное масло и яйца. Цены на эти товары приблизительно такие же, как и у нас, и товары эти, разумеется, не нормированы. Тот факт, что ассортимент фруктов и овощей сейчас ограничен, объясняется, вероятно, сезоном. Шоколад стоит дорого. Занимаясь вопросами о ценах на продовольствие, мы должны также помнить о том, что столовые на предприятиях и в школах предоставляют желающим трехразовое питание. <...> Одежда сравнительно дорога и качество ее сравнительно невысоко. <...> Цены на такие промышленные товары, как авторучки, пишущие машинки, пылесосы, приблизительно такие же, как у нас. Предметы роскоши очень дороги. Книги, ноты, билеты на оперные, балетные, драматические представления и на концерты стоят сравнительно недорого, и спрос на них зачастую превышает предложение. Стоимость, удобство, быстрота и доступность транспорта, кажется, приблизительно таковы же, как и в Англии...» [1, д.798, л.170–177].

Англичане не были одиноки. Так, индийские делегаты, Махаланобис и Пант³, доставляли не меньше хлопот. Они потребовали «...прейскурант на продукты и промтовары, примерные сведения о зарплате самой маленькой и самой большой, брошюру о принципах снижения цен на те или иные продукты, стоимость проезда на всех видах транспорта в Москве, а также в пригородных поездах и поездах дальнего следования во всех классах, примерный бюджет различных семей». Убедившись, что информация не будет им предоставлена, иностранцы проявили завидное упорство – записывали цены на всё, что видели: газеты, журналы, табак и т.д. Спустя несколько дней, сославшись на

² Бойд-Орр, Джон (1880–1971) – глава делегации Великобритании на Московском экономическом совещании, английский ученый, биолог, основатель и первый генеральный директор Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций ООН (ФАО).

³ Махаланобис Прасанта Чандра – член делегации Индии, директор института статистики в Калькутте. В списках участников Совещания отмечено, что прибыл в качестве наблюдателя по личному поручению Неру.

Пант Питамбар – личный секретарь профессора Махаланобиса, экономист.

дороговизну ресторана, попросили отвести их в столовую и достать для них план метро. Переводчик резюмировал: индийские делегаты интересуются «вообще всеми "хорошими и плохими" сторонами жизни советских людей» [1, д.799, л. 30, 43, 49].

С настоятелем Храма

Гости ожидали увидеть Москву в худшем состоянии. За ужином в гостинице их удивляло, что картошку жарят на масле: «в Европе везде... используется маргарин» [1, д.799, л.5]. Отмечали, что «много магазинов и везде всё покупают». Ранее уже посещавшие Советский Союз считали, что город быстро развивается и сильно изменился за последние два-три года [1, д.798, л.105 об., 188].

Удивление иностранцев понятно: СССР восстанавливал народное хозяйство, опираясь только на свои силы, но уже в 1947 году смог отменить карточки и ввести единые расценки для всей государственной торговли. Согласно данным ЦСУ, к 1948 г. потребление таких продуктов, как крупа, молоко, сахар, было уже

выше, чем довоенное, а потребление хлеба, жиров и рыбы к нему приближалось. К 1950 г. довоенный уровень питания был превзойден [4, с.91–95, 112].

Необходимо отметить, что современными исследователями установлено: довоенный уровень жизни в СССР был значительно ниже, чем в царской России [3, с.346]. Сравнение показателей по основным продуктам питания красноречиво расставляет всё на свои места: на душу населения в год в 1913 г. приходилось 200 кг хлеба, в 1950 – 172 кг. Соответственно: мяса 27 и 24 кг, молока 154 и 143 кг, рыбы 6,7 и 5,1 кг. Безусловно, до «изобилия» в 1952 г. было еще очень далеко. Даже в 1954 г. на душу населения от научно обоснованных норм потребления в сутки приходилось 74% белков, 58% жиров, 50% витамина А, 61% витамина С. Несмотря на то, что в рационе преобладали углеводы (т.е. хлеб и

картофель)⁴, общая калорийность за сутки составляла только 92% [5, с.127–128].

Иностранцы в своих оценках опирались на то, что видели на прилавках столичных магазинов. Качество питания сельского и городского населения существенно различалось. Например, в 1954 г. потребление хлеба на селе составляло 193 кг в год на душу населения, а в городе – 169 кг. Мяса соответственно 27 и 36, рыбы 3 и 14, молока 176 и 174, сахара 8 и 30 кг [5, с.127–128]. К тому же сталинская Москва выступала в качестве «витрины» достижений советского строя и уровень жизни здесь был, конечно, выше, чем на периферии.

Как справедливо отметили в своем «исследовании» англичане, промышленные товары в СССР были очень дорогими. Несмотря на то, что с 1947 по 1953 г. цены на непродовольственные товары были снижены на 43%, 1 апреля 1953 г. пара мужских сапог на кожаной подошве стоила 202 руб., шерстяное пальто (48–50 размера) – 732 руб., шерстяной костюм – 482 руб., платье – 151 руб. [7, с.515–526].

В 1952 г. зарплата рабочих и служащих (в среднем по народному хозяйству) в месяц составляла 674 руб. Уровень ее зависел от отрасли: в промышленности это было 754 руб., в строительстве – 655 руб., в совхозах, подсобных сельскохозяйственных предприятиях и МТС – 422 руб., в просвещении – 715 руб., в здравоохранении – 499 руб., в аппарате органов государственного и хозяйственного управления – 710 руб. [20, с.501]. Зависел уровень зарплаты (и соответственно – жизни) и от квалификации. По данным ЦСУ, в среднем общий доход семьи в год у квалифицированных рабочих составлял 18 561 рубль, а у малоквалифицированных – 14 966 рублей [17, с.107].

В колхозах заработной платы не было предусмотрено. После расчетов с государством средние выдачи на один трудодень колхозникам и рабочим тракторных бригад в колхозах составляли (1952): 1,8 кг зерна; 0,2 кг картофеля; 1,44 рубля [21, с.253].

В начале 1950-х годов еще оставались роскошью для многих семей не только велосипед (592 руб.), но и швейная машинка (583 руб.) [18, с.525].

В апрельские дни 1952 г., отмечая наплыв народа в магазинах, гости удивлялись «покупательной способности» населения. Переводчики объясняли иностранцам: «все хотят хорошо кушать и хорошо одеваться» [1, д.788, л.105 об., 200]. Можно предположить, что активность москви-

⁴ 116% научно обоснованной нормы.

чей была связана с прошедшим незадолго перед началом Международного экономического совещания⁵ очередным снижением цен. Не исключая большой пропагандистский эффект данного мероприятия, нужно отметить важность его как элемента сталинской экономической модели. От предприятий государство требовало снижения себестоимости, в плановом порядке происходил пересмотр оптовых цен и, соответственно, розничных.

С момента отмены (декабрь 1947 г.) карточной системы по апрель 1953 г. цены снижались 6 раз. В результате они были ниже, чем в IV квартале 1947 г. в 2,2 раза, но выше цен 1937 г. на 59%. Если опираться на данные ЦСУ о росте реального объема денежных доходов населения в 1953 г. в 2 раза по сравнению с 1937 г., то можно сделать вывод: платежеспособный спрос населения вырос по отношению к довоенному периоду [7, с.525]. Выгода населения от снижения цен в расчете на год составила, согласно данным ЦСУ: от первого снижения – 57 млрд руб., от второго – 48 млрд руб., от третьего – 80 млрд руб., от четвертого – 27,5 млрд руб., от пятого – 24 млрд руб., от шестого – 46 млрд руб. [6, с.527].

Цены государственной торговли сдерживали рыночные. Так, из расчета на год, сумма снижения цен составила (в млрд руб.) в кооперативной торговле и на колхозном рынке в декабре 1947 г. – 29, в 1949 г. – 23, в 1950 г. – 30, в 1951 г. – 7, в 1952 г. – 5 [14, с.102].

Правда, медаль имела две стороны. Снижение цен на колхозном рынке больно било по благосостоянию колхозников⁶. Чтобы расплатиться с налогами, они выставляли на продажу отнюдь не излишки, а продукцию, произведенную для семьи на своих личных приусадебных хозяйствах. В 1952 г. крестьяне и единоличники выплатили государству в форме сельхозналога 8,7 млрд руб. Хозяйство среднего колхозника, имевшего 1 корову, 2 овцы, 1 свинью, 0,15 га посевов картофеля и 0,05 га посевов овощей, облагалось сельхозналогом в размере 1 116 руб. [9, с.66]. Поэтому представление об уровне жизни советских граждан в 1952 г. дают данные о структуре денежного расхода в бюджете обследуемых семей рабочих [16, с.112]. Почти половина дохода (43,8%) шла на продукты питания. На непродовольственные товары – 23,7% (из них на покупку одежды, обуви и т.п. только 17,7%). Коммунальные услуги

⁵ 1 апреля 1952 г. состоялось пятое плановое снижение розничных цен.

⁶ В начале 1953 г. И.В.Сталин предложил повысить налоги на колхозы и личные хозяйства сельских жителей на 40 млрд руб. [11, с.447].

МОСКОВСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЕСНЫ 1952 ГОДА

составляли 3,9%. На культурно-просветительные и бытовые нужды тратилось 5,4% от бюджета семьи.

Еще красноречивее уровень жизни в СССР показывают такие цифры: в 1950 г. на душу населения в среднем было реализовано 16,3 кв. м ткани (причем из них 13,8 кв. м х/б, 1,25 кв. м шерстяной и 0,55 кв. м шелковой), 1,12 пары кожаной обуви, 3,96 кг мыла [19, с.131].

Так что, несмотря на позитивные тенденции роста, можно констатировать: уровень жизни в 1952 г. был достаточно низким, обеспечивая большинству необходимый минимум, но не больше того.

Поэтому переводчики всячески препятствовали реализации желания иностранных гостей проникнуть «в гости» к советским гражданам и посмотреть на жизнь обычной московской семьи. Что могли увидеть иностранцы? Несмотря на то, что за 1946–1952 гг. в жилищное строительство в городах и рабочих поселках было вложено 80,3 млрд руб.⁷ и ввод в действие государственного жилищного фонда составил 111,2 млн кв.м⁸, в Москве (1952) еще 337 тысяч человек проживало в бараках [15,

Стройка жилого дома на Можайском шоссе

⁷ В сметных ценах, введенных с 1 июля 1950 г.

⁸ Кроме того, в городах и рабочих поселках за период 1946–1952 гг. населением с помощью государственного кредита было построено жилых домов общей площадью 45,1 млн кв. м [15, с.174–182]).

с.174–182]. На одного постоянно проживающего приходилось в среднем 5,1 кв. м жилой площади⁹.

Через тщательно профильтрованную информацию пробивалась реальность повседневной жизни москвичей.

На I-м Государственном подшипниковом заводе

Иностранцев удивляло такое большое количество женщин, занятых на тяжелых работах и в мужских специальностях: машинист в метро, в литейном цехе завода им. Сталина (ЗиС), дворник [1, д.799, л.156, 14, 102]. Военные потери привели к тому, что в 1946 г. на 96,2 млн женщин приходилось 74,4 млн мужчин [10, с.16]. Поэтому, несмотря на возвращение демобилизовавшихся, женщины по-прежнему трудились на тяжелых работах.

Гнетущее впечатление посещение ЗиС произвело на австрийскую делегацию, даже вечером обсуждавшую условия труда «тех мужчин и женщин, которые работают в этом "аду"», показавшихся им очень усталыми и худыми. Бизнесмены отметили, что «рабочие не имеют возможности даже вытереть пот с лица» [1, д.798, л.14].

Не вызвал восторга завод малолитражных автомобилей и у представителей Индии, отметивших, что в Америке заводы намного лучше. Скорее, иностранных гостей интересовал советский менеджмент. [1, д.799, л.34].

Въедливо, вникая в мелочи, осматривали советское производство англичане. Заглянули даже в уборную. Делегатов Великобритании возмутило пренебрежение техникой безопасности, отсутствие у многих спецовок, не понравились и карикатуры в заводской газете [1, д.798, л.84–86 об.].

⁹ С учетом временно проживающих и непрописанных цифра будет еще меньше.

МОСКОВСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЕСНЫ 1952 ГОДА

В сталинской экономической модели, где государство выступало в роли огромной фабрики, трудовые коллективы ставились перед необходимостью постоянно повышать производительность труда. Плановики, основываясь на достижениях стахановцев, устанавливали прогрессивные нормы затрат труда и материалов. Они были ниже, чем у ударников труда, но выше действующих. Правило – рост производительности труда должен превышать рост заработной платы – было аксиомой для «сталинских» экономистов [13, с.444, 459]. В V пятилетку (1951–1955) более 2/3 прироста промышленной продукции было получено за счет повышения производительности труда, рост которой обгонял рост численности работников (Составлено по: [12, с.25, 52]):

	1951	1952	1953	1954	1955
Рост численности рабочих и служащих, в % к предыдущему году	104,08	102,26	107,43	104,91	101,91
Рост производительности труда в промышленности, в % к предыдущему году	110	107	106	107	108

Иностранцы уезжали из Москвы с надеждами на выгодные торговые сделки. Но вскоре советское руководство сочло идеи Совещания преждевременными.

Без корректировки внешнеполитического курса невозможно было «смягчить» мобилизационную модель экономики и поднять уровень жизни населения. Наследникам Сталина на властном Олимпе, уже после его смерти, пришлось вернуться к идеям, звучавшим в апреле 1952 г. с трибуны Колонного зала Дома Союзов. Поэтому самым важным итогом Совещания, сделавшим возможным в дальнейшем реализацию запроса на политику сосуществования государств с различными социально-экономическими системами, можно считать возвращение иностранцев на родину «с мыслью о возможности мирных отношений между США и СССР» [1, д.798, л.52 об.].

Публикуемые материалы хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ): фонд 17 (ЦК КПСС) – документы Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП (б). Отчеты переводчиков, сопровождавших иностранцев во время Международного экономического совещания, представляют собой листы бумаги, часто вырванные из тетрадей или блокнотов, покрытые рукописным текстом с двух сторон. К сожалению, авторы не всегда писали разборчиво. К тому же в текстах много зачеркиваний и исправлений. Тем не менее редкая возможность «увидеть» глазами современников москов-

скую повседневность, узнать о впечатлениях зарубежных гостей, сравнивавших советскую действительность с привычным им миром, делают отобранные для публикации материалы интересными широкому кругу читателей. Публикуемые документы воспроизводятся с сохранением их стилистических и терминологических особенностей. Пометы в тексте и на полях приведены в примечаниях. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Подчеркивания оригинала воспроизводятся. Сведения о ряде участников Международного экономического совещания выяснить не удалось. Используются фотографии из журнала Советский Союз. 1952. №4.

Из отчетов переводчиков делегации Австрии

[...] 5 апреля члены австрийской делегации посетили концертный зал им[ени] Чайковского.

Помещение концертного зала очень им понравилось. Восторженно отзывались об ансамбле народного танца под управлением Игоря Моисеева, понравилось и музыкальное сопровождение¹⁰.

6-го апреля член австрийской делегации Юрак¹¹ осматривал станции метро. Пришел в восторг, сказал, что нельзя говорить даже о сравнении с метро за границей.

При посещении Третьяковской галереи проводили сравнение мастерства русских художников с западными. Очень понравилась реалистичность советских художников.

При осмотре города Москвы удивлялись на сильное уличное движение, на многочисленных пешеходов. Не понравилось оформление витрины при помощи бутафории. Удивлялись на скорость строительства в Москве, интересовались, кто будет жить в новых домах, что там будет.

После осмотра нового здания университета среди делегатов разгорелся спор. Член делег[ации] Штрагер¹² пришел в восторг от того, что здание построено так быстро, что на строительство привлечено много техники. И предложил перенять это и австрийцам, при этом он не стеснялся в выражениях по отношению к австрийцам. Член делегации

¹⁰ Абзац выделен по левому полю двумя вертикальными чертами.

¹¹ Юрак Карл Иоган – член австрийской делегации, генеральный директор фирмы «Штадльбауэр и Сын» [2, л.107]. Данные об иностранных гостях взяты из Списка участников МЭС, прибывших в Москву [2, л.95–131].

¹² Штрагер Эгон – член австрийской делегации, владелец фирмы «М.А.В.» (производство машин, аппаратуры и инструментов) [2, л.107].

Шахнер¹³ предложил ему иметь национальную гордость и прекратить спор.

Все члены делегации интересовались, есть ли у нас ограничение при покупке продуктов, существуют ли рынки¹⁴.

Удивлены, что много женщин заняты на работе (контролер, гардеробщик)¹⁵.

Ф.17. Оп.137. Д.798. Л.11–11 об. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф¹⁶.

Об австрийской делегации¹⁷

9.IV. состоялась экскурсия по ЗиС. Удивлены, что везде всё механизировано¹⁸. При посещении литейного цеха члены делегации Шахнер и Юрак были очень¹⁹ удивлены, что в цехе работает много женщин на такой тяжелой работе²⁰.

При осмотре главного конвейера Юрак обратил внимание гл[авы] делег[ации] Шахнера на то, что рабочие не имеют возможности даже вытереть пот с лица²¹.

Глава делег[ации] Шахнер обратил внимание на то, что²² все рабочие выглядят очень усталыми, изможденными, что все они очень худые²³.

Вечером после экскурсии он сказал, что ему²⁴ очень жаль тех мужчин и женщин, которые работают в этом «аду»²⁵.

Ф.17. Оп.137. Д.798. Л.14. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф²⁶.

¹³ Шахнер Юлиус – член австрийской делегации, фабрикант (галантерейные товары) и землевладелец [2, л.107].

¹⁴ Предложение выделено по левому полю вертикальной чертой.

¹⁵ Предложение выделено по левому полю вертикальной чертой.

¹⁶ Ниже подписи переводчика дата: 7 апреля 1952 года.

¹⁷ Заголовок документа.

¹⁸ Короткая вертикальная черта.

¹⁹ Короткая вертикальная черта.

²⁰ Короткая вертикальная черта.

²¹ Короткая вертикальная черта.

²² Короткая вертикальная черта.

²³ Короткая вертикальная черта.

²⁴ Короткая вертикальная черта.

²⁵ Короткая вертикальная черта.

Из отчетов переводчиков делегации Великобритании

[...] М[исте]р Асборн²⁷ интересовался, сколько получает шофер (он спрашивал именно о шофере, который вел машину). Я ответила, что он получает 1 000 рублей. Он поинтересовался моей профессией и окладом. Я ответила, что работаю преподавателем в школе и получаю 1 200, но что оклад учителя зависит от количества часов. Я сказала, что получаю 1 200 рублей за 18 часов в неделю [...] ²⁸.

Я спросила м[исте]ра Асборна, сколько нужно денег, чтобы прожить один день в Англии. Он мне ответил, что нужно около 2-х фунтов. [...] М[исте]р Асборн сказал, что он как член парламента получает на наши деньги 1 000 рублей. М[исте]р Асборн очень интересуется машиностроением и в течение 6 дней собирается побывать на крупном машиностроительном заводе и ознакомиться с центральным [...] ²⁹ на фабрике.

Ф.17. Оп.137. Д.798. Л.86–86 об. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф ³⁰.

11/ IV английская делегация посетила завод малолитражных машин в составе пяти человек: м[исте]р Асборн, Добб³¹, Хьюз³², Кэрнкросс³³ и Пристмэн³⁴. Делегаты очень интересовались, когда был построен завод, сколько человек работает на заводе, какой процент составляют женщины, какая самая низкая заработная плата рабочего, сколько стахановцев на заводе, сколько получает стахановец, с каких лет могут работать на заводе, сколько получает директор завода, назначается или избирается

²⁶ Ниже подписи переводчика дата: 10 апреля 1952 года.

²⁷ Асборн Генри Чарльз – член делегации Англии, член парламента, лейборист [2, л.98].

²⁸ Зачеркнуто.

²⁹ Неразборчиво.

³⁰ Левой подписи переводчика дата – 8 апреля.

³¹ Добб Морис Герберт – член английской делегации, профессор экономики Кембриджского университета, коммунист [2, Л.98].

³² Хьюз Эмрис – член английской делегации, член парламента, левый лейборист [2, л.97].

³³ Кэрнкросс Александр Киркленд – член английской делегации, профессор экономики университета в Глазго [2, л.97].

³⁴ Пристмэн Филип Дент – член английской делегации, управляющий машиностроительной фирмой «Холдернесс энджиниринг уоркс» в Гулле [2, л.97].

директор, кого назначает сам директор, сколько человек увольняется ежемесячно, могут ли уволенные найти работу, как реагирует профсоюз на увольнение рабочего, обсуждает ли директор с рабочими план работы, часто ли директор беседует с рабочими (собрания раз в месяц), есть ли рабочий комитет, как образуется этот комитет, сколько машин выпускает завод в неделю, все ли детали изготавливаются заводом, где обедают рабочие, сколько стоит обед (=5 руб[лей]). Делегаты сами посмотрели стоимость обеда, спрашивали, приносят ли рабочие еду с собой (берут обед в столовой).

Делегация была удивлена, что очень чисто на заводе, она осмотрела уборную и столовую.

Делегации не понравилось, что многие из женщин были без спецовок. М[исте]р Пристмэн сказал, что, кроме плакатов, напоминающих об опасностях, нужно окрашивать в красный цвет крючки и т.д.

Делегации очень понравился радушный приём, директор и все, которых они встречали.

М[исте]р Пристмэн посетил выставку строительных машин³⁵. Экскаваторы его очаровали, он написал отзыв о выставке. М[исте]р Пристмэн заявил, что нигде: ни в Америке, ни в Париже – он не видел таких чудесных машин.

М[исте]ру Пристмэну очень не понравились карикатуры в заводской стенной газете.

М[исте]р Пристмэн был восхищен службой в баптистской церкви, он сказал, что в Англии считают, что в Москве совершенно нет церквей.

Миссис Пристмэн была изумлена тем, что в нашей стране профессия врач – женская профессия. Она же заявила, что наш балет – верх искусства и что она очень рада, что в наших театрах нет «...»³⁶, чепухи, которой так много в [английских]³⁷ лондонских театрах. [...]

Ф.17. Оп.137. Д.798. Л.84–84 об. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф³⁸.

³⁵ Предложение выделено вертикальной чертой по левому полю.

³⁶ Неразборчиво.

³⁷ Зачеркнуто.

³⁸ Подпись переводчика под текстом в правом нижнем углу документа.

Из отчетов переводчика делегации Бельгии

Беерблок³⁹ – Бельгия

[...] 6-го апр[еля], осматривая метро, Беерблок был очевидно потрясен и часто восклицал: «Это великолепно, грандиозно» [...]

На выставке в ПКИО⁴⁰ он с любопытством осматривал легковые машины и очень огорчился, что ему не отпускают необходимое ему количество⁴¹. [...] По дороге в Посольство Беерблок выразил своё удивление, что много магазинов и везде всё покупают. Я ответила: «Как видите, все хотят хорошо кушать и хорошо одеваться».

9-го ездили в Детский сад №260 на Кр[асной] Пресне. Г[оспо]жа <...>⁴², Аллар⁴³, Кавенель⁴⁴, и Лоран⁴⁵. Всё их удивляло и умиляло. Аллар просил меня сказать детям, что он из цирка. Затем в кругу детей сел на пол, согнул ноги и начал выделывать различные сальто-мортале. Дети много смеялись и называли его клоун.

Г[оспо]жа <...>⁴⁶ сказала, что ничего подобного они у себя в Бельгии не имеют, уезжая, написали похвальный отзыв и дорогой все продолжали умиляться.

В Большом Театре от балета были просто ошеломлены: техникой постановки, хореографией, костюмами и красочностью. Г[оспо]жа <...>⁴⁷ даже хотела выразить свое восхищение дирижеру.

В театре я заметила, что г[осподи]н Лоран чихает, кашляет и сморкается. Взяла для него в театре у врача <...>⁴⁸ и стрептоцид. Это тоже всех

³⁹ Беерблок Робер Констан Клеман – администратор общества «Комина» (торговля автомобилями) [2, л.103].

⁴⁰ Парк культуры и отдыха.

⁴¹ Абзац выделен по левому полю вертикальной чертой.

⁴² Неразборчиво. Предположительно, речь идет о Элизабет Луизе Гризар – директоре антверпенской транспортно-экспедиторской фирмы «Сожемор» [2, л.103].

⁴³ Аллар Антуан Альберт, член делегации Бельгии, (барон), банкир, член административного совета промышленных обществ в Африке [2, л.103].

⁴⁴ Кавенель Эмиль Франсуа, член делегации Бельгии, промышленник, член Инициативного комитета по созыву МЭС [2, л.103].

⁴⁵ Уллис Лоран, член делегации Бельгии, представитель синдиката фабрикантов трикотажных изделий г. Кевокам (синдикат объединяет 18–20 предприятий), владелец трикотажной фабрики [2, л.103].

⁴⁶ Неразборчиво. Предположительно, речь идет о Элизабет Луизе Гризар.

⁴⁷ Неразборчиво. Предположительно, речь идет о Элизабет Луизе Гризар.

удивило, что в театре есть врач. Сегодня Лоран здоров и очень благодарен. [...]

Ф.17. Оп.137. Д.798. Л.105–105 об. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф⁴⁹.

Отчет переводчика делегации США от 15 апреля 1952 года

[...] Отчет⁵⁰

О пребывании в Москве участника Международного экономического совещания инспектора фирмы «Лаш Коттон продактс» (г. Филадельфия, США) Гарольда Рубена Стерна⁵¹ (с 3 апреля 1952 г. по 15 апреля 1952 г.)

За время своего пребывания в Москве г[осподи]н Стерн, помимо присутствия на пленарных совещаниях и заседаниях секций, вел деловые переговоры, осмотрел ряд выставок, ознакомился с некоторыми достопримечательностями Москвы и посетил театры и кино.

Г[осподи]н Стерн по поручению главы фирмы «Лаш Каттон продактс» г[осподи]на Лаши вел переговоры с В/О «Экспортлен» о покупке у последнего хлопковых отходов. Состоялось четыре встречи г[осподи]на Стерна с руководителями В/О «Экспортлен». 12 апреля 1952 г. переговоры успешно завершились и был подписан договор о поставке В/О «Экспортлен» фирме «Лаш Коттон продактс» хлопковых отходов.

По инициативе руководителя румынской делегации на Экономическом совещании состоялась встреча г[осподи]на Лаши с румынскими делегатами. Во время беседы обсуждался вопрос о возможностях расширения торговли между Румынией и США. Г[осподи]н Стерн обещал, что он и его фирма окажут всяческое содействие румынским внешнеторговым организациям в их стремлении оживить торговлю между Румынией и США.

⁴⁸ Название лекарства неразборчиво.

⁴⁹ Подпись переводчика на левом поле. Там же: «P.S. Очень хотят иметь фотографии. 9-го в театре присутствовали: Аллар, Кавенель, Беерблок, Лоран и г[оспо]жа [...]». Неразборчиво. Предположительно, речь идет о Элизабет Луизе Гризар.

⁵⁰ Заголовок документа.

⁵¹ Стерн Гарольд Рубен, член делегации США, представитель фирмы «Лаш Коттон продактс компани» в Филадельфии [2, л.95].

Г[осподи]н Стерн посетил выставку автомобилей, тракторов и сельскохозяйственных машин, выставку товаров (в Торговой Палате) и выставку изделий легкой промышленности.

Во время осмотра выставки автомобилей г[осподи]н Стерн выразил свое восхищение успехами советской автомобильной и тракторной промышленности.

«В 1927 году, – заметил он, – когда вы выпустили первый автомобиль, с конвейеров Форда уже сходило более 1 000 машин в день. А сейчас такой прогресс!» Стерн отметил, однако, что, по его мнению, автомобильная промышленность СССР отстает от американской в отношении автоматизации управления автомобилями. По его словам, в США с 1940 года начали выпускать автомобили с полностью автоматизированной (гидравлической) системой управления⁵².

Стерн посетил мавзолей В.И.Ленина. Он осмотрел метрополитен, который произвел на него большое впечатление. Но он отметил, что подобная отделка станций «вряд ли коммерчески себя оправдывает»⁵³.

Стерн присутствовал в Государственном Академическом Большом театре на спектаклях «Ромео и Джульета», «Спящая красавица» и «Лебединое озеро»; на спектакле «Эсмеральда» – в театре им[ени] Станиславского и Немировича-Данченко. Советский балет вызвал восхищение у г[осподи]на Стерна. (Он заявил: «Это великолепно. Если бы ваш балет вывезти в США, то на этом⁵⁴ можно было бы сделать миллионы долларов»)⁵⁵.

Стерн посетил также концертный зал имени Чайковского, где смотрел выступление ансамбля народного танца под руководством И.Моисеева. Кроме того, он просмотрел в стереокино фильм «Робинзон Крузо».

Г[осподи]н Стерн – молодой делец (25 лет). Получил образование в Пенсильванском университете («Хантерс-колледж»). Все высказанные им суждения целиком заимствованы из реакционных американских газет. В разговорах решительно отстаивал <американскую>⁵⁶ политику, проводимую американским правительством. Однако⁵⁷ посещение СССР произ-

⁵² От слов «по его мнению» до конца абзаца текст выделен галочками.

⁵³ В предложении, после слов «он отметил, что», стоит галочка.

⁵⁴ Слова «на этом» вставлены сверху строки.

⁵⁵ После слов «миллионы долларов» стоит галочка.

⁵⁶ Зачеркнуто.

⁵⁷ После слова «однако» текст выделен галочкой.

вело на него большое впечатление, и он, <судя>⁵⁸ по его словам, уезжал на родину «с мыслью о возможности мирных отношений между США и СССР». [...]

Ф.17. Оп.137. Д.798. Л.50–53. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф⁵⁹.

Из сообщений переводчиков о работе с делегацией Канады

[...] 2 апреля Типл⁶⁰ и Хэнкок⁶¹ осматривали метро. Типл выражал свое восхищение архитектурой и оформлением станций (особенно Курской и Комсомольской-кольцевой). Хэнкок особенно подчеркивал, что он – «сторонник широких форм, строгой архитектуры». Оба они были поражены тем, что в метро работает очень много женщин (особенно их поразили женщины – водители поездов). Увидев в руках милиционера книгу, Типл попросил узнать, что он читает. Книгой оказалась трилогия Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты». Гости обратили особое внимание на то, что очень многие читают книги в метро, подчеркивая тот факт, что в Канаде люди обычно читают «Комикс».

Миллер⁶² при посещении стереокино тоже обратил особое внимание на то, что советские люди читают «как правило "серьезную литературу"» (в частности он видел «Техника–молодежи») [...]

Ф.17. Оп.137. Д.799. Л.156–156 об. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф⁶³.

[...] Миллер после ланча выбежал один на улицу и хотел фотографировать гостиницу и проходивших. Однако милиционер не разрешил ему делать это, а женщина, которую он хотел сфотографировать, убежала от него. Тот факт, что Хэнкок и Миллер хотят фотографировать (что им не разрешают), очень их озадачило. Миллер несколько раз подчеркивал, что он делал снимки во всех странах, где побывал, и показывал мне

⁵⁸ Зачеркнуто.

⁵⁹ Ниже подписи дата: 15 апреля 1952 года.

⁶⁰ Типл Уильям Гарт – член делегации Канады, руководитель кооперативного общества Канады [2, л.120].

⁶¹ Хэнкок Маркус Лесли – член делегации Канады, ученый-садовод [2, л.120].

⁶² Миллер Морис – член делегации Канады, председатель экспортно-импортной фирмы «М. и М. Трейдис» [2, л.120].

⁶³ Ниже подписи переводчика дата: 4 апреля 1952 года.

снимки Варшавы и Дубровника (Югославия). Хэнкок, который очень хочет снять на <...>⁶⁴ пленку станции метро, очень пространно говорил, что эти снимки, которые он может показать своим друзьям, помогут им лучше познакомиться с жизнью в Советском Союзе⁶⁵. [...]

Ф.17. Оп.137. Д.799. Л.160. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф⁶⁶.

16/IV–52 г[ода] Миссис Драйсон⁶⁷ и Миллер (Канада) посетили 114 школу (мужскую). Они очень интересовались содержанием учебников начальной школы, просили перевести на английский некоторые тексты. Миллеру не понравилось, что физкультурный зал был очень небольшой и что сцена в актовом зале была мала. Интересовались, преподается ли марксизм как предмет в школе. Посетили урок английского языка в 3 классе. Посещением школы остались довольны.

М[исте]ры Дэвис⁶⁸, Слейтер⁶⁹, <...>⁷⁰ и др[угие] осмотрели дом №38 на Песчаной улице. Они пожелали получить такую квартиру. Им очень понравился линолеум, который не трещит и очень прочный у нас.

Они же посетили новый университет. Многие из профессоров спросили, нет ли вакантных мест у нас для них, так им очень понравилось там всё [...]

Ф.17. Оп.137. Д.799. Л.163. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф⁷¹.

Из сообщений переводчиков о работе с делегацией Индии

[...] Делегаты из Индии в количестве 6 чел[овек] прибыли 4-го апреля вечером. В их числе 5 чел[овек] торговцы и промышленники, один профсоюзный деятель, чл[ен] ком[мунистической] партии Индии по им[ени]

⁶⁴ Неразборчиво, предположительно «узкую».

⁶⁵ Абзац выделен по левому полю вертикальной чертой, помета «Н».

⁶⁶ Левее подписи переводчика дата: 5 апреля 1952 года.

⁶⁷ Миссис Драйсон сопровождала на МЭС мужа, Джорджа Дрейсона, члена английской делегации, владельца текстильной фабрики, члена парламента (консерватор) [2, л.97].

⁶⁸ Дэвис Гарольд – член делегации Англии, член парламента, левый лейборист [2, л.97].

⁶⁹ Слейтер Джон Кэрл – член английской делегации, текстильный фабрикант, владелец фирмы готового платья в Йоркшире [2, л.96].

⁷⁰ Неразборчиво.

⁷¹ Левее подписи переводчика дата: 17 апреля 1952 года.

Гупта Прем Сагар⁷² из Бомбея. В вечер прибытия он сказал, что очень многие коммунисты и профсоюзные деятели стремились приехать в Сов[етский]⁷³ Союз, но не получили разрешения. То же самое сказал профессор-экономист Мукерджи⁷⁴.

Гости восхищались Внуковским аэродромом, гостиницей Москва. <...>⁷⁵ сказал, что это лучший аэродром, какой они видели на своем пути.

За ужином гости справлялись, на чем жарят у нас картошку, и удивились, узнав, что на масле. Они сказали, что в Европе <езде>⁷⁶ нигде нет масла, везде используется маргарин.

6-го апр[еля] индийская делегация посетила мавзолей и возложила венки⁷⁷.

М[исте]р Капур⁷⁸ <промыш>⁷⁹ торговец текстилем из <Бомбея>⁸⁰ Канцура, сказал: «это для нас <вели>⁸¹ большой день. Мы увидели могилу большого человека». М[исте]р <...>⁸², промышленник из Бомбея, добавил: Ленин совсем как живой. Как хорошо видеть его сохранившимся».

На Красной площади делегацию окружили советские люди, проявляя большой интерес к гостям. Индийцы приветствовали русских, говоря, что они наши соседи и друзья. Говорили, что они приехали из далекой Индии. Один сов[етский] гражданин отвечал им, что это не так уж далеко для нас, что он, например, вчера только был за 1 500 км от Москвы и ему потребовалось только 8 час[ов], чтобы прилететь из<...>⁸³ в Москву. Ин-

⁷² Гупта Прем Сагар – член делегации Индии, сотрудник Всеиндийского конгресса профсоюзов, журналист, член компартии [2, л.109].

⁷³ Вставлено сверху.

⁷⁴ Мукерджи Дхуржати Прасад – член делегации Индии, профессор-экономист университета в Лакнау [2, л.109].

⁷⁵ Имя написано неразборчиво.

⁷⁶ Зачеркнуто.

⁷⁷ Предложение выделено по левому полю двумя короткими вертикальными чертами.

⁷⁸ Капур Пуриоттам Лал – член делегации Индии, торговец текстильными товарами, г. Канпур [2, л.109].

⁷⁹ Зачеркнуто.

⁸⁰ Зачеркнуто.

⁸¹ Зачеркнуто.

⁸² Неразборчиво. Предположительно речь идет о Хирачанде Лалчанде, члене делегации Индии, техническом директоре автомобильной компании, г. Бомбей [2, л.109].

⁸³ Неразборчиво.

дийский делегат Тонгаонкар⁸⁴ <...>⁸⁵ сказал, что он всю жизнь мечтал приехать в Москву. Тот же сов[етский] гражданин попросил перевести его ответ, что это естественно, что не только он один, но все люди нашей страны мечтают о Москве. Москва – сердце нашей страны. Инд[ийские] делегаты изучают русские приветствия и обращаются к незнакомым людям, здороваясь с ними и делясь восторгами и иными⁸⁶ отзывами о Москве. Сов[етские] люди отвечают, что это естественно, что им тоже нравится Москва.

Раней Хассананд⁸⁷, владелец пластмассовых и кожевенных предприятий в Бомбее, привез с собой множество кукол, одетых в <...>⁸⁸ национальные индийские костюмы, очень хорошо выполненных. Самую красивую куклу он хочет подарить тов[арищу] Сталину, другие – раздать разл[ичным] организациям. Здесь он хочет приобрести куклы в нац[иональных] русских костюмах. <Готов>⁸⁹ Этими <...>⁹⁰ он хочет способствовать установлению дружбы между большими странами – СССР и Индией. Хочет, чтобы индийские дети знали правду о советских людях, имели представление о их внешности. Он говорит, что в Индии имеют искаженное представление о сов[етских] людях, как о каких-то зверях. А вот он приехал и убедился, что здесь все такие же люди, как и они сами, очень милые и культурные [...]

Ф.17. Оп.137. Д.799. Л.5–6 об. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф⁹¹.

[...] Далее проф[ессор]⁹² спросил о свободе критики в СССР. Спросил о Зощенко и Анне Ахматовой. Я ответил, что они оба пишут и публикуют свои произведения сейчас, а критиковали их за неправильное, извращенное изображение советской действительности. Далее я перевел ему

⁸⁴ Тонгаонкар Пурушоттам, член делегации Индии, представитель фирмы «Сюври Энджиниринг Уоркс», г. Бомбей [2, л.109].

⁸⁵ Неразборчиво.

⁸⁶ Слово «Иными» вписано сверху.

⁸⁷ Хассананд Раней – член делегации Индии, владелец фабрики пластмасс и кож [2, л.109].

⁸⁸ Зачеркнуто.

⁸⁹ Зачеркнуто.

⁹⁰ Неразборчиво.

⁹¹ Левее подписи переводчика дата: 7 апреля 1952 год.

⁹² Речь идет о Мукерджи Джуржати Прасаде.

ряд мест из <...>⁹³ «Правды» (статья о недостатках сов[етской] драматургии 7 апреля) и объяснил, что вся критика только помогает артистам и драматургам создавать действительно художественные произведения. Кроме того, я объяснил, что критика не влечет за собой никаких административных наказаний.

Затем, пока остальные делегаты были на конференции (12 ч[асов] 30 м[инут]), я с проф[ессором] поехал осматривать метро. Вернулся он в восхищении и сказал, что это гордость Москвы и ничего равного не имеет.

Далее бюро обслуживания сообщило, что 7 апреля в 6 часов в здании Академии наук состоится встреча проф[ессора] Мукерджи с акад[емиком] Варгой⁹⁴ и проф[ессором] Дьяковым. Беседа продолжалась 1 час 15 мин[ут]. Разговор шел на английском языке и касался в основном принципов социалистического планирования. Мукерджи сказал, что приехал в СССР учиться и всё время расспрашивал о том, как советское правительство регулирует цены [...]

Ф.17. Оп.137. Д.799. Л.25–25 об. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф⁹⁵.

[...] Имел беседу с Вадиа⁹⁶ в ресторане за обедом. Он сообщил следующее: во-первых, вчера он осматривал метро – вестибюль и подошел к эскалатору. Милиционер не пустил его, тогда к нему подошел кто-то из наших, но милиционер тут же взял и увел этого товарища. На основании этого он говорит, что, дескать, у нас нельзя встречаться с простыми людьми. Он стремится все время быть один, всюду бывать, <...>⁹⁷ со всеми говорить. Он спросил, что сделаю я, если он попросит, чтобы я пригласил его к себе домой. На это я ответил, что, к сожалению, сейчас этого сделать нельзя, так у меня много больных [...]

Ф.17. Оп.137. Д.799. Л.27 об. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф.

⁹³ Зачеркнуто.

⁹⁴ Варга Евгений Самуилович (1879–1964), советский экономист, академик АН СССР (1939).

⁹⁵ Левее подписи переводчика дата: 8 апреля 1952 года.

⁹⁶ Вадиа Дады Рустум Доссабхой – член индийской делегации, в списках участников МЭС написано: «купец по картинам» [2, л.108].

⁹⁷ Зачеркнуто.

9 апреля делегаты Индии Махаланобис⁹⁸ и Пант⁹⁹ ездили осматривать завод малолитражных машин, где они интересовались, главным образом, постановкой учета, заработной платой рабочих и служащих различных категорий, постановкой соц[иалистического] соревнования, дополнительной оплатой за переработку и т[ому] п[одобное]. Махаланобис сказал главному инженеру завода, что ему все это нужно для того, чтобы использовать опыт советского завода на заводах в Индии.

Особого восторга они не высказывали после осмотра, а Пант сказал, что завод <...>¹⁰⁰ и что он видел в Америке заводы во много раз лучше этого¹⁰¹. [...]

Ф.17. Оп.137. Д.799. Л.34. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф¹⁰².

Из сообщений переводчиков о работе с делегацией Италии

[...] Все члены итальянской делегации (кроме коммунистов) высказывают удивление высокими ценами в ресторане «Националь» (обед стоит примерно 40 рублей) и некоторое недовольство существующим обменным курсом валюты (лира обесценена, и ее обмен на рубли для них невыгоден).

Ф.17. Оп.137. Д.799. Л.74–74 об. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф¹⁰³.

Член итальянской делегации коммерсант Мальковати¹⁰⁴ в течение двух дней просил переводчицу Кар.Мизиано свести его в католическую церковь. Мы тянули с ответом. Сегодня вечером мне сообщили из бюро обслужи-

⁹⁸ Махаланобис Прасанта Чандра – директор института статистики в Калькутте. В списках участников МЭС пояснение: «прибыл в качестве наблюдателя по личному поручению Неру» [2, л.109].

⁹⁹ Пант Питамбар – личный секретарь профессора Махаланобиса, экономист [2, л.110].

¹⁰⁰ Неразборчиво, предположительно «полуавтоматизирован».

¹⁰¹ Предложение выделено двумя вертикальными чертами по левому полю.

¹⁰² Левее подписи переводчика дата: 10 апреля 1952 года. На документе виза: фамилия неразборчиво. «Надо сказать т[оварищу] <...>» Фамилия неразборчиво. 12.04. Подпись неразборчиво. Ниже на тексте помета: «В дело». Далее текст неразборчив.

¹⁰³ Ниже подписи переводчика дата: 1 апреля 1952 года. На документе есть резолюция, текст неразборчив.

¹⁰⁴ Мальковати Марио Акилле – фабрикант по производству волокна. Связан с трестом «Сниа вискоза» [2, л.101].

ния «Националя», что он заказал через бюро узнать адрес церкви, узнал его и поедет туда¹⁰⁵ завтра – 3 апреля утром в 8 часов. Переводчиков делегация просила прийти к 10.30, и Мальковати просил меня лично прийти тоже в 10.30. Считаю, что, поскольку он действовал потихоньку от меня и других переводчиков, нам¹⁰⁶ показывать ему, что мы об этом знаем, неудобно и приходиться, чтобы сопровождать его в церковь, не следует. С другой стороны, считал бы целесообразным, чтобы в церковь его кто-нибудь сопровождал (с итальянским или французским) языком), будто бы случайно.

Ф.17. Оп.137. Д.799. Л.76. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф¹⁰⁷.

Итальянская делегация¹⁰⁸

Итальянские делегаты – промышленники Мальковати и Даль Конте¹⁰⁹, интересовавшиеся положением церкви в СССР, ныне убедились в свободе религии в Сов[етском] Союзе и в связи с этим, а также и в связи с успешными переговорами с советскими торговыми организациями резко изменили к лучшему свое поведение.

Мальковати, являющийся сторонником «очищения» католической церкви от коррупции и вмешательства в политическую жизнь, заявил, что по возвращении в Италию он выступит в печати со статьями, разоблачающими антисоветскую пропаганду, утверждающую, что в СССР якобы нет свободы религии.

Сообщая, что в воскресенье, 6 апреля, они заказали на 12.00 машину, чтобы ехать в католическую церковь на мессу для дипломатич[еского] корпуса, а также изъявили желание посетить православную церковь во время торжественной службы¹¹⁰.

Ф.17. Оп.137. Д.799. Л.81. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф¹¹¹.

¹⁰⁵ Над строкой вставка: «(на Лубянку)».

¹⁰⁶ Над строкой вставка с фамилиями переводчиков, неразборчиво.

¹⁰⁷ Левее подписи переводчика дата: 2 апреля 1952 года.

¹⁰⁸ Заголовок документа.

¹⁰⁹ Ливьо Даль Конте, член делегации Италии, коммерческий директор крупной фирмы по выработке шерстяных тканей Мардзотто [2, л.101]

¹¹⁰ Абзац выделен по левому полю вертикальной чертой.

¹¹¹ Левее подписи переводчика дата: 5 апреля 1952 года.

Тов[арищу] Брусничкину.

6/IV итальянские делегаты Мальковати, Марцола¹¹², <...>¹¹³, Франко¹¹⁴, Даль Конте посетили католическую церковь на Малой Лубянке, 12 и Елоховский Собор.

В Елоховском Соборе делегаты имели беседу с настоятелем Собора Николаем. В ответ на вопросы делегатов (имеются ли семинарии, сколько церквей в Москве; всегда ли так много народа в церкви, каковы отношения между Церковью и Государством; верно ли, что в прошлом церкви разрушались или закрывались) Николай дал очень ясные и правильные ответы. Он убедительно говорил о свободе религии в Советском Союзе, о правильности принципа отделения Церкви от Государства, ибо это обеспечило самостоятельность Церкви и полную её независимость – Церковь не вмешивается в дела Государства, и Государство не вмешивается в дела Церкви. Кроме того, теперь в Церковь приходят лишь те, кто действительно верит.

Оба посещения произвели, судя по высказываниям делегатов, <силь>¹¹⁵ на них сильное впечатление¹¹⁶.

В пути (из одной церкви в другую, а также в гостиницу) делегаты (особенно Мальковати, Франко, <...>¹¹⁷) выражали свое возмущение «баснями, которые рассказываются в Италии о положении религии в СССР». Мальковати уверял, что в Италии он напишет статью о свободе религии в Советском Союзе и просветит всех своих знакомых. Франко заявил, что он выступит с речью <в Си>¹¹⁸, как только прибудет в Сицилию, и расскажет обо всем, что увидел.

Все они отмечали, что на обоих богослужениях было много народу, что все они¹¹⁹ абсолютно свободно и с большим рвением. Они повторяли

¹¹² Марцола Иво Джованни – член делегации Италии, представитель фирм, поставляющих бумагу, фосфор [2, л.101].

¹¹³ Неразборчиво написано имя итальянского делегата.

¹¹⁴ Франко Себастьяно Кармело, член делегации Италии, глава консорциума Восточной Сицилии по выращиванию цитрусовых (Палермо).

¹¹⁵ Зачеркнуто.

¹¹⁶ В тексте стоит стрелочка, показывающая, что слова «оба посещения произвели» необходимо переставить после «делегатов», а предложение начать с «Судя».

¹¹⁷ Неразборчиво написано имя итальянского делегата.

¹¹⁸ Зачеркнуто.

¹¹⁹ Вписано над строчкой слово: «молились».

отдельные ответы настоятеля Собора, подчеркивалась их ясность и убедительность.

Подпись: К. Мизиано

NB! Вечером Мальковати в сопровождении переводчика Богемского снова посетил Елоховский Собор для встречи с Алексием¹²⁰. Встреча состоялась, однако <...>¹²¹ Мальковати смог лишь представиться Алексию, т[ак] к[ак] начиналось богослужение. Беседа не состоялась.

Ф.17. Оп.137. Д.799. Л.84–85. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф.

[...] Ездил с <...>¹²² Кантони¹²³ и Виберти¹²⁴ – владельцем фабрики в Турине, осматривать метрополитен. Были мне заданы вопросы: «Почему женщины чистят снег?» – спросил при выходе Кантони. Ответила: «Эта женщина, как сами видите, физически здорова и, видимо, не захотела учиться, чтобы иметь специальность, что в Советском Союзе для всех доступно, поэтому почему же ей не поработать на свежем воздухе, что даже полезно для здоровья, если она зарабатывает для того, чтобы жить хорошо? Я думаю, что это занятие ее устраивает, иначе она не стала бы им заниматься, ведь у нас нет безработицы!»

«Есть ли в Советском Союзе прислуги?» – продолжал Кантони. Ответила: – «В Советском Союзе прислуг нет! Существуют домашние работницы, которые являются членами проф[союза] и соответственно с этим имеют все права работающих на производстве: выходные дни, отпуска и право на получение пенсии по старости от государства, а если они идут на эту работу, то, очевидно, она им нравится, т[ак] к[ак] обеспечивает зарплатой, как другая любая работа. Они не считаются служанками, а считаются как члены семьи, и отношение к ним исходит из этой точки зрения. Многие домра-

¹²⁰ Патриарх Алексей I (в миру Симанский С.В.) (1877–1970), богослов, кандидат юридических наук (1899), доктор богословия (1949).

¹²¹ Зачеркнуто.

¹²² Неразборчиво.

¹²³ Кантони Данте, член делегации Италии, совладелец завода точного машиностроения «Фиум – микромеханика» в Милане [2, л.102].

¹²⁴ Виберти Анджело – владелец фабрики кузовов и прицепов для тяжелых грузовиков и автоцистерн [2, л.101].

ботницы учатся в школах рабочей молодежи и, если хотят, учатся дальше, чтобы получить профессию». [...]

Кантони спрашивал: «Сколько получаете, где работаете, есть ли дети, муж, кто он?». На всё давала исчерпывающие ответы. Я им говорила, что живу хорошо, дети мои ни в чем не нуждаются и что муж у меня рабочий и имеет возможность учиться заочно в Университете. [...]

Организованно было посещение строящегося здания Государственного Университета на Ленинских горах. Экскурсоводу-инженеру были заданы вопросы, касающиеся срока начала строительства, окончания его, а также количества будущих студентов. Объяснения инженера очень понравились иностранцам, особенно их восхитили условия, создаваемые для жизни и учебы как преподавательскому составу будущего комбината науки, так и студентам и аспирантам. [...]

Джанкуинто¹²⁵ хвалил систему торговли в Советском Союзе, ему понравилось, что в магазине так много товаров и покупателей, и видимое здесь он сопоставлял с крупными магазинами в Италии, куда неохота входить, т[ак] к[ак] обязательно навязывают купить что-нибудь. [...]

Ф.17. Оп.137. Д.799. Л.102, 102 об., 103, 105 об., 106 об. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф¹²⁶.

Из сообщений переводчиков о работе с делегацией Индонезии

[...] 13 апреля участница совещания от Индонезии Тунг Син Нио¹²⁷ посетила музей – монастырь в Загорске. После осмотра музей зашла в одну из церквей, в которой пробыла около 5 минут, наблюдая богослужение.

На обратном пути, сразу же после выезда из Загорска, Тунг Син Нио попросила остановить машину в деревне, заявив, что она хочет побывать в одном из домов деревни, чтобы увидеть, как живёт семья колхозника. Я решил остановить машину в крайнем случае в одном из подмосковных сел дачного типа, где общий вид и состояние гораздо лучше, чем в деревнях около Загорска. Поэтому в течение 40 минут я откладывал выполнение её просьбы разговорами на общие темы, убеждая её в то же время, что посещение дома колхозника можно будет организовать завтра и что вообще время сейчас довольно позднее и т[ак] д[алее].

¹²⁵ Джанкуинто Антонио, член делегации Италии, коммерческий директор общества «Морони и Келлер» (импорт нефтепродуктов и угля) [2, л.101].

¹²⁶ Выше подписи переводчика стоит дата: 16 апреля 1952 года.

¹²⁷ Тунг Син Нио, член делегации Индонезии, доктор экономических наук [2, л.112].

Тунг Син Нио заявила, что я откладываю это посещение на завтра намеренно, чтобы переговорить с рядом официальных лиц и подготовить для ее посещения дом колхозника, которого в действительности не существует. По ее словам, везде, где она бывала (Голландия, Австрия, Франция, Китай), она всегда имела полную возможность ознакомиться без предварительного предупреждения с тем, как живут люди, в частности крестьяне, в своих квартирах.

На доводы о неприкосновенности жилища граждан отвечала, что уверена: хозяин дома всегда разрешит ей войти. Если не разрешит, то она спросит разрешения у другого хозяина дома.

Тунг Син Нио заявила, что в СССР иностранцам всегда заранее подготавливают посещение домов граждан и что это свидетельствует о том, что Советский Союз не является вполне демократическим государством и что по возвращению в Индонезию она вынуждена будет написать об этом факте в подготавливаемых ею статьях для газеты «Син По»¹²⁸.

Я заявил, что подобные отзывы о СССР являются вымыслом и что если она настаивает, несмотря на позднее время, неожиданность просьбы для хозяина дома и т[ак] д[алее], то я могу остановить машину у любого дома и спросить разрешения хозяина на посещение квартиры. В то же время я попросил шофера¹²⁹ у одного из <...>¹³⁰ хорошо выглядевших домов села Тушино. Затем я вошел в дом, осмотрел комнаты, нашел их подходящими для визита иностранных гостей и, спросив разрешения у хозяев, попросил Тунг Син Нио в дом.

Передняя комната была просторной и светлой, имелось радио, электричество, в комнате стоял радиоприемник, велосипед.

Тунг Син Нио была встречена хозяйкой – колхозницей (Горбушина Зинаида Алексеевна, 44 года), ее отцом – пенсионером, невесткой (сына не было дома). Тунг Син Нио пробыла в комнате около пяти минут, осталась довольна посещением дома, сказав, что люди живут вполне зажиточно. Я сказал, что это был первый попавшийся дом и многие колхозники живут гораздо лучше... [...]

Ф.17. Оп.137. Д.799. Л.142–143. Рукописный экземпляр. Подпись автора – автограф¹³¹.

¹²⁸ Абзац выделен вертикальной чертой по левому полю.

¹²⁹ Вставка над строкой: «(автомашина (№90) остановиться».

¹³⁰ Зачеркнуто.

¹³¹ Левее подписи переводчика стоит дата: 13 апреля 1952 года. На документе есть

Список сокращений

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

Советская жизнь – Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е.Ю.Зубкова, Л.П.Кошелева, Г.А.Кузнецова, А.И.Минюк, А.А.Роговая. М.: РОССПЭН (Рос. полит. энцикл.), 2003. — 720 с.

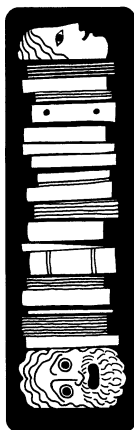
Библиографический список

1. РГАСПИ. Ф.17. Оп.137.
2. РГАСПИ. Ф.82. Оп.2. Д.752.
3. Верт Н. История Советского государства. М.: Весь Мир, 2006. 559 с.
4. Данные ЦСУ об итогах обследования бюджетов рабочих промышленности за 1948 год // Советская жизнь. С.91–95.
5. Доклад ЦСУ СССР, Института экономики АН СССР и Института питания Академии медицинских наук СССР Н.А. Булганину об уровне потребления основных продуктов и промышленных товаров в СССР на душу населения // Советская жизнь. С.127–132.
6. Докладная записка ЦСУ СССР Г.М. Маленкову о результатах снижения государственных цен (сентябрь 1953) // Советская жизнь. С.527–539.
7. Докладная записка ЦСУ СССР Г.М. Маленкову об изменении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары по сравнению с довоенным уровнем от 8 декабря 1953 года // Советская жизнь. С.515–526.
8. Журавлев В., Лазарева Л. «Важная фаза мирного наступления Москвы». По материалам Московского экономического совещания 1952 года // Россия XXI. 2015. №3. С.134–167.
9. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 1999. – 229 с.
10. Зубкова Е.Ю. Преодоление войны – преодоление победы: советская повседневность и стратегия выживания (1945–1953) // Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950) / Под общ. ред. Б. Физелер, Н. Муан. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), С. 14 – 28. 2010. С. 302.
11. Ильиных В.А. Личное приусадебное хозяйство сельского населения Сибири в 1945–1953 гг.: политика государственного регулирования, динамика // Советское государство и общество в период позднего сталинизма 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН) С. 443 – 451, 2015. 719 с.
12. Основные показатели развития СССР. Краткий статистический справочник. М.: Государственное статистическое издательство. 1956. 264 с.
13. Политическая экономия: Учебник / Под ред. К.В. Островитянова. М.: Госполитиздат. 1954. 641с.
14. Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953. Тамбов: Тамбовский гос.технич.ун-т, 2000. 222 с.

виза – написано неразборчиво.

МОСКОВСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЕСНЫ 1952 ГОДА

15. Справка ЦСУ СССР Л.М. Кагановичу о состоянии городского жилищного фонда в 1940–1952 гг. от 18 августа 1953 г. // Советская жизнь. С.174–182.
16. Справка ЦСУ СССР о структуре денежного расхода в бюджете обследуемых семей рабочих за период с 1940 по 1953 год // Советская жизнь. С.112.
17. Статистическая таблица ЦСУ СССР «Денежные доходы обследуемых семей рабочих всех отраслей промышленности (в среднем на одну семью год)» // Советская жизнь. С.107–119.
18. Статистическая таблица ЦСУ СССР «Доля налога с оборота, включая по соответствующим товарам налог на сырьё в розничных ценах, действующих с 1.04.1953» // Советская жизнь. С.525–526.
19. Статистическая таблица ЦСУ СССР о реализации промышленных товаров на душу населения в СССР (1913, 1928, 1937, 1940, 1950, 1954) // Советская жизнь. С.131.
20. Статистическая таблица ЦСУ СССР «Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства СССР в 1940, 1945, 1950–1955 годах» // Советская жизнь. С.501.
21. Статистическая таблица ЦСУ СССР «Средние выдачи на 1 трудодень колхозникам и рабочим тракторных бригад в колхозах» // Советская жизнь. С.253.

Альберт Ненароков

«СИБИРСКИЕ
МАРКСИСТЫ»
ОБ ЭКЗАМЕНЕ
РЕВОЛЮЦИЕЙ
1905 ГОДА

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
94(47)“1908–1912”

Данная публикация вводит в научный оборот неизвестную ранее рукопись Ираклия Григорьевича Церетели – одного из лидеров российской социал-демократии в начале XX века, видного общественного и государственного деятеля общероссийского масштаба, а в 1918–1931 члена Исполкома Рабочего Социалистического Интернационала, в котором он многие годы достойно представлял социал-демократию Грузии. Рукопись была обнаружена доктором исторических наук, профессором И.П.Якобашвили, возглавляющим Парламентский архив Грузии, и подготовлена к публикации им и сотрудниками Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) Р.М.Гайнуллиной и П.Ю.Савельевым.

This publication introduces a previously unknown manuscript by Irakli Grigor'evich Tsereteli into scientific turnover. Tsereteli was one of the early 20th century Russian Social-Democracy leaders, a notable public and statesman of all-Russian level who was a member of the Socialist International Operative Executive Committee in 1918–1931. In that capacity Tsereteli represented the Georgian Social-Democracy in a very dignified way. The manuscript was discovered by Doctor of historical sciences, Professor and the Principal of the Parliamentary archive of Georgia I.P.Yakobashvili. Yakobashvili and his colleagues from the Russian state archive of social and political history, R.M.Gainullina and P.Yu.Savel'ev prepared the manuscript for publication. For readers' benefit and convenience I.G.Tsereteli's manuscript will be published in two successive magazine issues.

Ключевые слова: И.Г.Церетели; Вл.С. Войтинский; Н.А.Рожков; политическая и литературная деятельность; атмосфера тюрьмы; внутренний мир заключенных; одиночки-герои; стимул к самоопределению.

Key words: I.G.Tsereteli; V.I.S.Voytinskiy; N.A.Rozhkov; political and literary activity; prison atmosphere; inner world of prisoners; single-heroes; an incentive to self-determination.

E-mail: rgaspi@inbox.ru

Данная публикация была бы невозможна без того, кто два года назад совершенно неожиданно для себя поддержал меня в трудную минуту, открыв новые грани и возможности в многотрудной и сложной работе историка-архивиста. В своей любви к ней Ираклий Петрович Якобашвили оказался столь убедительно заразителен, что рядом с ним на время удалось даже забыть о возрасте.

В лучшие дни он писал мне по электронной почте два, три, а то и четыре письма. Из обширного круга вопросов, предложений, фотографий, переводов газетных статей, брошюр и рукописей довольно быстро я выделил для себя то, что относилось к одному из героев большинства моих публикаций и исследований – Ираклию Георгиевичу Церетели – წერეთელი, ირაკლი გორგის ძე.

Не удивляйтесь грузинской вязи! Благодаря своему коллеге из Грузии, я теперь получил возможность в оригинале воспроизводить фамилию, имя и даже отчество его соотечественников не только в энциклопедических статьях, но даже в комментариях и примечаниях.

Как известно, первые шаги на пути к всероссийскому признанию Ираклий Церетели сделал еще студентом юридического факультета Московского университета, когда в 1901–1902 гг., неожиданно для самого себя, был избран на общемосковской сходке учащихся высших учебных заведений председателем Исполкома объединенных землячеств и организаций.

9 февраля в московском манеже на митинге протеста против регламентирующих внутреннюю жизнь высших учебных заведений «временных правил» 1899–1901 гг. и угрозы отправки студентов в солдаты была принята написанная Ираклием резолюция. В ней подчеркивалось: «...Считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзию академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований, глубоко убежденные, что для правильного хода общественной жизни необходимо пересоздание всего социального и политического строя на началах признания за личностью публичных прав».

В печатном виде текст резолюции разошелся довольно широко (См.: [10, с.89–90]). В числе выдвинутых в ней требований были: неприкосновенность личности; свобода печати, совести, собраний и организаций; общедоступность образования; уравнение прав национальностей; 8-часовой рабочий день; право на стачки и забастовки. В этом же документе впервые вместе прозвучат призыв к созыву Учредительного собрания и объявление студентами собственной готовности вынести протест-

стное движение «на улицы», чтобы вместе с рабочими «силой» бороться за «свои требования» (См.: [9, с.278–279]).

После ареста Церетели проведет несколько месяцев под арестом, затем, в феврале 1902 года, согласно решению Особого совещания, будет выслан в Иркутскую губернию (Восточная Сибирь) на 5 лет, с дальнейшим воспрещением в течение 2 лет жительства в столицах и университетских городах. Однако летом 1903 года, из-за обострения туберкулеза и «принимая во внимание, что применение ссылки в Восточную Сибирь к лицам, виновным в участии в студенческих беспорядках, является карой чрезмерно суровой», его препроводят в Тифлис под надзор полиции. Там на втором съезде Кавказского союза РСДРП (октябрь 1903 г.) он примкнет к меньшевикам. В 1907 году будет избран депутатом 2-й Государственной Думы от Тифлисской губернии, а в самой Думе – руководителем социал-демократической фракции. Но вскоре по предъявленному правительством обвинению в «военном заговоре» был в числе других делегатов фракции арестован и приговорен к пяти годам каторжных работ. Заключение отбывал в Александровском каторжном центре (Иркутская губерния), а с 1913 года находился на поселении близ Иркутска.

К сожалению, хотя об этом периоде его жизни написано много, но по разным причинам этого ныне явно недостаточно. Не говоря уже о том, что мы до сих пор плохо представляем себе не только его краткую, но весьма плодотворную деятельность как лидера думской фракции, а также и ораторское, и литературное наследие тех лет. Вот почему, когда И.П.Якобашвили сообщил о существовании опубликованной в 1907 году в Кутаиси брошюры Церетели, посвященной становлению в Грузии социалистических групп и направлений, родилась идея перевести и издать ее на русском языке. Сейчас брошюра с непривычно длинным названием «Исторические письма депутата Государственной думы Ираклия Церетели: 1. Превращение федералистов в социалистов-революционеров. 2. Социал-демократы или социалисты-революционеры» в переводе И.П.Якобашвили вошла в состав уже рекомендованного к печати сборника РГАСПИ «Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг.: документальные свидетельства».

И тут оказалось, что в Национальной публичной парламентской библиотеке Грузии все тот же И.П.Якобашвили обнаружил еще один уникальнейший документ – неизвестную исследователям рукопись рецензии И.Г.Церетели на сборник тюремных очерков Владимира Савельевича Войтинского «Вне жизни» [3].

Сын почетного потомственного гражданина, профессора математики Санкт-Петербургского электротехнического института, Войтинский еще гимназистом проявил интерес к исследовательской работе. Его книга «Рынок и цены. Теория потребления и рыночных цен» была издана в 1906 с предисловием М.И.Туган-Барановского. Тот был другом семьи, известным историком, экономистом, сторонником т.н. «легального марксизма», выдвигавшим в общественной жизни на первый план проблемы морального и этнопсихологического плана. Г.И.Чернявский, один из первых биографов Войтинского, считает, что именно содружество с Туган-Барановским «привлекло внимание Владимира к спорам в среде русских последователей Маркса и взглядам других западных экономистов» [10, с.3].

Участник первой российской революции, социал-демократ большевик, один из наиболее популярных ораторов на рабочих и студенческих собраниях, с 1905 года председатель Совета старост Санкт-Петербургского университета, на юридическом факультете которого в то время учился, он в 1906 возглавит созданный им Совет безработных, который только в столице объединял десятки тысяч человек. Под партийной кличкой Сергей Петров Войтинский будет объезжать крупнейшие заводы страны. Организовывать протестные акции безработных, а если удастся, и общественные работы. Сидеть в тюрьмах, пока, в конце концов, в середине сентября 1907, после одного из очередных арестов,

не умудрится совершить побег на юг, в Екатеринослав. И именно здесь, после двух месяцев работы в местной социал-демократической организации, он будет арестован в четвертый раз и в 1909 году приговорен к четырем годам и восьми месяцам каторжных работ. Первые два года ему довелось отбывать в иркутском Александровском каторжном центре. Затем был отпущен на поселение под Иркутском, недалеко от того места, где проживал Церетели.

Все свободное время Войтинский отдавал литературной работе. Его очерки – «Смертники» [2], «За железной решеткой» [7], «После взрыва» [8], – многочисленные аналитические и публицистические статьи публиковались во многих ведущих отечественных и зарубежных журналах.

Впервые он собрал в одну книгу все свои тюремные очерки в 1913 году. Авторское предисловие к ним датировано январем 1914 года, местом завершения работы указан Иркутск, хотя точнее было бы назвать пригородные места, в которых политические ссыльные находились на поселении, но для широкого читателя они ничего не говорили. А именно там, где чаще всего проходили встречи единомышленников, очерки Войтинского и читал Церетели. Они произвели на него неизгладимое впечатление. Тогда же, по-видимому, он и решил написать свою рецензию-размышление на этот труд.

То было время, когда окончательное обрушение политического, экономического и социального равновесия страны, вызванное началом Первой мировой войны, требовало проверки собственным, пусть еще не большим, историческим опытом ключевых событий бурной политической жизни России в период революции 1905 года. Последовавшие за ней годы реакции, крах идейных устремлений, общей культуры и господствовавших представлений о морали, справедливости, основ межчеловеческих и международных взаимоотношений также нуждались в осознании. Речь шла, по словам А.Н.Потресова, о так и не сданном российским обществом экзамене революцией. В итоге «Россия, – констатировал он, – не пережила еще того исторического сдвига власти, который составляет содержание великого перевала народов из средневековья в современную "новейшую" историю» [5, с.68].

И добавлял, «...что 1905-й год был лишь простым буревестником и, увы, буревестником с изначала с обожженными крыльями, с изначала надломленным взлетом, что многотрудное, всенародное восхождение на перевальную гору еще впереди и что сознание этого перевала-подвига должно ликвидировать, выжечь дотла все то центробежное, что оставалось до сих пор в политике имущего общества, как роковое наследие

«СИБИРСКИЕ МАРКСИСТЫ» ОБ ЭКЗАМЕНЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 ГОДА

эпохи реакции, как те стороны классового сознания, которые называются классовым эгоизмом и классовой ограниченностью» [5, с.68].

В результате же провала экзамена революцией 1905 года классовая борьба в России стала уступать место общественному противостоянию на уровне классовых инстинктов. Об этом были и очерки Войтинского, и рецензия Церетели.

В первом ряду слева Ф.И.Дан, далее И.Г.Церетели, крайний справа Н.А.Рожков.
Публикуется впервые. Фотография предоставлена И.П.Якобашвили

Ираклий Георгиевич писал ее долго и тщательно, хотя в одном из писем 1914 г. родным на грузинском языке, как утверждает И.П.Якобашвили, он информировал их, что работает над большой рукописью, рассчитывая выручить за нее не менее 150 рублей, которых должно хватить для проживания на 3–4 месяца. Однако события нарастали так стремительно, что он сумел завершить ее лишь к концу 1916-го. А дальше все закрутилось и завертелось так, что он вообще не смог довести задуманного до конца, хотя оставалось всего лишь вычистить рукопись от длиннот, многословного цитирования и повторов.

А шесть лет тому назад я сам получил неожиданное свидетельство о том, что Церетели работает тщательно и взвешенно, скрупулезно отработывая форму своих литературных опусов, а потому медленно, нередко нарушая все предварительные договоренности по срокам. Мой друг В.Д.Тополянский, прекрасный врач и историк, собиравший тогда в РГАСПИ материал для очередной из своих публикаций-исследований, в одном из документов наткнувшись на упоминание фамилии Церетели, немедленно скопировал его для меня.

Документ был действительно уникален – письмо одного из учеников В.О.Ключевского Николая Александровича Рожкова другому, не менее известному, – Михаилу Николаевичу Покровскому. Оба – выпускники Московского университета, чем тот до сих пор по праву гордится. Оба с началом российской революции 1905 года стали большевиками. Оба среди ленинских соратников занимали совсем не последние места. Однако пути их кардинально разошлись весной 1917 года, когда Рожков демонстративно перешел в лагерь меньшевиков, осудив политику недавних однопартийцев как «захватную и раскольническую». С тех пор их пути разошлись, хотя, как увидим, на личных взаимоотношениях тогда это еще не сказывалось столь катастрофически, как несколько лет спустя.

В написанном 2 октября 1917-го (по старому стилю), незадолго до октябрьского захвата власти большевиками, письме Рожков, отвечая на просьбу Покровского побудить Церетели подготовить воспоминания о работе с.-д. фракции во Второй Государственной Думе, сочтет нужным предупредить своего корреспондента:

«Дорогой Михаил Николаевич, я говорил с Церетели накануне его отъезда на Кавказ, и вот его ответ: он болен и очень устал; но постарается написать воспоминания о Второй Думе, если будет у него к тому хоть какая-нибудь возможность; категорически обещать, что сделает это, он не решается» [1, л.1].

И тут же продолжит: «Позвольте мне высказать по этому поводу свое мнение, что это – лучший из всех возможных при данных обстоятельствах ответов с его стороны. Должен я прибавить еще, что пишет он довольно медленно и очень строго относится к форме своих писаний; это достоинство в известном смысле, но оно вряд ли благоприятствует исполнению дела в данном случае». Естественно, что Рожков в этих своих выводах опирался на свои сибирские наблюдения, ибо на поселении жил рядом с Церетели.

Продолжив далее свои подсказки, как Покровскому следует вступить в переговоры и самостоятельно вести их с отбывшим в demonstra-

тивный отпуск на Кавказ Церетели, Рожков подчеркнет: «Во всяком случае, Вы хорошо сделаете, если Вы лично (а не издательство) напишете ему на Кавказ. Напомните о моем с ним разговоре и подробности еще раз сообщите (размер, гонорар, сроки выполнения). Вообще лишний раз на него наляжете, хотя он памятлив на подобные дела. Да и деньги ему, кстати сказать, нужны, что особенно окрыляет надежду на выполнение им работы. Боюсь только, что на Кавказе его опять затаскают и что ему скоро придется вернуться сюда: большевики!»

Касаясь аналогичной просьбы Покровского в свой адрес (Рожков во Второй Думе входил в число тех, кто поддерживал связь между ЦК и большевистской частью фракции), он констатировал: «Я свою работу закончу в новый назначенный Вами срок. Думаю около 15-го быть ненадолго в Москве. Еду на избирательную кампанию: пока в трех местах выставлена первою моя кандидатура; везде я должен был ее принять». При этом заметив: «Фамилия "Покровский" значится в числе большевистских кандидатов. Это Вы, конечно? Итак, мы с Вами выступаем, хоть и не лицом к лицу, может быть, но в качестве политических противников. Какой пассаж! А я уже вследствие своей кандидатуры вынужден в партийных газетах тех округов, где они выбраны, вступить в полемику с большевиками, в критику их тактических выступлений. Не этого я ожидал: когда я ехал из Сибири, я надеялся вести борьбу в объединенной партии и в ней сидеть в центре, хотя, может быть, и в правом, а не в левом центре. Все это внушает мне достаточно меланхолические ощущения, и временами я даже жалею, что не отряс от ног своих совсем политического праха. Искренний привет. Н.Рожков» [1, л.1–2].

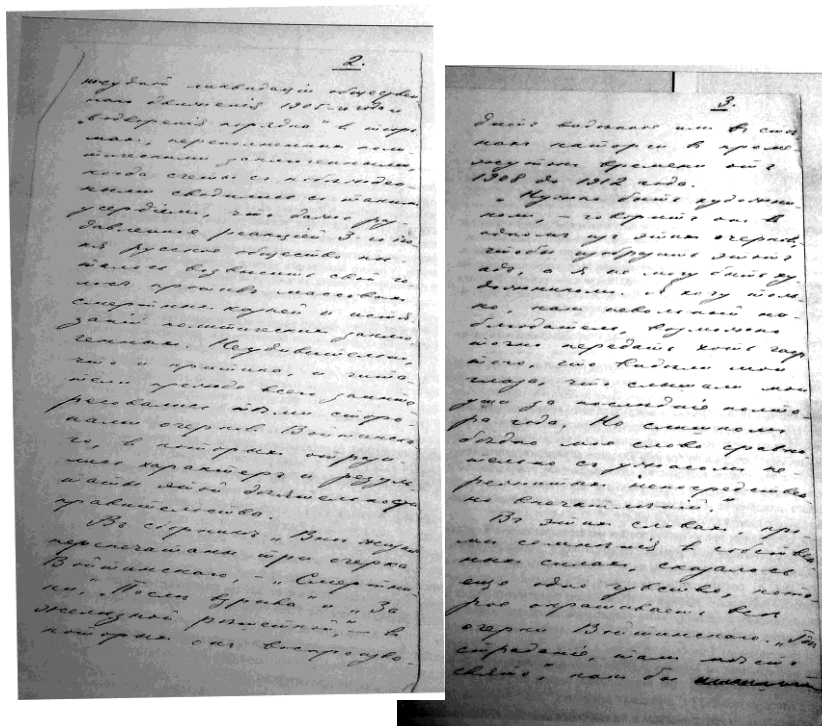
Российскому обществу вновь предстояла переэкзаменовка, которую оно в итоге вновь провалит.

Наброски воспоминаний Церетели о Второй Государственной Думе много позже в эмиграции отредактирует и приведет в порядок еще один его соратник по каторжной ссылке – Борис Иванович Николаевский. После чего они окажутся на хранении в знаменитой коллекции Николаевского, которая по праву составляет гордость архива Гуверовского института войны, революции и мира при Стенфордском университете (Пало-Альто, Калифорния, США). А рукопись рецензии о тюремных очерках В.С.Войтинского попадет на хранение в Национальную публичную парламентскую библиотеку в Тбилиси. Она прекрасно сохранилась. В ней 165 листов, исписанных мелким, убористым почерком Церетели, черными почти непоблекшими чернилами, с минимальными поправками и правками. В 1941 году ее на хранение в только что отде-

ланное здание правительства республики (с 1991 до 2012 – парламента Грузии) принесет двоюродная сестра автора, Русудан Николадзе, знакомым служителям закрытой библиотеки. Наряду с другими документами, рукопись «до лучших времен» хранилась в заколоченном ящике, без какой-либо обработки и описи. Как поведал мне И.П.Якобашвили, «поскольку лучшие времена настали, мы и вынули "на Свет Божий" эту рукопись (и кое-что еще), и я начал работу над ней».

Неизвестная ранее рукопись И.Г.Церетели – ярчайшее свидетельство самостоятельной попытки осмысления происшедшего с Россией после революции 1905 года, что была предпринята к концу первого года Первой мировой войны в сибирской ссылке небольшой группой российских социал-демократов, сплотившихся вокруг И.Г.Церетели. Объявив статьи и публичные заявления членов группы «историческими», Ю.О.Мартов в 1915 году назовет их «сибирскими марксистами» [4].

Так кто были эти «сибирские марксисты»?

Церетели И.Г.

ЭПИЛОГ 1905-го. ЗА ЖЕЛЕЗНОЙ РЕШЕТКОЙ

По поводу тюремных очерков Вл.Войтинского

I

Недавно вышел в свет сборник «Вне Жизни» – первый том тюремных очерков Вл. Войтинского. Очерки эти, печатавшиеся в 1911 году в «Русском Богатстве» и других журналах, тогда же привлекли к себе внимание прессы и широкого круга читателей ярким отражением жизни современной политической каторги. Их появление в печати совпало с разгаром военно-судебной ликвидации общественного движения 1905 года и «водворением порядка» в тюрьмах, переполненных политическими заключенными, когда счеты с побежденными сводились с таким усердием, что, даже раздавленное реакцией 3-го июня, русское общество пыталось возвысить свой голос против массовых смертных казней и истязаний политических заключенных. Неудивительно, что и критика, и читатели прежде всего заинтересовались теми сторонами очерков Войтинского, в которых отразились характер и результаты этой деятельности правительства.

В сборнике «Вне Жизни» перепечатаны три очерка Войтинского – «Смертники», «После взрыва» и «За железной решеткой», – в которых он воспроизводит виденное им в стенах каторги в промежутке времени от 1908 до 1912 года.

«Нужно быть художником, – говорит он в одном из этих очерков, – чтобы изобразить этот ад, а я не могу быть художником. Я хочу только, как невольный наблюдатель, возможно точно передать хоть часть того, что видели мои глаза, что слышали мои уши за последние полтора года. Но слишком бедно мое слово сравнительно с ужасом пережитых непосредственно впечатлений».

В этих словах, кроме сомнения в собственных силах, сказалось еще одно чувство, которое окрашивает все очерки Войтинского. «Где страдание, там место свято» как бы слышится между строк его писаний, и это настроение рождает в нем потребность бережного отношения к предмету, чтобы правдиво, без прикрас, во всей полноте обнажить перед читателем все им виденное. Он подходит к описываемым явлениям как наблюдатель, перед которым открывается целый мир человеческих переживаний, закрытый для других, и который чувствует себя обязанным дать обществу точный «отчет» обо всем виденном, не задаваясь целью пробовать силы в неизвестной ему области художественного творчества. Он не гонится за образами, хотя

конечно, не может не чувствовать, что самое верное средство дать читателю понятие о виденном – это представить все в образах. Касаясь внутреннего мира окружающих его людей, он часто дает полную картину их душевных переживаний, но только в тех случаях, когда ему не приходится выйти за рамки виденного или слышанного. Там, где эти переживания недостаточно сказались вовне, он только передает слова и события, врезавшиеся ему в память, отрывочные данные, по которым можно лишь догадываться о полной картине душевных переживаний.

Таковы в очерке «Смертники» все те места, где он говорит о душевном состоянии приговоренных к смертной казни. Здесь он становится особенно осторожным, как бы боясь приписать людям мысли, чувства, которые, быть может, им чужды. Большею частью он дает отдельные отрывки, открывшиеся его наблюдению, независимо от того, насколько полно и ярко эти штрихи рисуют внутренний мир приговоренных к смерти.

Один из смертников перед казнью стоит с опустошенной душой и больше всего заботится о том, чтобы приспособиться к надетым на него кандалам. Другой, под впечатлением свидания, думает о горести старой матери, которой «никак не растолкуешь всего». Третий, осужденный матрос, отдает в момент казни часы солдату, который должен стрелять в него, со словами: «Смотри, вспоминай, как по приказу человека убил. Да лучше целься, чтобы не мучиться мне».

Все эти черты списаны прямо с действительности, но они не дают полной картины душевного мира приговоренных к смертной казни. Точно так же, когда Войтинский говорит об одичании массы уголовных и «полууголовных» экстремистов, все мысли которых перед казнью направляются в одну сторону, «в сторону мечты о мести, мечты, порабощающей себе все мышление, подобно бредовой идее помешанного», когда он рассказывает об их взаимных оговорах и судорожном цеплянии за жизнь, чувствуется, что все это правда, виденная автором, но он и не пытается индивидуализировать эти случаи и в отдельных образах обрисовать переживания этих людей перед казнью. Даже в тех случаях, когда он касается проявлений изумительной духовной силы людей, во имя идеи спокойно идущих на казнь, он не останавливается на этих образах, чтобы художественной интуицией попытаться воссоздать всю полноту их переживаний, а лишь заносит в дневник поразившие его слова и поступки. «Я уже давно, когда только вступил в партию, взвесил все и все решил, – говорит в "Смертниках" рабочий, приговоренный к смертной казни за участие в вооруженном восстании. – Тогда я решил отдать жизнь за рабочее дело, за социализм... И вот теперь отдаю жизнь».

Крупный художник в положении Войтинского, при таком обширном круге наблюдений и при таких глубоких переживаниях, которые, несомненно, пришлось испытать Войтинскому в атмосфере смерти и каторги, быть может, сумел бы раскрыть новые, неведомые глубины человеческих переживаний. Художник без большого дарования, наверное, обесценил бы свою работу попытками подобного рода. Войтинский не сделал ни того, ни другого, ибо заранее сознательно наметил себе форму простого, фотографически точного описания, и становится особенно сдержанным, лишь только образное изображение явлений требует простора для художественной фантазии.

Но при всем этом нужно быть слепым чтобы не заметить в очерках Войтинского элементов художественной образности, отдельных блесков подлинного художественного творчества. Эти блески часто оживляют изложение Войтинского, но носят такой своеобразный характер, что по ним невозможно было бы определить, означают ли они наличность молодого дарования, обещающего развиться в крупную художественную силу, или мы имеем дело с случайным гостем художественной литературы, который порою невольно заговаривает образами, чтобы суметь выразить глубокое переживание, не поддающееся иной передаче.

Вот, например, описание приготовления к смертной казни в «Смертных»:

«В волчок общей камеры заглянуло чье-то лицо, интеллигентное, выхлуженное, украшенное изящными усиками.

– О, сколько их здесь! – произнес удивленный голос. – Один, два, три... Больше двадцати, пожалуй. Не все ведь сегодня?..

Другой, более солидный, голос возразил:

– Да нет же! То не те совсем...

Господин с интеллигентным лицом отошел от волчка.

Щелкнул замок у секретки. В коридор вывели анархиста-новичка.

– Как звать? – спрашивает суровый начальнический голос.

Осужденный ответил отчетливо и твердо.

Затем послышалось быстрое чтение:

– По Указу Его Императорского Величества... признан виновным в том, что в местности, объявленной на положении чрезвычайной охраны... к смертной казни через повешение... издержки на счет суда... передать наследникам...

И прежний суровый голос спросил:

– Священника примешь?

– К чему?

– Да ты отвечай, примешь или нет?

– Не приму.

– Ну и отлично... Ну, живо!.. Пойдемте, господа!..

Топот многих тяжелых ног, бряцание ружей, звон кандалов... и твердый, громкий голос:

– Прощайте, товарищи! За свободу...

Прошло некоторое время, может быть, пять минут, может быть, час.

Толпа снова вернулась на коридор.

– Следующего.

Щелкнул замок у второй секретки.

– Твое имя?

В ответ раздается надорванный вопль.

– Не я, ваше благородие!.. Видит Бог, не я!.. Не губите! Дедушка, родненький, ты хоть скажи, что не я! Ради Христа!.. Помилуйте!.. Ведь бумагу написали... Бумага будет!.. Родненькие мои! Да как же так...

– Помолчи-ка лучше! Тебя как звать? А? Ну, хорошо... Вот и слушай.

И опять быстрое чтение:

– По Указу Его Императорского Величества... к смертной казни... через повешение...

Мужик продолжал плакать.

– Священника примешь?

– Батюшка! Перед Богом, не виновен... Семья дома ...

И чей-то густой, благочестивый голос успокаивает его:

– Ну, хорошо, хорошо, встань на колени... Вот так... Молодец... И аз, недостойный иерей, властью мне данной прощаю и разрешаю... Ну, встань... Вот крест, поцелуй... Ну, так.

– Готово? – спросил суровый голос.

И благочестивый голос отвечал:

– Готово!».

Я думаю, тому, кто прочитал эти строки, надолго врежутся в память и прокурор с интеллигентным лицом, корректно и спокойно отправляющий служебные обязанности при обряде повешения, и священник, благочестивым голосом отвечающий палачам «Готово!», и мужик, с его беспомощным воплем о спасении, и предсмертный крик анархиста: «Прощайте, товарищи, за свободу!»

А между тем кто тот художник, который запечатлел эти образы?

«Два десятка людей, – говорит автор, – различных и по умственному складу, и по взглядам, и по характеру, рассказывали мне об этой казни. И рассказ их во всех подробностях был один и тот же. Все черточки этой

картины с беспощадной ясностью врезались в память невольных свидетелей, и долго, долго не забудут они этой картины. И когда я сидел среди этих людей, в этой части, картина казни днем и ночью стояла пред мной и нельзя было избавиться от нее».

Таковы многие страницы и в этом очерке, и в других, где наблюдения и обобщения автора часто прерываются образами, списанными прямо с природы, но прошедшими сквозь глубину сердца и потому приобретенными подлинную художественную яркость и силу. «Серый, буднично-ужас» палача и виселицы, могильная атмосфера тюрьмы, где «стираются и выцветают все чувства, тускнеют все ценности» и наступает одичание, одинаковое для ждущих казни и для невольных свидетелей ее, переданы с такой силой, какую могут приобрести лишь слова и образы художника, – или человека, прошедшего через весь ужас этой жизни.

«Стоя у окна, товарищ считал проходивших в двери.

– Трех взяли ... Лиц не разобрать. Нужно будет завтра спросить имена.

Остальные молчали, не отрываясь от игры.

– Твой ход.

– Я дамкой хожу.

И снова молчание. Вдруг один с удивлением проговорил:

– Странно, товарищи! Как мы приспособились. Не замечаем даже казней. А раньше-то, еще два месяца тому назад, что было?

И игра как-то сразу прекратилась. Всем стало тяжело на душе».

Г.А.Крайний¹ где-то с укоризной замечает по адресу Войтинского, что искусство и не ночевало около его произведений. И это совершенно верно, Войтинскому совсем не до искусства. Но есть переживания, которые и в душе обыкновенного смертного запечатлеваются с той же яркостью, какая свойственна лишь многосторонне-чуткой душе художника. И при передаче этих переживаний даже не художник может найти простой образ, способный поразить читателя силой выраженного в нем чувства.

¹ Г.А.Крайний – никаких сведений о литераторах с такой фамилией или псевдонимом публикаторы не нашли. Лично мне кажется, что Р.М.Гайнуллина безусловно права, утверждая, что большое «Г» перед «А» в данном случае не инициалы, а всего лишь сокращение слова «Господин». Тогда речь идет об А.Крайнем, т.е. Антоне Крайнем, что, как известно, является псевдонимом Зинаиды Гиппиус. Поскольку пока не удалось установить точного названия и места публикации, необходимых для подтверждения этой догадки, считаем своим долгом высказать здесь эти предположения в виде гипотезы, определяющей направление дальнейших поисков. А.Ненароков.

Возьмем очерк «После взрыва». В нем описывается картина тюремного погрома. Всякий, прочитавший очерк, почувствует, как в нормальных условиях тюремной жизни неизбежно подготавливается почва для событий, подобных описанному Войтинским. Там, где одна сторона имеет возможность и даже обязана изо дня в день «укрощать» и истязать другую, естественным, психологическим последствием является то накопление ненависти и злобы во взаимных отношениях, которое описано в очерке. В этих условиях достаточно кому-либо из заключенных решиться на протест или отчаянную попытку к побегу, чтобы прорвалась последняя плотина, до некоторой степени сдерживающая проявление злобной ненависти «укротителей» ко всей массе «укрощаемых». Войтинский дает полную картину того ада, в который превращается тюрьма, когда есть повод расправиться с нею.

«Все за одного! – кричит старший надзиратель Волков уже после расстрела пытавшихся бежать заключенных и многих других, не имевших никакого отношения к побегу. – Теперь на нашей улице праздник!.. Своего не упустим. Всех перебьем до последнего, а ответа с нас никакого, кроме благодарности!»

И на долгое время затем воцаряется в тюрьме кошмар массовых избиений, о которых могут дать понятие такие сцены:

«С топотом, шумом и грубым смехом поднималась толпа надзирателей по лестнице. Вот шум шагов, голосов и смеха притих и совсем замер за глухими стенами... Свернули в боковой коридор... Зашли в какую-то камеру... Вот слышны какие-то крики, тупые удары, вопли, звон цепей... Катится что-то тяжелое по лестнице... Гремит железо... По всей тюрьме несется высокое, отчаянное:

– Ой-ой-ой! Убивают!..

Тяжелые, поспешные шаги по лестнице. И уже снизу доносятся тупые удары. Крики все тише, все реже. И в такт ударам чей-то голос приговаривает:

– Ты здесь покричи-ка, покричи еще, стерва...».

Во время взрыва автор сидел в больнице, и вот что произошло на его глазах при первой же проверке:

«Отперли дверь, ввалились в нашу палату.

Впереди всех вошел Волков. Его красное, налитое кровью лицо все передергивалось мелкой дрожью. Прыгали вверх и вниз длинные, пушистые усы. Руки были сжаты в кулаки. По-видимому, он был сильно пьян. Но держался на ногах твердо и грудь выпячивал вперед, по-военному. Из надзирателей иные покачивались. Среди красных, потных лиц выделялось в их

«СИБИРСКИЕ МАРКСИСТЫ» ОБ ЭКЗАМЕНЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 ГОДА

толпе два или три совершенно бледных лица с перепуганными, недоумевающими глазами.

Старший медленно обвел нас тяжелым, затуманенным взглядом и остановился на Борисове.

– Вот этого, – произнес он тихо и отдельно, указывая на Борисова рукой.

И, моментально утратив самообладание, взвизгнул:

– Бей!

Борисов стоял у своей койки, высокий и худой, как скелет, с побелевшим лицом, бледность которого еще больше выделялась благодаря его густой черной бороде. Стоял неподвижно и больше походил на мертвеца, чем на живого человека. Даже обычный чахоточный румянец на заострившихся скулах его погас...

Били молча. Слышались только звуки ударов, подавленные стоны Борисова, да Волков взвизгивал от ярости и от волнения. А Архипов, державший арестанта, негромко уговаривал его:

– Да стой ты! Стой прямо! Тебе говорят, не вертись!

Потом арестанта бросили на пол и стали бить его ногами.

Наконец Волков скомандовал:

– Будет с него. Тащи стерву в карцер. Там отлежится.

И, обратившись на нас, процедил сквозь зубы свою обычную угрозу:

– Изю всех вас мясо собачье сделаю».

Конечно, не об искусстве думал Войтинский, когда писал эту сцену. И, возможно, что он совсем не художник. Но он видел эту сцену, она прошла всеми своими чертами через его душу, и потому он сумел показать ее нам с той же отчетливостью и силой, с какой это мог сделать только художник.

Художественный вымысел создает такую комбинацию образов, при которой наиболее ярко проявляется сущность описываемых явлений. Элемент вымысла совершенно отсутствует в очерках Войтинского. Где действительное событие не выливается у него в образы, он не выдумывает иных комбинаций и не боится просто рассказать о нем.

Но временами ему приходится описывать события, которые точно нарочно созданы фантазией художника для концентрации смысла явлений в одном ярком образе. Таков эпизод в очерке «После взрыва», в котором действующим лицом является сам автор.

После всего виденного он добровольно перевелся в камеру, где его неминуемо ожидало избиение.

Помощник начальника, когда-то имевший с ним столкновение, приходит в эту камеру на проверку:

«Он медленно обвел нас мутным взглядом, разыскивая кого-то. Остановился на мне и крикнул:

– А, ну-ка, оратор, выходи на коридор!..

Я выступил вперед, стараясь идти возможно твердо и спокойно. Я знал, что сейчас меня будут бить, что я не буду сопротивляться и решил только не проронить ни звука, не радовать палачей проявлением слабости. Чувствовал, как безобразно унижительна эта сцена. Но вместе с тем как-то необыкновенно отчетливо чувствовал, что для меня, как для человека, эта сцена не более унижительна, чем те избиения, при которых я до сих пор присутствовал в качестве зрителя.

Я поравнялся с помощником, не оборачиваясь, прошел мимо него и вышел в коридор.

– В карцер его! – крикнул помощник.

Кто-то ударил меня по лицу. Слетели очки. Я больше не видел лиц обступивших меня надзирателей. На голову, на плечи, на грудь посыпались удары кулаков...»

Мы знаем, что значит для человека с чувством чести и личного достоинства стать объектом подобной расправы. Мы знаем, сколько людей добровольно свели счеты с жизнью в тюрьме, не вынеся позора избиений. И едва ли кто, прочитавший очерки Войтинского, усомнится в том, что и в его сердце живы чувства чести и человеческого достоинства. Но вот какие впечатления от этого избиения остались в душе избитого:

«Ныло избитое тело. Чувствовалась какая-то болезненная слабость...

Но – странное дело! – моральное самочувствие как будто улучшилось. Не было того гнетущего, гадкого чувства унижения, которое до сих пор ни на минуту не покидало меня с того дня, как на моих глазах истязали Борисова, а я молчал...

Когда били на моих глазах товарищей, а я смотрел и молчал, чувство унижения было в тысячи раз глубже и мучительнее, чем несколько часов тому назад, когда голова моя беспомощно моталась под кулаками надзирателей...»

Самый свободный художественный вымысел не передал бы всего ужаса тюремного погрома ярче, чем этот образ «беспомощно мотающейся под кулаками надзирателей головы» человека, которому само воспоминание об этой сцене служит источником нравственного успокоения.

Приведенные выписки могут дать понятие о той яркости, до какой вышается Войтинский в воспроизведении виденного им в стенах каторги. Но, конечно, не все, описываемое им, выливается в живые образы. И не потому только, что не все могло врезаться ему в память с одинаковой от-

четливостью и яркостью, но также и потому, что в своем «отчете» рядом с картинами тюремного быта он хочет поделиться с читателем всем материалом мыслей, вынесенных им из наблюдений над жизнью современной каторги. Описания тюремной жизни чередуются с замечаниями автора, с его обобщениями, соображениями юридического характера, статистическими данными и т.д.

Эти замечания ценны тем, что в основе их у Войтинского всегда лежат непосредственные наблюдения над такими явлениями жизни, истинный характер которых всего лучше раскрывается именно в тюремной обстановке.

Таковы, напр[имер], его замечания о роли провокации в практике русских судов или о результатах, достигаемых смертными приговорами.

В тюрьме всегда, рано или поздно, становится известным, кто в каком деле участвовал и кто кого оговорил. И вот, по наблюдениям Войтинского, в основе 9/10 смертных дел лежит провокация, причем провокатор по самому существу дела должен оговорить не только истинных виновников, но и всех, кто соприкасался с ним и с жертвами его предательства, т.к. в противном случае он рискует стать жертвой мщения. Суд не имеет возможности установить истину, т.к. все ведение дела основано на «взаимных оговорах» и «чистосердечных признаниях» людей, находящихся под страхом смертной казни. При такой постановке следственного производства в делах, оканчивающихся смертными приговорами, неудивительны «судебные ошибки», о которых русское общество знает по отдельным громким делам, выплывавшим наружу. По подсчету Войтинского это ведение дела приводит к 20–25 процентам невинно казненных.

Известно, как мало действительна смертная казнь в качестве предупредительной меры. У Войтинского приведено много примеров того, как в атмосфере смертных казней развивается эпидемия преступности. Но вся бесцельность системы казней выступает особенно ярко при свете следующего наблюдения Войтинского:

«Среди смертников, ожидавших казни за восстание 1905-го года, можно было заметить два резко противоположных течения. Одни, оставшиеся верными своим верованиям, ждали суда и казни без страха, без трепета, с традиционной для русского революционера стойкостью; другие, проклиная свое увлечение, проклиная «впутавших» их в это дело, жили в безумном страхе за свою жизнь, каждый день переживая безысходный, отчаянный ужас смерти... Я заметил, что смертная казнь, предназначенная по своей «идее» для самых нераскаянных преступников, всего менее страшна именно для того, кто остался таким же, каким был в момент совершения престу-

пления; мучительной и ужасной она становится для преступника с того момента, когда он начинает раскаиваться в совершенном преступлении, когда он уже перестает быть тем, которого «надо было повесить».

Мы привели несколько картин и наблюдений Войтинского, в которых запечатлены акты военно-судебной и тюремной расправы правительства с политическими врагами. По этим выпискам можно судить о характере писаний Войтинского. Трудно было бы отнести их к какому-нибудь определенному роду литературных произведений. Сам автор в предисловии к сборнику говорит, что не задавался ни художественными целями, ни публицистическими, ни целью описать свои личные переживания, и это верно, хотя в его очерках есть элементы всех перечисленных выше родов литературы. Фотографически точные описания временами выливаются в живые образы, суммирование непосредственных наблюдений принимает характер публицистических обобщений, а, в общем, перед нами раскрывается дневник добросовестного наблюдателя, дающий обширный и точный материал из жизни современной политической каторги.

Об одной стороне этой жизни можно судить по приведенным выше выпискам. В описанных Войтинским актах «усмирения» находило свое утление озлобление правительства за страх и растерянность, нагнанные на него движением 5-го года. Оно действовало уверенно и смело, окруженное плотным кольцом мобилизованных реакцией темных сил, вместе с правительством поднявших голову после октябрьской паники и искавших залога общественного успокоения в «оттяпанных головах» и кровавых зрелищах.

Произведение Войтинского, вместе с другими многочисленными «человеческими документами», проникшими на свет из тюрем и застенков дней реакции, надолго останется историческим памятником этой эпохи.

Но общественное значение очерков Войтинского не исчерпывается разоблачением характера расправы правительства с побежденными политическими врагами. Таких рамок он себе не ставил, и его «отчет» содержит нечто большее. В стенах каторги, куда после 5-го года были брошены сотни и тысячи людей из самых разнообразных слоев населения, охваченного революционным движением, наблюдателю открывается возможность видеть не только действия правительства по отношению к этим людям, но и самих этих людей, их внутренний мир, их переживания, отражающие и прошлые их настроения, и их эволюцию в условиях каторжного режима.

Для Войтинского этот внутренний мир заключенных является предметом долгого, внимательного изучения, и в его очерках нашло себе место все то, что доступно чуткому наблюдателю, умеющему серьезно относиться к чужим переживаниям. Он не пробует писать психологических этюдов,

требующих художественного проникновения и творчества, только рисует переживания, непосредственно открытые его наблюдению.

Лучше всего ему удаются характеристики или простых, несложных, натур или таких людей, чьи переживания он сам вынашивал в душе, благодаря ли сходству положения, или близости к данному лицу. Ниже, при ознакомлении с отдельными образами Войтинского, читатель увидит, как в этих случаях воспроизведенные им портреты приобретают черты художественной яркости. Но все же это лишь отдельные проблески художественного творчества.

В общем, Войтинский предпочитает рассказывать о людях вместо того, чтобы показывать их. И, каковы бы ни были недостатки его изложения с точки зрения художественной критики, одно несомненно: всюду – и там, где автор просто излагает свои мысли и наблюдения, и там, где он дает точные портреты лиц его окружавших, и там, где он возвышается до подлинного художественного творчества, – он остается глубоко интересным, касается самых значительных сторон открывающейся его наблюдению жизни и в итоге дает картину, проливающую яркий свет на внутренний мир людей недавнего прошлого, взнесенных на вершину общественной волны 1905-го года и затем сброшенных в казематы тюрем и каторги.

Поле наблюдения автора сужено рамками каторги. Этим объясняется вся ошибочность многих его суждений в тех местах, где он берется сопоставить свои наблюдения с явлениями вольной жизни и разъяснить общественный смысл своих образов. С этой стороны очерки Войтинского требуют поправок и дополнений. Но в рамках каторги ни один из современных писателей не имел такого широкого круга наблюдений, и для ознакомления с миром политических заключенных очерки Войтинского являются самым надежным материалом.

Г-н Розанов² из «Нового Времени», недовольный изображением тюремных порядков в очерках Войтинского, пытался опорочить правдивость его наблюдений, усмотрев в них желание возвеличить деятелей революции и окружить их ореолом мученичества и святости.

Едва ли найдется писатель, проникнутый более непосредственным чувством симпатии к миру политических заключенных, чем Вл. Войтинский. С этой стороны нововременский публицист со всеми своими «убийственно-ироническими» намеками стучался в открытую дверь. В разобранном им очерке Войтинского «Призраки», где только что покинувший каторгу автор

² Речь идет о Розанове Василии Васильевиче (1856–1919), философе, писателе, журналисте [6], с мая 1899 года и до его закрытия в 1917-м работавшем в «Новом Времени».

вспоминает то море страдания, которое похоронено за стенами каторги, те «алмазные нити» любви, которые соединяют мир погребенных за железной решеткой узников с их близкими, оставшимися на воле, автор менее всего старается скрыть свои чувства. Это стихотворение в прозе, вылившееся из сердца и своей неподдельной лирической силой свидетельствующее о связи, соединяющей автора со всем миром политических заключенных.

Но именно эта-то связь дала Войтинскому силу изобразить все, что он видел, в неприкрашенном виде, передать всю действительность такой, какой она есть, без идеализации и без недомолвок.

«Как *переменить* дорогой образ? – спрашивает г-н Розанов. – Для любящего представится чем-то кощунственным переименовать действительность, прибавлять, украшать... Нет, я нарисовал бы их некрасивыми, хмурыми, раздражительными» («Новое Время», 13 авг. 1913 г.).

Это написано по поводу очерка, где рядом с картинами высочайшего проявления самоотверженности и духовной силы встречаются следующие строки:

«Вспоминая пережитое, я снова вижу вокруг себя тюремные своды ... Вижу, как плесень, сгоняющая румянец с молодых щек, съедает и яркие краски души; как медленно угасает в людях огонь идеалистических порывов, умирает вера, исчезает смелость, как съеживаются и закрываются некогда красивые души. Вижу маленьких, запуганных и замкнутых в себе, раздражительных и себялюбивых людей. И это – вчерашние борцы, вышедшие поутру рано навстречу всходившему в багряной заре жгучему солнцу» («Призраки», «Р[усское] Б[огатство]», 1913 г., №7).

Нужно иметь юродствующую душу нововременного философа, чтобы по поводу очерка, где напечатаны эти строки, предаваться сокрушению об «иконописной мазне» и читать автору Иудушкины поучения: «Безжалостная олеография. Ибо в тюрьме все-таки трудно...»

Все наблюдения Войтинского над внутренним миром политических заключенных объединены им в двух самых значительных и по объему, и по содержанию очерках – в «Суде победителей» («Р[усское] Б[огатство]») и в «За железной решеткой» (Сборник «Вне жизни»). Здесь собраны портреты и образы участников движения 1905-го года, вышедших из самых разнообразных слоев населения: из рабочей среды, из среды крестьянства, учащейся молодежи и разночинной демократической массы. Это единственный в своем роде живой материал для характеристики общественных настроений революционной и пореволюционной эпохи.

Задачей настоящей статьи является анализ этого материала, с целью выяснить:

«СИБИРСКИЕ МАРКСИСТЫ» ОБ ЭКЗАМЕНЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 ГОДА

1. Какие черты революционного движения 1905 г. отразились в психологии описанных Войтинским участников этого движения.

2. В какой мере эволюция настроений политических узников в обстановке «железной решетки» сходна с эволюцией общественных настроений в стране в годы реакции, и какие черты вольной жизни шли вразрез с подобными тенденциями.

3. Каковы были условия формирования общественных деятелей в 1905 г. в сравнении с условиями, создающимися в настоящее время.

II

Очерк «Суд победителей» может служить общим фоном для других очерков, дающим ключ к уразумению многих сторон изображенных Вл.Войтинским лиц. Нигде общий характер движения 1905 г. не отразился с такой полнотой, как в этом очерке, хотя по характеру описываемой среды «Суд победителей» стоит особняком от всех других очерков и изображенные в нем лица в огромном большинстве очень далеки от настроений революционной эпохи.

В очерке описано железнодорожное «дело», к которому привлечены частью рабочие, но главным образом железнодорожные служащие, вольные или невольные участники октябрьской забастовки. Массе обвиняемых из 132 человек предъявлено обвинение по смертным и каторжным статьям за захват железнодорожных станций и за помощь дружинникам при столкновении с карательными отрядами.

По рассказу главного участника движения, рабочего Григория Клименко, видно, что и железнодорожная забастовка, и столкновения с войсками разразились как-то внезапно, неожиданно для самих участников, и в общей суматохе трудно было даже разобрать, кто что делал в эти дни. В дальнейшем, при характеристике отдельных участников дела, эти черты стихийности проступают наружу.

Чтобы понять глубокий общественный смысл этого очерка, необходимо ближе присмотреться к изображенной в нем среде и к той трагедии, которая постепенно в нем развертывается.

На первом плане стоит фигура рабочего Клименко. Это единственное действующее лицо очерка, подлинно обвеянное дыханием революции. В разгар движения 1905 г. он показал себя человеком железной воли и в продолжение нескольких месяцев являлся как бы признанным «пролетарским директором» большого металлургического завода.

Характер Клименко ярко обрисован на всем протяжении очерка. Он весь дышит интересами дела, верой в святость борьбы, приведшей его на

скамью подсудимых. К нему жметесь небольшая кучка в 15 человек, оставшихся верными старому делу. Но для всей остальной массы обвиняемых нет человека, более чуждого, более оторванного от их настроений, чем этот не сломленный тюрьмой революционер-рабочий. И Клименко прекрасно осознает это.

«Вы не знаете, – говорит он в объяснение этого явления автору, – как велось у нас следствие... Кого там только нет! Эти железнодорожные шмондрики³ сплошь да рядом друг друга из мести оговаривали. Поссорятся двое из-за девки и бегут к следователю или к жандармам: "Он в стачечном комитете участвовал!", "Он убивать офицера ездил!". Жандармы обоих и замечают... для счёту. Благо, улики против обоих нашлись ... Из рабочих забрали тоже совсем несознательных. Иной в 5-м году, в массе, был туда-сюда, а теперь с ним лучше не встречаться. Я говорю вам: из нашего процесса столько грязи будет, что не оберешься».

Но в самом ли деле прав Клименко, объясняя все постановкой следствия? Почему он оказался в компании людей, чуждых ему, его делу, всему 5-му году?

Несколькими резкими штрихами очерчены в очерке люди, нежданно-негаданно попавшие в процесс. Тут и старик-малоросс, вздумавший ехать за гусями и случайно попавший в поезд с дружинниками, и горбун, начальник полустанка, подвыпившие конторщики для смеха надели отобранную у какого-то жандарма шашку, и станционный ораторишко Лежнев, которого товарищи упростили газетку прочесть на собрании, «где и дамы были», и забитый чиновник Берг, обезумевший от страха во время перестрелки и извлеченный из-под стола вместе с каким-то ружьем, валявшимся там же, и еще несколько совершенно непричастных к движению людей. Все эти люди попали на скамью подсудимых или по явному недоразумению, или для «счёту», т.к. первые подвернулись под руку.

Но как-то трудно отделить этих людей от других, за которыми все же числятся кое-какие «грехи».

Пьяница машинист Филипченко, войдя в тюремную камеру, с места в карьер начинает ораторствовать о своих подвигах: «... Я вам скажу: я кое-что тоже знаю. Не какой-нибудь!.. А что знаю? Да через меня и началось все. Не будь меня, ничего бы и не было...» А Клименко поясняет автору, кто этот подвыпивший герой: «Помните, я говорил Вам, как офицер избил машиниста, который не хотел вести его поезд. Так это как раз Филипченко ему под кулак и подвернулся».

³ Шмондрики – от слова «шмонь»: сволочь, сброд, шваль.

Что такой человек мог обратить на себя внимание усердствовавших властей, неудивительно. Но среди этой массы обвиняемых, выхваченных из подлинного революционного движения, взор невольно ищет иных людей.

Вот старший конторщик Кошкин. На митингах он выкрикивал революционные фразы: «Постоим все до одного! Оставим всякие дрязги! Вооружимся, объединимся для последнего боя!..» И все потому, что до движения он немилосердно обирал подчиненных и не избег бы расплаты, если б не сумел вовремя переменить фронт.

А дальше – опять «революционер» в духе Филипченко, несчастный маленький служащий с «бегающими глазами», который быстрым шепотом поверяет автору тайну: «Я, господин, двух казаков своими собственными руками убил. Истинно дело, не вру... Эти все – что? Только языком болтать: тары-бары да шуры-муры. А я... Вы, товарищ, на то не смотрите, что я простой. Человека тоже понимать нужно...» На самом деле оказывается, что этот герой с пьяных глаз два раза выпалил с крыши своего дома в пустую степь и вообразил, что убил казаков.

Так же мало похожи на революционеров и остальные участники процесса, всеми силами отрешивающиеся от прошлого. Даже группа рабочих, привлеченных по делу, за немногими исключениями, старается держаться подальше от своего прежнего «пролетарского директора» Клименко. В их среде есть люди, всей душой отдавшиеся когда-то движению, но общая паника и дух ренегатства перекинулись и в эту среду. Мелькают лица «бывших людей», прежних сторонников Клименко: рабочий Дмитриев, явный ренегат, техник Семенов, развязно мотивирующий измену соображениями «военной тактики».

Все эти лица тонут в общей серой массе обывателей, начиная с привлеченных по делу врачей и инженера и кончая стрелочником, переставившим стрелку для поезда дружинников.

Временами дает себя знать социальная рознь этой разношерстной массы в злорадных выкриках по адресу инженера и докторов, «загребавших тысячи», или в озлобленных нападениях на «бунтовщика» Клименко и «сознательных», «подведших всех под удар».

И при самом напряженном внимании не удастся отыскать в этой массе следов смелого порыва, бросившего их в огонь революции.

Эти люди мечутся в тюрьме, плачут, хвастают, грозят друг другу, доносят, выгораживают себя и вместе с тем проникнуты сознанием, что в 5-м году оказали революции великие услуги, а теперь брошены на произвол судьбы кем-то, кому нужна была эта услуга.

И вот на них обрушивается грозная кара, суд «торжествующих победителей». Развертывается картина военно-судебного производства, где беспощадная расправа с побежденным врагом особенно отягчается беспомощностью массы подсудимых. Лишь небольшая кучка Клименко принимает удар не дрогнув. Вся остальная масса распластана перед победителями и растерянно слушает окрики председателя, зажимающего рот защите, речь прокурора, громоздящего смертельные статьи за не установленные следствием деяния, показания свидетелей, явно вынуждаемые, против обвиняемых. И, когда в результате двухдневного разбирательства кары смертной казни, срочной и бессрочной каторги сыплются на массу подсудимых, совершается то, что должно было совершиться. Вся эта масса припадает к стопам победителей; она молит о пощаде, отрекаясь от прошлого.

Превосходно, со знанием психологии масс, описано в очерке возникновение идеи о подаче прощения, постепенный переход к этому последнему, открытому акту отступничества немногих колеблющихся, в ком живы еще проблески воспоминаний о славных днях борьбы, и трагическое одиночество Клименко с кучкой уцелевших. Как живые, стоят «торжествующие победители» – тюремный инспектор и губернатор, наслаждающиеся картиной унижения когда-то грозных врагов.

Но осталась кучка упорствующих с Клименко во главе. Этот враг, побежденный, но несломленный, раздражает своим упорством победителей. И вот, привезя в тюрьму весть о милости, губернатор направляется к башне, где отделены упорствующие. Людям, приговоренным к смерти или к бессрочной каторге, «победитель» предлагает купить жизнь и свободу ценой отступничества и унижения. И не выдерживают надломленные силы и натянутые нервы. Пять человек друг за другом отделяется от последней кучки. Эта сцена полна захватывающего трагизма. И образ Клименко, этого пролетарского вождя, рожденного в стихии массовой борьбы, на последних страницах очерка превращается в образ одиночки-героя, покинутого вместе с несколькими верными товарищами, и родившей их массой, и примкнувшими к их борьбе. Эта железная воля не сломлена, но в душу Клименко закрадывается сомнение, верным ли путем он шел:

«И обидно, и больно, и жалко этих людей, которых на воле я знал совершенно другими, – пишет Клименко из башни товарищу. – Ведь здесь есть люди, в которых я, как в себя, больше, чем в себя, верил. И по ночам я все думаю, что значит все это: я ли был слеп тогда и не умел разобраться в людях? Или все мы слепы? Или мы, как актеры, играли на сцене и обманывали сами себя и друг друга? Ах, товарищ! Временами я и в себя больше

не верю. Т.е., что я умру не сдавшись, это-то я знаю. Но ведь мало этого? Должен ли был я вести дело, как я вел его? И нужно ли было это делать?»

Он прощает всей обывательской массе ее отступничество, считая ее чуждой делу революции, но измена товарищей камнем ложится ему на душу. И только в самом конце, перед смертью, встретив случайно своего ученика, продолжавшего его работу в массах, идущего на виселицу с бодрой верой в пролетарское дело, Клименко распрямляется душой и пишет предсмертную записку:

«Когда наши идут на смерть так спокойно, так бодро, как Борис, разве можно сомневаться? Прощайте, товарищ! Передайте нашим, что я шел на казнь спокойный, счастливый и гордый, с полной верой в наше учение и наше дело».

В чем почерпнули силу ученик и учитель, автор не показал и не мог показать в рамках изображенной им жизни. Но он ярко сумел раскрыть всю противоположность в настроении несломленного Клименко и той раздавленной разношерстной массы, которую он изобразил в своем очерке.

И вот является вопрос: что обозначает это полное ничтожество массы обвиняемых, привлеченных за участие в деле революции? Неужели движение, хотя и разбитое, но своим могучим напором потрясшее до основания вековое здание старого строя, имело своими выразителями этих людей, дрожащих перед занесенной рукой победителя?

«Я долго лежал на нарах, но не мог заснуть. Что это за люди? – думал я. Случайно ли они попали на скамью подсудимых в качестве революционеров – героев восстания 1905-го года? Или есть какая-то внутренняя логика в том, что власти, подготавливая суд над побежденными революционерами, уловили в свои сети и бросили на скамью подсудимых именно эту мутную пену человеческой волны?» – Так думает автор, подавленный первыми впечатлениями встречи с массой подсудимых. И мысль его постоянно возвращается к этому вопросу, пока он не успокаивается на таком решении:

«Очевидно, действительные герои восстания, не ожидавшие от торжествующего врага ни милости, ни пощады, успели скрыться и оказались "вне пределов досягаемости" для военных судей. А уловить побежденных революционеров все же было необходимо. Ибо что же это за победа, если нет побежденных, сидящих на скамье подсудимых? И нужно было уловить революционеров побольше, т.к. только этим улавливатели могли доказать свое усердие и умение. И таким образом в тюрьме рядом с действительными руководителями движения, вроде Клименко, оказались десятки все-

возможных Филипченков, Лежневых и Бергов. Для счета в качестве статистов на предстоящем суде и они были хороши».

Поверхностность подобного объяснения сразу бросается в глаза. Обличением злоупотреблений и ошибок представителей власти нельзя ограничить всего общественного смысла описанного Войтинским дела.

Почему оказалось так трудно уловить побежденных революционеров после движения, всколыхнувшего до дна всю обывательскую Россию? Разве там, где движение завладевает открытой ареной, возможно исчезновение вдохновителей и руководителей в момент поражения? И как могли оказавшиеся вне пределов досягаемости отдельные деятели двигать всеми этими людьми с их мелкими будничными интересами на арене великой общественной борьбы, сильной захватом масс и их воодушевлением, общим порывом?

Правда, картина унижения, нарисованная в «Суде победителей», мало вяжется с воспоминанием о революционном годе, но ведь такая же, по существу, перемена дала себя знать в самых широких слоях общества на другой же день после революции. Многим ли отличалась психология покорного и трепещущего общества в первые годы революции от психологии обывательской массы в тюрьме, описанной в «Суде победителей»?

Если непонятно участие этих рядовых железнодорожников в движении 1905-го г., то непонятным должно остаться и все участие т.н. городской демократии в этом движении. Ведь эта демократия не в лице отдельных избранников, а в своей массе поддержала революцию в октябрьские дни. И, без сомнения, самой активной частью этой разношерстной демократической массы была именно железнодорожная масса – та самая, которую описывает Войтинский.

То, что в этих людях при самом напряженном внимании не удастся открыть следов революционного порыва, вовсе не доказывает, что этого порыва на самом деле не было. Во всех концах России в 1905 г. пронеслась та же полоса, на мгновение переродившая обывательскую массу. Чего только не было в это время! Разобщенная, далекая от политики, погруженная в обывательщину, широкая масса буржуазной интеллигенции разом, как бы по мановению волшебного жезла, мобилизуется десятками тысяч в революционный «союз союзов», чтобы поддержать всем своим влиянием бурный натиск пролетариата на старый строй. Врачи и адвокаты, инженеры и техники, даже чиновники государственного банка и министерства финансов при первой вспышке октябрьской забастовки присоединяются к ней и вступают в открытую борьбу со старым строем. Городские самоуправления, эти исконные очаги обывательского крохоборства, вдруг обретают граж-

данскую смелость: в общей тревоге забастовки и революционных выступлений то тут, то там заседания городских дум объявляются непрерывными, или вырабатываются адреса с требованием полномочного народного представительства, или делаются шаги для организации «комитетов общественного спасения», народной милиции и т.д. и т.д. Даже педагоги средних учебных заведений, вчерашние «люди в футляре», организуют революционные союзы, то заявляющие о необходимости вооруженного восстания, то выражающие горячее сочувствие освободительным стремлениям революционного пролетариата.

Общий поток революции захватил обывательскую массу, которой и во сне не снилась подобная роль.

Борьба со старым строем, начатая передовой частью пролетариата задолго до октябрьских дней, вдруг под воздействием внешнего разгрома получила общую поддержку, перекинулась во все слои населения. В обстановке, напряженной кровавым зрелищем войны с ее бесчисленными и бесплодными жертвами, создался сдвиг в настроении страны. Старая власть, ответственная за все понесенные жертвы, сосредоточила на себе общее негодование. Все несоответствие этой власти, разбитой и бессильной, жизненным интересам страны оказалось на мгновение осознанным всем населением. Передовые слои пролетариата вдруг оказались спаянными со всей многомиллионной рабочей массой в общей борьбе против старого строя. Пробужденная войной деревня отзывалась на революционный подъем города широкими раскатами аграрного движения.

Конечно, все это оказалось возможным лишь потому, что в основе движения лежали насущные интересы развивающейся страны.

Но все движимое, от низу и до верху, носило печать стихийности. Не закаленные в политической борьбе общественные классы, а неоформленные массы, получившие стимул к политическому самоопределению лишь в самом разгаре борьбы, – вот чем была поднявшаяся на борьбу в октябрьские дни молодая Россия. Даже на передовом фланге движения, в пролетарских массах, эта черта давала себя знать очень явственно. Тем более должна была она сказаться в других общественных слоях, гораздо менее подготовленных к бурным событиям и своим социальным положением, и всем предшествующим развитием. Не ясно сознанные интересы рождающейся нации, а безотчетное чувство невозможности жить и развиваться в рамках старого строя толкнуло демократические массы на борьбу в момент общего кризиса.

Немудрено, что, когда после октябрьских дней вскрылись первые внутренние противоречия в этом общем стихийном движении и оно оказалось

разбитым, обыватель, захваченный общим потоком, проснулся, как будто от сна, сам не веря тому, что было. Масса, описанная Войтинским, находится именно в этом положении. Среди этих людей бросаются в глаза лишь ненароком попавшие в тюрьму отдельные лица или смешные хвастуны, а остальные сливаются в какую-то серую массу, трепещущую за свою участь. Но не случайность устранила из этой массы действительных героев. Героев демократической массы вовсе не было, или, вернее, вся обывательская масса на мгновение как бы переродилась в героя, чтобы сейчас после поражения вновь принять свой обывательский, вечно трепещущий вид. О силе прошлого прорыва можно судить и по тем отдельным лицам, которые описаны в очерке. Пьяница машинист Филипченко, не побоявшийся отказать начальнику карательного отряда в услугах машиниста, вряд ли был в тот момент так смешон и жалок, как при рассказе об этом событии в тюрьме. Стрелочник, переставивший стрелку для дружинников, тоже делал дело, мало совместимое с обывательской психологией. И даже забитый маленький служащий, взбежавший на крышу, чтобы выпалить в пустую степь, должен был почувствовать в этот момент напряжение всех своих душевных сил, приобщившее его, хотя бы в нелепой и смешной форме, к общему великому порыву. Что делал каждый из остальных участников забастовки, неизвестно. Вероятно, были еще более нелепые проявления необычных душевных переживаний, но все они вместе остановили жизнь железнодорожного узла в момент всероссийской забастовки и на мгновение приобщились к общему движению страны против векового гнета.

Так проявилась историческая роль демократической массы. И если она не сознавала этого отчетливо, все же величие общей задачи на мгновение раздвинуло перед ней горизонт. И в этот момент вся борющаяся масса пошла за пролетариатом как за передовым отрядом борющейся молодой России, чтобы на другой день после поражения предать его и проклясть с тем же озлоблением, с каким описанная в «Суде победителей» масса прокликает «бунтовщика» Клименко.

Рабочая группа недаром занимает в очерке особое положение, выделяя из своей среды единственную не поддающуюся победителю кучку. В момент революции пролетариат оказался самым подготовленным политическим классом. В этой среде были элементы, осознавшие свою историческую роль, была многомиллионная масса, революционным классовым инстинктом чужавшая значение начавшейся борьбы. Неудивительно, что после поражения революции в этой среде оказались не надломленные борьбой лица, не выпустившие из рук революционного знамени. Но в ши-

«СИБИРСКИЕ МАРКСИСТЫ» ОБ ЭКЗАМЕНЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 ГОДА

роких пролетарских массах движение не успело закалить классового сознания, и общая растерянность давала себя знать и в этой среде.

При первых проявлениях противоречия интересов внутри новых социальных сил ослабела сила общего натиска на старый строй. Отходя от пролетариата, демократическая масса отходила и от борьбы со старым строем. Почуввав неполное соответствие своих интересов с интересами пролетариата, она оказалась не подготовленной для самостоятельного продолжения борьбы. Изоляция пролетариата, ясно обозначившаяся после октябрьских дней, означала крушение общей революционной борьбы с силами реакции.

И параллельно с этим в недрах самого пролетариата стал обозначаться другой процесс, по внешности аналогичный с первым. Здесь внутри класса дала себя знать изоляция его самой сознательной части. Результатом обоих этих процессов определился исход революции, ее временное поражение, и этот эпилог нашел свое выражение в образах, описанных в «Суде победителей».

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.147. Оп.1. Д.47.
2. Вестник Европы. 1910. Кн.9–10. Июль–август.
3. Войтинский В.С. Вне жизни. Очерки тюрьмы и каторги / Обложка и заставки работы художн[ицы] Н.Войтинской. СПб.: Издание автора, 1914.
4. Мартов Ю.О. Сибирские марксисты // Наше Слово. 1915. 26 февраля. №25.
5. Потресов А.Н. Либеральная философия бездействия // Дело. 1916. №7–8.
6. Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н.Николюкин. М., 2008.
7. Русское Богатство. 1912. №6, 7, 8.
8. Русское Богатство. 1913. №7.
9. Студенческие волнения в 1901–1902 гг. / Ввод. ст. А.Сыромятникова, подг. М.Сыромятникова // Красный архив. Исторический журнал. 1938. №4–5. С.258–308.
10. Студенческое движение в 1901 г. / Предисл. В.Орлова // Там же. 1936. №2. С.83–112.
11. Чернявский Г.И. Войтинский и его время // Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений / Под ред. Ю.Фельштинского. М., 1999.

(Продолжение следует)

Наши авторы

Алешковский Иван Андреевич

кандидат экономических наук, доцент факультета глобальных процессов, МГУ имени М.В.Ломоносова

Бочарова Зоя Сергеевна

доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов, МГУ имени М.В.Ломоносова

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Кириллов Виктор Леонидович

аспирант кафедры истории России XIX – нач. XX вв. исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Жбанкова Елена Васильевна

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В.Ломоносова

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук, профессор, кафедра истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Лазарева Любовь Николаевна

кандидат исторических наук, ведущий специалист Центра документальных публикаций РГАСПИ, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин (Филиал РГГУ в г. Домодедово)

Ненароков Альберт Павлович

доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, лауреат Государственной премии РФ

Our authors

Aleshkovskiy Ivan Andreevich

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Faculty of Global Studies
Lomonosov Moscow State University

Bocharova Zoya Sergeevna

D.Sci., historian, Professor, Faculty of Global Studies
Lomonosov Moscow State University

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Chair of Early and Early Modern Russian
History, Russian State University for Humanities

Kirillov Victor Leonidovich

post-graduate, Department of the history of Russia of the 19th and
early 20th century, Lomonosov Moscow State University

Zhbankova Elena Vasiljevna

D.Sci., historian, Associate Professor, Professor of the Department
of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies,
Lomonosov Moscow State University

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci., philologist, Professor, Chair of History of Russian Literature,
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Lazareva Lyubov' Nikolaevna

Ph.D., historian, leading specialist of the Russian Center documentary
publications, Russian State Archive of Socio-Political History,
assistant Professor, Chair of humanitarian and socio-economic
disciplines (Domodedovo branch of Russian State University for
Humanities)

Nenarokov Al'bert Pavlovich

D.Sci., historian, Professor, head specialist, Russian State Archive
of Socio-Political History, the winner of State Premium
of the Russian Federation

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
(подписка возможна с любого месяца)

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12
e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ:

Тел. (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru,
kurilenkova@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Кроме того журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой по всей России или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
сайт www.hamlet.ru

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2017.
Цена свободная.

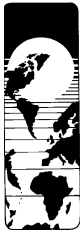
Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 18.04.2017. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,75 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яколева, 13.

2.2017 march-april

Geopolitics and International Policy Issues

Ivan Aleshkovski, Zoya Bocharova

Refugees. Formation and Evolution of the Status
and Development System of Protection _____ **6**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Andrey Yurganov

WWI and Crisis of the Russian Modernism
(the end) _____ **30**

Pages of History

Viktor Kirillov

“Elizavetgrad Affair” of 1869. To the Question
of Terrorism and Radicalism in the Russian
Revolutionary Movement of the Late
1860s _____ **56**

Elena Zhbankova

“Artistic Propaganda of Communist Ideas ...”
State Policy of Russia in the Field of Art
of the First Post-revolutionary Years _____ **76**

Labels and Myths

Andrey Ranchin

“Story of Dracula” and Ideas of
Virtuous, Good and “Evil” Prince in
the Old Russian Booklore _____ **94**

Topical Archive

Lyubov' Lazareva

The Everyday Life of Moscow Spring
of 1952. Impressions of Foreign
Guests _____ **124**

Al'bert Nenarokov

“Siberian Marxists” about the Test
by the Revolution of 1905 _____ **154**

РОССИЯ XXI